

Шлем и копье

Альфред Джон Черч

HELMET AND SPEAR

*STORIES FROM THE WARS OF
THE GREEKS AND ROMANS*

By the

REV. A. J. CHURCH, M.A.

Sometime Professor of Latin in University College, London
Author of "Stories from Homer," etc.

"Yea, but of war the righteous last event
In highest Heaven is born,
And from great Zeus with saving power is sent."
AESCHYLUS, Seven against Thebes.

NEW YORK
THE MACMILLAN COMPANY
66 FIFTH AVENUE
1900

The Project Gutenberg eBook of Шлем и копье.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить ее или использовать повторно на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге, или в режиме онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Шлем и копье

Истории из войн греков и римлян

Автор: Альфред Джон Черч

Иллюстратор: Джордж Морроу

Дата выхода: 29 сентября 2024 года [eBook #74494]

Язык: Английский

Оригинальное издание: New York: The Macmillan Co, 1900

Кредиты: Брайан Коу, Грэм Макрет и группа онлайн-распределенной корректуры на сайте <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, любезно предоставленных Библиотекой Конгресса США).

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ "ШЛЕМ И КОПЬЕ" ***

ШЛЕМ И КОПЬЕ

ИСТОРИИ ИЗ ВОЙН ГРЕКОВ И РИМЛЯН

by the REV. A.J. CHURCH, M.A.

Профессор латинского языка в Университетском колледже Лондона.
Автор "Историй из Гомера" и др.

"Да, но от войны праведной последнее событие На высших небесах рождается, И от великого Зевса со спасительной силой посылается".

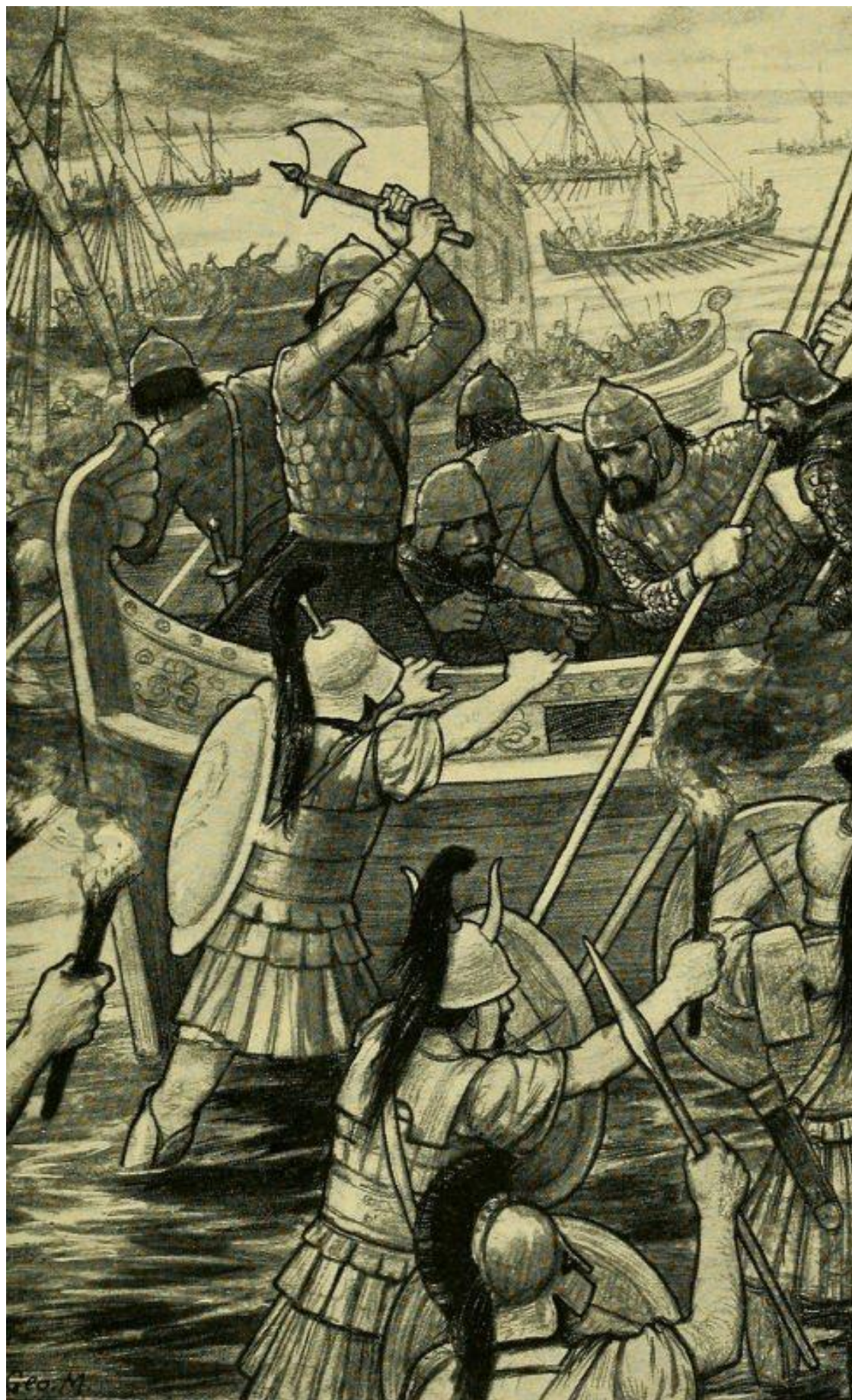
Эсхил, *"Семеро против Фив"*.

НЬЮ-ЙОРК

КОМПАНИЯ "МАКМИЛЛАН

66 Пятая авеню

1900

Бегство персов после Марафона.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этом томе я вновь рассказал несколько знакомых историй, используя в основном оригинальные источники, но по мере возможности прибегая к помощи Плутарха, чьи биографии всегда богаты живописными деталями. Эти истории никогда не теряют своего интереса, и они имеют особое значение, поскольку иллюстрируют то, во что мы все, по крайней мере, хотим верить, - что из потерь и горестей войны проистекают результаты, приносящие неизменное добро. Эту мысль я постарался подробно изложить в своем Эпилоге.

А.И.С.

Игтхэм, Севеноукс.

8 сентября 1900 г.

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА I

ГРЕЦИЯ И ПЕРСИЯ. ОБОРОНА

I.	ЛЮДИ МАРАФОНА	2
II.	КОРОЛЬ ЛЕВ	11
III.	В ШТРИХАХ	21
IV.	ДЕРЕВЯННЫЕ СТЕНЫ	29
V.	СРАЖЕНИЯ НА РАВНИНЕ И НА БЕРЕГУ	44

КНИГА II

ГРЕЦИЯ И КАРФАГЕН

I.	ВЛАДЫКА СИРАКУЗ	65
II.	БУРЯ ИЗ АФРИКИ	75
III.	ДИОНИСИЙ ТИРАН	99
IV.	ИЗБАВИТЕЛЬ ИЗ КОРИНФА	110

КНИГА III

ГРЕЦИЯ И ПЕРСИЯ. НАПАДЕНИЕ

I.	БОЙ НА РЕКЕ	123
II.	НЕОДОЛИМАЯ ФАЛАНГА	135
III.	АРМИЯ СТА ПРОВИНЦИЙ	143

КНИГА IV

РИМ И КАРФАГЕН

I.	СЛУГИ МАРСА	154
II.	ЗА ВЛАДЫЧЕСТВО НАД МОРЕМ	159
III.	ПАТРИОТ-МУЧЕНИК	166

IV.	СЫНОВЬЯ МОЛНИИ	174
V.	ЛАВИНА ИЗ АЛЬП	183
VI.	КАТАСТРОФА НА ОЗЕРЕ	194
VII.	СВЕРЖЕНИЕ В КАННЕ	202
VIII.	ТАЙНЫЙ ПОХОД	213
IX.	ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА ГАННИБАЛА	224
X.	УНИЧТОЖЕНИЕ КАРФАГЕНА	232

КНИГА V

РИМ И ВАРВАРЫ. ВОСХОД

I.	ДЕНЬ АЛЛИИ	242
II.	АПОЛЛОН-ЗАЩИТНИК	253
III.	РОЙ С СЕВЕРА	261
IV.	ЗА ПИРЕНЕЯМИ	275
V.	ЗА ЕВФРАТОМ	286
VI.	ЗАВОЕВАНИЯ ЦЕЗАРЯ	302
VII.	САМАЯ ДАЛЕКАЯ БРИТАНИЯ	323
VIII.	ЗА РЕЙНОМ	331
IX.	ПОСЛЕДНЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ	337

КНИГА VI

РИМ И ВАРВАРЫ. УПАДОК

I.	ВЕК ПОЗОРА	343
II.	ВЕК ВОЗРОЖДЕНИЯ	357
III.	ТРИ СМЕРТЕЛЬНЫХ УДАРА	363
	ЭПИЛОГ	377

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

БЕГСТВО ПЕРСОВ ПОСЛЕ МАРАФОНА

ТИМОЛЕОН ДЕРЖИТ КРИМЕССКИЙ БРОД

БИТВА ПРИ ИССЕ

СВЕРЖЕНИЕ КАННЫ

ПОРАЖЕНИЕ КИМВРОВ В БИТВЕ ПРИ ПОВОЗКАХ

КРАСС РАЗБИТ ПАРФЯНАМИ

ТРАЯН ОСАЖДАЕТ ДАКИЙСКИЙ ФОРТ

На

МОИМ ДОЧЕРЯМ

КНИГА I

ГРЕЦИЯ И ПЕРСИЯ. ОБОРОНА

I. ЛЮДИ МАРАФОНА

О войнах можно сказать то же, что один знаменитый философ сказал о революциях: они происходят из-за мелочей, но возникают из великих причин. Когда Геродот в начале своей "Истории" переходит к изложению причин великой вражды между греками и варварами, он рассказывает о различных злодеяниях, совершенных то одной, то другой стороной. Финикийцы начали с того, что похитили Ио, дочь Инаха; греки в ответ высадились в Тире и увезли царскую дочь Европу. Затем они захватили Медею, принцессу Колхиды. Когда Парис из Трои бежал с прекрасной Еленой из Спарты, он всего лишь приводил счет в порядок. Именно тогда, по мнению персидских мудрецов, с которыми, похоже, согласен Геродот, греки совершили роковую ошибку. Они действительно повели огромную армию в Азию, чтобы вернуть никчемную женщину, хотя "здравомыслящим людям нет никакого дела до таких людей".

Дело в том, что греки, будучи очень предприимчивой и активной расой, часто сталкивались со своими восточными соседями. Мы видим проблески этого в очень отдаленные времена. Однако к ним нам нет необходимости возвращаться. В конце восьмого или в начале седьмого века до нашей эры цари Лидии начали посягать на своих греческих соседей и завоевывали город за городом. Последний из династии Крёс успел стать хозяином всех этих городов, прежде чем был свергнут Киром Персидским. Это событие не означало для греков ничего, кроме смены хозяев, и это была смена не в лучшую сторону. Лидийцы и греки издавна были соседями и могли жить на сносных условиях. Персы же были чужаками из далекой страны и отличались более суровым нравом. В 502 году до н. э. произошло всеобщее восстание, в ходе которого была сожжена Сардиса, местная столица персов. В этом деле принял участие контингент афинских войск, и их присутствие стало непосредственной причиной последовавшей за этим большой борьбы. Война между Грецией и Персией продолжалась, с перерывами на сомнительный мир, не более 180 лет. Первый большой конфликт произошел при Марафоне.

В конце лета 490 года до н. э. персидская армия высадилась в Марафонском заливе, удаленном от Афин примерно на двадцать миль, а по единственной дороге, пригодной для колесного транспорта, - на двадцать пять. О численности персов нам ничего не известно. Геродот, который является нашим лучшим авторитетом (он родился в 480 году и, вероятно, общался с людьми, участвовавшими в битве), не приводит никаких цифр. Более поздние авторы говорят о невозможных цифрах: 600 000 - самая большая, 110 000 - самая маленькая

оценка. Перевезти даже 110 000 через Эгейское море было бы тяжелой задачей. Если прикинуть, то можно рискнуть назвать 60 000 человек. Афиняне насчитывали 10 000 человек, и с ними была 1000 человек из Платеи, небольшого беотийского города, который они недавно взяли под свою защиту. Марафонская равнина имеет длину с юго-запада на северо-восток около шести миль, а в ширину колеблется от двух с половиной до полутора миль. На северо-востоке она ограничена большим болотом, которое отделено от моря узкой полосой суши. На юго-западе находится еще одно болото поменьше. По краю этого болота проходила дорога в Афины. Вероятно, персидский полководец Датис стремился захватить эту дорогу, а афинские полководцы - защитить ее. Их правое крыло упиралось в приморский склон того, что сейчас называется Агриэликой, северо-восточного отрога Пентелика. Примерно в миле от него до сих пор видны остатки кургана, воздвигнутого над костями афинян, убитых в битве. Вероятно, здесь находится место, где бой был наиболее ожесточенным. Если это так, то персидские войска должны были продвинуться на небольшое расстояние до возвышенности.

Афиняне, узнав о приближении персидских войск, послали в Спарту быстрого гонца с просьбой о помощи. Тот добрался до Спарты, расстояние до которой составляло около ста сорока миль, менее чем за сорок восемь часов ("на второй день" - выражение). Спартанцы пообещали прийти, но, по их словам, не могли отправиться в путь до полнолуния, до которого оставалось пять дней. Тогда афинские полководцы - их было десять, и у каждого был свой день командования - задались вопросом: сражаться ли им сразу или подождать спартанский контингент. Мнения десяти полководцев, разделявших командование армией, разделились. Но Мильтиад, самый выдающийся из них, стремился к немедленным действиям и сумел склонить на свою сторону Каллимаха Полемарха, на которого в случае равного разделения возлагалось право решающего голоса. Мы увидим, что у него были веские причины для своих действий, и что его оперативность спасла Афины и, можно сказать, Грецию.

Центр персидской линии сражения занимали коренные персы и сакеры, последние - племя, которое сейчас представляют туркоманы. Об остальном строе нам ничего не известно. У них была конница, но она не упоминается как принимавшая какое-либо участие в битве. Есть предположение, что она не была высажена на момент сражения. Конечно, было бы трудно снова запрячь лошадей, и если бы их захватили в плен, мы бы наверняка об этом узнали. Афинская линия была выстроена таким образом, чтобы быть равной по длине персидской. Для этого, конечно, необходимо было сделать ее очень тонкой. Так было в центре, где было всего два или три строя. Здесь не было ни легковооруженных солдат, ни лучников, ни конницы. Все были тяжеловооруженными людьми с несколькими рабами в придачу. Правым крылом командовал Каллимах, слева находились платейцы.

Между двумя армиями, как уже говорилось, было расстояние в милю. Мильтиад приказал афинянам пересечь его бегом. Такого еще не было в регулярных войнах. Это был удивительный по силе подвиг, ведь люди были в тяжелых доспехах. Не менее удивительной была и смелость движения, ведь в те дни греки еще не научились смотреть на персов свысока. Для врага атака казалась поступком безумцев; но они должны были почувствовать, что такие безумцы - опасные враги, и пошатнуть уверенность, с которой они ждали победы. Тем не менее они устояли на ногах и встретили нападавших в рукопашной схватке. Они даже прорвали центр афинской линии, которая, как уже было сказано, имела глубину всего в два-три отряда. Геродот даже говорит, что "они преследовали их до средней полосы" - любопытная фраза, если учесть, что битва происходила всего в миле или около того от берега моря. Но в рукопашном бою, когда условия были абсолютно равными, персы не могли сравниться со своими противниками ни в подготовке, ни в снаряжении. Поэт Эсхил, сам

"человек Марафона", самого гордого титула, который мог носить афинянин, говорит о войне персов с греками как о битве лука с копьем. В *"Персах"*, драме, посвященной сокрушительному поражению Персии во время ее второго нападения на Грецию, он заставляет хор, состоящий из советников великого царя, хвастаться тем, как их повелитель приказал

"Железный град стрел настигает
Против громоздкого подвижного копья".

счастливый удар иронии, когда стало известно, что копье одержало верх над стрелой. В тот день оно, безусловно, победило. Оба крыла одержали победу в столкновении оружия, а когда они обратили в бегство противостоящие им ряды, то обратились к центру, чтобы восстановить прежнюю удачу. Вскоре им это удалось. Вскоре вся линия персов начала стремительно отступать. Павсаний говорит, что многие из беглецов бросились в болото, и, действительно, большая часть их потерь была вызвана именно этим.

Мильтиад, желая завершить свою победу, преследовал бегущего врага и пытался отрезать ему путь к отступлению. Здесь он был менее успешен и, более того, понес серьезные потери. При попытке сжечь персидские корабли погибло не мало знатных афинян. Среди них были Полемарх и другой полководец, а также брат поэта Эсхила, который, ухватившись за один из кораблей, отрубил себе руку топором и умер от раны. Персы сумели уйти, потеряв не более семи кораблей, но оставив после себя в богато обставленных палатках богатую добычу для завоевателей.

Афины, однако, еще не были в безопасности. Гиппий, который вместе со своим братом некогда обладал деспотической властью в городе, а двадцать лет назад был отправлен в изгнание, пришел с персидской армией, надеясь, что его друзья - у него все еще оставалась партия, которая замышляла его возвращение, - будут действовать в его пользу. Они не подвели его. Когда персы высадились на берег, на вершине Пентелика был замечен сигнал - полированный щит, сверкающий в лучах солнца. Это означало, что персы должны воспользоваться отсутствием армии и отплыть к Афинам, и что отряд Гиппия готов к действиям. Часть флота, соответственно, взяла направление на мыс Суниум, который ей пришлось бы обогнуть, прежде чем она смогла бы достичь Афин. Мильтиад, по-видимому, знал о задуманном и сразу же отдал приказ со всей поспешностью отплыть в Афины. Так и было сделано, и предатели были обезврежены. Персидский флот, как видно из карты, должен был сделать круг длиной около шестидесяти миль, в то время как армия должна была пройти менее половины этого расстояния.

Потери персов Геродот оценивает в 6 200 человек, что является умеренной цифрой, которая, скорее всего, близка к истине. Из афинян было убито сто девяносто два человека. Их похоронили на поле боя, а над их останками насыпали курган. На его вершине установили десять каменных столбов, по одному на каждое афинское племя, с надписями имен убитых. Одиннадцатый столб посвящался платейцам, двенадцатый - рабам, павшим во время великой победы. После смерти Мильтиада на том же месте ему был воздвигнут памятник. Столбы давно исчезли, но курган остался. Его высота составляет тридцать футов, а окружность - около 200 ярдов. Он был раскопан в 1890-91 годах по приказу греческого правительства, и в нем были обнаружены человеческие останки, а также керамика того самого периода, когда произошла битва. Писавший шесть веков спустя Павсаний говорит: "Здесь каждую ночь вы можете слышать ржание лошадей и бой людей", и добавляет, что ходить туда из любопытства - плохая примета, но "на того, кто случайно заглянет туда, духи не

сердятся". Та же традиция сохранилась на многих великих полях сражений мира. Пастухи, кормившие свои стада на равнинах Трои, видели призраков в доспехах, и среди них выделялся дух великого Ахилла. До сих пор говорят, что сцены великих битв Аттилы и Карла Великого были наполнены призраками.

Остается только сказать, что 2000 спартанцев прибыли на следующий день после битвы, что они отправились на поле боя, чтобы посмотреть на персидских мертвецов, и, воздав афинянам хвалу, вернулись домой.

II

ЦАРЬ ЛЕВ

Дарий отнюдь не был склонен считать поражение при Марафоне окончательным. Напротив, он сразу же принялся за подготовку к новой экспедиции, которая на этот раз должна была быть непреодолимой по силе и которую он намеревался возглавить лично. Вероятно, восстание, вспыхнувшее в Египте, задержало его на некоторое время. Как бы то ни было, он умер в 485 году, так и не завершив свои приготовления. Он царствовал тридцать шесть лет и, вероятно, находился на шестьдесят восьмом году жизни. Ксеркс, старший из сыновей, родившихся после его восшествия на престол, сменил его без всякой оппозиции. Говорят, что он был против плана вторжения, но его убедили те, кто был заинтересован в его продвижении. Как бы то ни было, подготовка не была серьезно прервана. Египетский мятеж был подавлен, и осенью 481 года в Сардах была собрана армия, предназначенная для вторжения в Грецию. Рассказ о последующих событиях следует искать в другом месте, поскольку я не пытаюсь излагать историю персидской войны. Достаточно сказать, что к августу 490 года персидская армия заняла Фессалию. Именно на знаменитом перевале, который ведет из этого региона в Локрис, греки сделали свой первый шаг.

Фермопилы (Горячие ворота) состояли из двух узких проходов, ширина которых не превышала ширины колесной повозки, что было вызвано близким подходом горы Æta к морю, или, скорее, к непроходимой топи, которая здесь образовывала береговую линию. (Следует отметить, что в характере страны произошли значительные изменения, в частности, береговая линия отступила далеко на восток). Самый восточный из двух перевалов был тем, к которому и относилось название, ведь здесь находились настоящие горячие источники, посвященные Геркулесу и дающие целебные ванны. Между двумя перевалами (расстояние в милю) гора отступает от моря, оставляя ровное пространство шириной около полумили. В самом Фермопиле была стена, построенная локрийцами, но к тому времени, о котором мы говорим, она разрушилась.

Именно здесь Леонид, один из двух царей Спарты, занял свою позицию, кажется, в конце июля. С ним было 300 спартанцев, 2500 воинов из других частей Пелопоннеса, отряд в 700 человек из Феспий, одного из беотийских городов, которые сильно расходились с проперсидскими взглядами своих соотечественников, и 400 фиванцев, пришедших по принуждению. Фивы не решились отказать Леониду в его требованиях, пока их персидские друзья были еще далеко. К нему присоединились также отряды локрийцев и фокийцев. Оба племени уступили или собирались уступить персам, но, вероятно, предпочли успех греков. В любом случае, они не были готовы противостоять греческому главнокомандующему, имевшему значительно превосходящие силы.

Леонид сразу же укрепил свои позиции, восстановив полуразрушенную стену у Горячих источников. Но он узнал, что Фермопилы - не единственный путь, по которому можно попасть из северной в южную Грецию. Фокийцы сообщили ему, что существует горная тропа, которая ведет от точки за самым западным перевалом к другой точке за дефиле у Горячих источников. Но они пообещали, что будут охранять ее. Этот факт, конечно, стал известен всем войскам и сильно их обескуражил. Они даже хотели совсем оставить Фермопилю. Особенно настаивали те, кто прибыл из Пелопоннеса, считая, что у них гораздо более выгодная позиция для обороны на Коринфском перешейке. Леонид отказался отступать, но разослал гонцов в различные греческие государства с настоятельной просьбой о подкреплении. По его словам, имеющиеся у него силы были совершенно недостаточны, чтобы справиться с такой армией, как у персов.

Ксеркс, разбивший лагерь в окрестностях Фермопил, послал всадника разведать позицию Леонида. В тот день спартанцы стояли в карауле перед стеной, и тот заметил, что одни занимались атлетическими упражнениями, а другие расчесывали свои длинные волосы. Демарат, изгнанный царь Спарты, находившийся вместе с Ксерксом, на вопрос о смысле такого поведения сказал ему, что его соотечественники особенно тщательно следят за своим туалетом, когда участвуют в любом опасном предприятии, и что он должен ожидать отчаянного сопротивления. "Ты имеешь дело, - продолжал он, - с первым городом Греции и с ее самыми храбрыми людьми". "Но как может такая маленькая рота противостоять моей?" - спросил Ксеркс, который еще не научился сомневаться в своих больших батальонах. Царь не хотел ему верить и ждал четыре дня, рассчитывая, что греки передумают сопротивляться и отступят без боя.

На пятый день, обнаружив, что греки все еще находятся на своих позициях, Ксеркс послал медяков и жителей Киссии (ныне Хузистан) с приказом взять греков живыми и привести их к нему. Эти войска с величайшей отвагой бросились в атаку. Многие были убиты, так как в рукопашном бою они не могли сравниться с греками, но на их место встали другие. Схватка продолжалась весь день, не принеся ничего, кроме тяжелых потерь для нападавших. На следующий день Ксеркс отправил в атаку свой *элитный* персидский корпус под названием "Бессмертные", уверенный, что они смогут форсировать перевал. Они добились не большего успеха. Их копья были короче, чем у греков, а узость поля боя не позволила им воспользоваться своим численным превосходством. Геродот особо отмечает отработанное мастерство, которое демонстрировали спартанцы. Одним из их приемов было притворное бегство, заманивание нападающих, а затем смертоносное нападение на них. Огромное количество персов было убито; греки также понесли некоторые потери, ведь лучшие войска Востока не могли сражаться совершенно напрасно, но эти потери были очень малы. Говорят, что трижды за день персидский царь вскакивал с места, с которого наблюдал за боем, в ужасе за свою армию.

Еще один день прошел в бесплодных атаках на греческие позиции. Персы надеялись измотать противника непрерывными атаками. Кто-то должен быть убит или ранен, а при таком малом количестве войск даже небольшие потери должны были в конце концов сказаться на них. Однако на самом деле силы греков не были ощутимо подорваны. Пространство, которое нужно было удерживать, было очень маленьким, и греки могли менять своих бойцов через частые промежутки времени.

Вероломство уроженца Малиса, маленького дорийского государства в сердце гор, избавило Ксеркса от недоумения. Он предложил за вознаграждение показать горную тропу, по которой можно было бы свернуть с греческой позиции. Имя этого негодяя, за голову которого Генеральный совет греческих государств назначил цену, было Эфиальт. Сомнительно, что

тайна могла долго храниться, но, похоже, все сходились во мнении, что виновником был Эфиальт, хотя назывались и другие имена.

Ксеркс охотно выкупил секрет и поручил задачу обойти греческие позиции бессмертным. Они выступили в сумерках и шли всю ночь. Фокийцы, охранявшие тропу, по-видимому, не поставили никаких застав и не знали о приближении врага, пока треск листьев под ногами, донесшийся сквозь ночной воздух, не предупредил их. На этот звук они поднялись со своего бивака, и персы, удивленные появлением врага, которого они не ожидали, остановились. Фокийцы, похоже, не пытались удержать путь, а отступили на гребень холма и приготовились к обороне. Персы оставили их в покое и продолжили свой поход.

Греки в Фермопиле к тому времени уже получили предупреждение о случившемся. Говорят, что прорицатель, прикрепленный к отряду, прочитал в жертвах, которых он осматривал, предсказание их судьбы. Более точные сведения поступили от разведчиков, которые были на холмах и теперь спешили в лагерь с новостями. Был срочно созван военный совет. Он не смог прийти к единому мнению, но в результате большинство контингентов отступило. Сделали ли они это по приказу Леонида или без него, точно не известно. Это один из тех вопросов, по которым практически невозможно установить истину. Геродот считает, что Леонид приказал им отступить, потому что видел, что они не хотят оставаться. Это выглядит правдоподобно. Что касается самого Леонида и его спартанцев, то они решили остаться. Несгибаемая воинская честь их содружества не позволяла отступить. Семьсот феспийцев отказались уходить, и за ними должна остаться слава еще более героического мужества^[1]. Прорицатель Мегистий - его имя следует хранить не менее бережно, чем имя предателя Эфиальта, - отказался уходить, хотя, будучи не спартанцем, а акаманцем по происхождению, он мог бы сделать это без ущерба для себя, но он отослал своего единственного сына. Имя вождя феспийцев также должно занять свое место в почетном списке. Им был Демофил.

В первой половине дня персы начали двойную атаку, спереди и сзади. Они видели такие доказательства греческой доблести, что мужчин пришлось подгонять в бой кнутом. Что касается греков, то они изменили свою тактику. Оставив проход у Горячих источников и стену, они вышли на открытое пространство. Надежда на побег или победу была потеряна. Они будут сражаться там, где можно дороже всего продать свои жизни. И они дорого продали их. Толпы персов пали, многие были растоптаны ногами своих товарищей, многие были втянуты в болото, окаймлявшее дорогу со стороны моря. Среди убитых были два брата царя. Спартанцы и феспийцы сражались до тех пор, пока их копья не были сломаны. Леонид, по-видимому, упал в начале дня, и за его тело развернулась яростная борьба. Четыре раза варвары уносили его, и четыре раза его возвращали. С наступлением дня на арену вышли бессмертные. Зная об их приближении, греки отступили к перевалу и до последнего оказывали сопротивление. Когда оружие подводило их, они использовали руки и даже зубы. Но персы окружили их и осыпали стрелами и всевозможными снарядами. Они погибли все до единого человека. Еще одно имя из трехсот спартанцев должно быть сохранено - Диенек, который, похоже, был не только воином, но и остроумцем. Когда один из жителей Трахиса сказал ему, что персов так много, что их стрелы затмевают солнце, он ответил: "Хорошо, - сказал он, - чужеземец; тогда мы будем сражаться в тени". Один из контингента отсутствовал. Он и его товарищ лежали больные офтальмией в соседней деревне. Они не могли договориться, что делать. Один застегнул доспехи и попросил сопровождавшего его хелота вывести его - он не мог видеть - на поле боя. Гелот так и сделал, а затем повернулся и убежал. Его хозяин бросился в гущу сражения и пал. Другой больной вернулся в Спарту. Там никто не дал ему света, чтобы разжечь огонь, и не заговорил с ним. Он смыл с себя позор, пав в Платее после чудесной доблести.

ССЫЛКИ:

[1] Каноник Роулинсон не проявляет себя так остро, как обычно, когда предполагает, что эта великолепная решимость феспийцев была вызвана стремлением лишить Фивы главенства в Беотийской конфедерации. Замечание г-на Грота о том, что они знали, что должны остаться без крова, более точно.

III

В СТРАНАХ

Пока армия союзных греков удерживала Фермопильский проход, их флот занял Артемизиум. Это был мыс на северной оконечности острова Эвбея, небольшой участок побережья по обе стороны от самого мыса был известен под тем же названием. Персидская атака велась как по суше, так и по морю, и греческий план обороны заключался в том, чтобы отразить ее в двух точках, расположенных как можно ближе друг к другу.

Обе позиции могли быть перевернуты. Опасность у Артемизиума была даже больше, чем у Фермопил, так как ничто не мешало персидскому флоту проплыть вдоль восточного побережья Эвбеи. И действительно, мы увидим, что это было сделано, хотя, как оказалось, без всякого ущерба для греков. Очевидно, что офицеры, командовавшие флотом, были так же беспокойны, как и некоторые военачальники в Фермопилах, и не было никого, кто мог бы осуществлять такой контроль над союзниками, какой осуществлял Леонид, в силу своего полководческого характера и звания спартанского царя.

Событие, не имеющее большого значения, превратило эту тревогу в панику. Два из трех кораблей, отряженных для наблюдения, были захвачены передовой персидской эскадрой из десяти кораблей. Вследствие этого бедствия флот поспешно отступил на пятьдесят миль к югу, в место, где канал между материком и Эвбеей самый узкий. Возможно, он ушел бы еще дальше на юг, если бы не тяжелые потери, которые понес персидский флот во время четырехдневного шторма. Было уничтожено не менее четырехсот кораблей, а вместе с ними и несметное количество людей. Греки были настолько воодушевлены потерями, постигшими врага, что поспешно вернулись и заняли свои прежние позиции. Отсюда и битва при Артемизиуме.

Первый инцидент был успешным для греков. Персидский флот занял позицию в большой естественной гавани, которая сегодня известна как залив Воло. Пятнадцать кораблей, принадлежавших к нему, так сильно отстали от остальных, что к тому времени, когда они достигли юго-восточной точки залива, основная часть обогнула его и пропала из виду. Но греческий флот был на виду; они приняли его за свой, поплыли прямо к нему и были захвачены без борьбы. Несмотря на эту удачу, греческие капитаны были полны опасений. Даже после потерь, вызванных штормом, персидский флот значительно превосходил их по численности. У них было двести восемьдесят кораблей, считая девять пятидесятивесельных с большими триремами или "трехбанками"; у персов, должно быть, их было в два раза больше. Вопрос об отступлении снова встал, и казалось, что он будет решен положительно. К другому результату привело действие, характерное для греческого образа действий и мышления. Жители Эвбеи были в отчаянии от перспективы быть покинутыми. Они подумали, что было бы неплохо получить несколько дней отсрочки, чтобы перевезти свое имущество в

безопасное место. Они отправились к Эврибиаду, спартанскому адмиралу, который был верховным главнокомандующим, и умоляли его отложить отплытие на некоторое время. Он отказал им в этой просьбе. По его словам, это не отвечает общественным интересам. Тогда они отправились к Фемистоклу, афинскому адмиралу. Он не был главнокомандующим, но командовал самым многочисленным контингентом - ста двадцатью семью кораблями, лишь на тринадцать меньше половины. Они предложили ему великолепную взятку в тридцать талантов (около 7000 фунтов стерлингов на наши деньги), если он сможет добиться для них желаемой отсрочки. Фемистокл, похоже, знал цену людей, которых ему нужно было купить. Эврибиаду он дал пять талантов, и спартанец, которому эта сумма, вероятно, показалась целым состоянием, изменил свои взгляды на общественную безопасность. Коринфского полководца, обладавшего самой мощной эскадрой после афинской, тоже пришлось купить. Фемистокл поступил с ним самым откровенным образом. "Я дам тебе, - сказал он, - за то, что ты останешься, больше, чем персы дадут за то, что ты уйдешь". Коринфянин, похоже, не обиделся на предположение, что его готовы подкупить враги его страны, и принял два таланта, которые Фемистокл отправил на борт его корабля. Афинянин сохранил солидный остаток в своих руках. Мы не можем сказать за него ничего другого, кроме того, что он вышел из этой сделки лучше, чем его коллеги. Они считали, что лучше и безопаснее отступить. Он же, напротив, был убежден, что правильная политика - остановиться и сражаться. Но он никогда не забывал о своих личных интересах. В данном случае он привел их в гармонию; в других случаях его действия были более сомнительными. Есть основания полагать, что до конца своей карьеры он отложил общественное благо до своего собственного.

Персы, увидев, что греческий флот все еще находится в Артемисиуме, похоже, не думали только о том, как бы захватить его целиком. Они отправили эскадру из двухсот кораблей к восточному побережью Эвбеи. Они должны были зайти грекам в тыл, а основная часть дождалась сигнала о прибытии эскадры. Тем временем греки получили обнадеживающие сведения. Греческий ныряльщик по имени Сциллиас[2], который был на службе у персов, дезертировал к ним. Он описал ущерб, нанесенный штормом, а также сообщил об эскадре, которая была направлена вокруг Эвбеи. Первой мыслью греческих адмиралов было отплыть на юг и встретить эту эскадру. Но после размышлений возобладали более смелые решения. Поздно вечером они покинули свой пост и поплыли навстречу вражескому флоту. Персы смотрели на это движение с удивлением, а азиатские греки - с тревогой, так как, хотя и служили у врага, желали добра своим соотечественникам. Греческие корабли уступали не только в численности, но и в оснащении, и казалось, что они спешат на погибель.

Греки начали с того, что заняли, казалось бы, оборонительную позицию, образовав круг, где кормы их кораблей располагались в тесном порядке, а носы были повернуты к врагу. Противник продвинулся вперед, чтобы сблизиться с ними, и тогда, по согласованному сигналу, греки бросились на своих противников с таким успехом, что захватили тридцать их кораблей, причем первый приз достался, как и подобает, афинскому кораблю. Персы, оправившись от первого сюрприза, стали держаться лучше, и когда наступила ночь, исход сражения все еще оставался сомнительным. Капитан корабля с острова Лемнос прозорливо предвидел, чем закончится борьба, и дезертировал к грекам, получив впоследствии достойное вознаграждение за свой своевременный патриотизм.

И снова "звезды сражались за Грецию". В ту ночь разразилась гроза с сильным дождем и ветром. Основная часть флота не понесла больших материальных потерь, но экипажи с ужасом наблюдали за обломками затонувших кораблей и телами погибших, занесенными ветром. Это действительно были признаки большой катастрофы. Эскадра, отправленная вокруг Эвбеи, была загнана на подветренный берег и полностью уничтожена. На следующий

день персы не предприняли никаких действий, но греки повторили тактику предыдущего дня. До них дошла весть о катастрофе персидской эскадры, и к ним присоединилось подкрепление из афинских кораблей. Это придало им новое мужество и увеличило их силы. До конца дня они захватили несколько киликийских кораблей.

На третий день персидские командиры, доведенные до отчаяния неудачей, ведь они служили господину, который жестоко наказывал за неудачи, двинулись вперед, чтобы вступить в бой с врагом, а греки ждали их нападения. Порядок атаки персов был в форме полумесяца, а ее цель - обойти врага с двух сторон. Греки приняли вызов. Результат не был решающим. Греки потопили и захватили больше кораблей, чем потеряли сами. Но их собственные потери были серьезными. Особенно афинский флот, более половины которого было повреждено настолько, что требовало ремонта. К тому же к этому времени позиция перестала иметь стратегическое значение. Фермопильский проход был форсирован персами, и удерживать Артемизиум было бесполезно. Этой ночью греческий флот отступил на юг. Перед отплытием Фемистокл выгравировал на видном камне надпись, в которой предлагал азиатским грекам, находящимся на службе у персов, объединить усилия с их соотечественниками. "Если эти слова, - рассуждал он про себя, - ускользнут от внимания царя, они могут привлечь этих греков на нашу сторону; если же они дойдут до его сведения, то заставят его не доверять им".

ССЫЛКИ:

[2] Павсаний рассказывает, что видел в Дельфах статую этого Сциллиаса, воздвигнутую Амфикифонийским советом. Рядом с ней раньше стояла статуя его дочери Гидны, но ее унес Нерон. Эти двое были знаменитыми ныряльщиками, и о них ходили чудесные легенды. Павсанию рассказывали, что во время шторма они утащили якоря и швартовы персидских кораблей и тем самым усугубили бедствие. Геродот слышал еще более удивительную историю о том, как Сциллий проплыл под водой все расстояние, почти десять миль, между персидской станцией и греческой, но характерно добавляет: "Мое же мнение, что он проплыл в лодке".

IV

ДЕРЕВЯННЫЕ СТЕНЫ

Отступление греческих войск из Фермопиле и Артемисиума оставило Афины без защиты. Было дано обещание, что армия союзников выступит против захватчиков в Беотии. Попытки сдержать его не предпринимались. Единственным планом обороны, который предлагали пелопоннесские государства, было укрепление Коринфского перешейка, а все государства за пределами Пелопоннеса, за исключением Афин, были либо проперсидскими, либо безразличными. Поскольку Афины не имели стен, вопрос об их обороне не стоял; единственное, что можно было сделать, - это сохранить как можно больше жизней и имущества. Для этого времени было мало, и оно могло быть короче, чем было на самом деле, ведь у афинян было шесть дней, чтобы перевезти свое имущество в безопасное место, хотя расстояние, которое предстояло преодолеть захватчикам, не превышало девяноста миль. Всех женщин, детей и немощных по болезни или старости посадили на корабли и повезли либо в Трезен, дружественный город на Аргонидском полуострове, имевший некоторые родственные связи с Афинами, либо в Эгину, которая находилась всего в десяти милях, либо

в Саламис, который был еще ближе. Афиняне попросили союзников остаться поблизости, пока не будет завершена работа по перевозке, и Саламис оказался самым удобным местом для этой цели.

Теперь вся боевая мощь Афин была собрана на флоте. За несколько лет до этого Фемистокл, проявив проницательность и предвидение, которые кажутся почти чудесными, посоветовал своим соотечественникам потратить все имеющиеся у них средства на строительство кораблей. А всего за несколько месяцев до этого дельфийский оракул посоветовал афинянам уповать на свою "деревянную стену" - фраза, которую тот же государственный деятель истолковал как означающую корабли. Никто, надо полагать, не знал лучше, что это значит, так как он, вероятно, и предложил это. Пришло время претворить этот совет в жизнь. Каждый трудоспособный афинянин пошел служить во флот, а богатые аристократы, известные как "рыцари", подали пример, повесив свои уздечки в храме Афины.

В намерения офицеров, командовавших союзным флотом, никогда не входило давать сражение при Саламине. Они думали только о безопасности Пелопоннеса; возможно, они считали, что ни на что большее надеяться нельзя. Но когда афиняне, вынужденные оставить свой город, попросили их о помощи в спасении некомбатантов и имущества, которое можно было вывезти, они не смогли отказать. И вот теперь встал вопрос: где мы встретим персидский флот? Капитаны собрались на корабле спартанца Эврибиада, который был главным командиром, и стали обсуждать, что делать. По общему мнению, им следует отойти от Саламины, откуда будет очень трудно бежать, если бегство окажется необходимым, и дать сражение где-нибудь у берегов Пелопоннеса. В разгар обсуждения прибыл гонец с известием о том, что персы захватили всю Аттику и взяли штурмом афинскую цитадель, которую несколько энтузиастов упорно продолжали защищать. Эти известия никого не могли заставить врасплох, но тот факт, что один из великих городов Греции попал руки варваров, вызвал панику. Некоторые капитаны ушли, не дожидаясь решения совета, и, поспешив к своим эскадрам, приготовились к отплытию. Те же, кто остался, решили отойти к перешейку и занять там оборону.

Когда Фемистокл возвращался с совета на свой корабль, его встретил друг, который в прежние годы был его наставником в философии. Узнав о решении, к которому пришел совет, новоприбывший осудил его самым решительным образом. "Это означает гибель для Греции", - сказал он. "Флот не останется вместе, чтобы сражаться; каждый контингент уйдет, надеясь защитить свою страну. Иди и уговори Эврибиада пересмотреть вопрос".

Фемистокл отправился в путь и, используя все доводы, какие только мог придумать, наконец сумел произвести на Эврибиада такое впечатление, что тот согласился созвать новый совет. Конечно, по этикету главнокомандующий должен был изложить дело, которое они собрались обсудить, но Фемистокл, видя, что речь идет о жизни и смерти, не мог не настаивать на своем, не дожидаясь председателя совета. Адеимант из Коринфа гневно прервал его. "Фемистокл, - сказал он, - на Играх бичуют тех, кто начинает слишком рано". "Верно, - ответил афинянин, - но тех, кто начинает слишком поздно, не коронуют". Затем он обратился к совету в тоне заученной мягкости и примирения. Он ничего не сказал о вероятности того, что флот будет разбит всеобщим дезертирством - такой аргумент был бы оскорбительным, - но он настоял на том, что сражаться у Саламины - это не значит рисковать всем в результате одного сражения. Отступление означало бы оставить всю северную Грецию на милость персов, а поражение на перешейке означало бы потерю самого Пелопоннеса. Что касается афинян, то они будут лояльно выполнять любое решение, к которому придут союзники.

Адеймант, разгневанный упорством афинянина, прервал его замечанием, что человек, у которого нет страны, не имеет права говорить, и даже обратился к Эврибиаду с просьбой заставить его замолчать. Тогда Фемистокл понял, что настало время заявить о себе. "С двумя сотнями кораблей, полностью укомплектованных и вооруженных, мы имеем, - сказал он, обращаясь к Адейманту, - такую же хорошую страну, как и любой другой человек здесь, ибо какое государство сможет противостоять нам, если мы решим напасть на него?" Затем он обратился к Эврибиаду. "Играй с ним, и все будет хорошо. Все зависит от наших кораблей. Если ты не останешься здесь и не будешь сражаться, мы возьмем на борт наши семьи и отплывем в Италию, где боги обеспечили нам дом. Что вы будете делать без нас?"

На эту угрозу не последовало никакого ответа. Совет решил остаться и сражаться.

Но на самом деле вопрос не был решен. Пелопоннесские контингенты были полны решимости в крайнем случае не подчиниться своему вождю, и Фемистокл знал об их решимости. У него оставался только один путь, и чтобы его выбрать, требовалось мужество отчаяния. Если союзники не хотят оставаться в Саламине по своей воле, они должны сделать это по принуждению. Он отправил доверенного раба к персидскому адмиралу с таким посланием: "Афинский полководец - доброжелатель царя, и он сообщает тебе, что греки охвачены страхом и собираются отступить от Саламины. Тебе предстоит воспрепятствовать их бегству". Более дерзкая уловка никогда не приводилась в исполнение. Не менее странным обстоятельством является тот факт, что спустя годы, когда Фемистокл попал в немилость на родине, он успешно претендовал на услугу персидскому царю, который дал ему возможность уничтожить весь греческий флот одним ударом.

Персидские военачальники, похоже, не подозревали о добросовестности полученного сообщения и сразу же принялись теснить греческие корабли. Город Саламис был построен в небольшой бухте на восточной стороне острова, расстояние до материковой части Аттики составляло около двух миль. Греческий флот был выстроен перед городом в форме свободно натянутого лука; персидские корабли располагались вдоль противоположного, аттического, берега. Как на севере, так и на юге канал сужался, составляя менее мили в поперечнике. Теперь персы протянули свою линию на север, пока не коснулись берега острова, и на юг, пока не достигли необитаемого острова Пситаля. На этом острове они высадили отряд, который должен был помочь экипажам поврежденных кораблей, а также расправиться с греческими солдатами и моряками, оказавшимися в подобной ситуации.

Пока шли эти приготовления - а они продолжались почти всю ночь - греческие лидеры продолжали горячо спорить о том, уходить или оставаться. Неожиданный конец спорам был положен. Главным противником Фемистокла в афинской политике был Аристид. Он был изгнан и, по примеру своего успешного соперника, отозван из изгнания, когда опасность персидского вторжения стала неминуемой. Теперь он прибыл к своим соотечественникам и принес с собой поразительные вести. Он прибыл с острова Эгина, который лежал в двенадцати милях к югу от Саламины, и его корабль едва избежал захвата, войдя в Саламинский залив; только темнота позволила ему сделать это. Фемистокл был вызван из совета, чтобы услышать новости. "Я надеюсь, - сказал Аристид, - что всегда, а теперь особенно, наш спор будет заключаться в том, кто лучше послужит своей стране. Что же касается вопроса о том, идти или остаться, то не имеет значения, много или мало говорят пелопоннесцы. Уйти они не могут. Мы окружены со всех сторон. Это я видел своими глазами".

"Это хорошая новость, - ответил Фемистокл, - ибо персы сделали именно то, что я хотел. Наши люди, которые не хотели сражаться по своей воле, теперь будут вынуждены

сражаться". И он рассказал ему о том, что сделал. "А теперь иди и расскажи им. Если я скажу, они мне не поверят".

Аристид вошел в совет и рассказал им свою новость. Многие из них отказывались верить, но когда корабль с острова Тенос, покинутый персами, подтвердил сообщение, говорить больше было не о чем. Все, что можно было сделать, - это как можно лучше подготовиться к конфликту, который стал неизбежным.

О битве у нас есть два рассказа: Геродота, который, несомненно, получил сведения от одного или нескольких человек, принимавших в ней участие, и Эсхила, который действительно сражался там, как до этого сражался при Марафоне. Эти два рассказа в основном сходятся, но расходятся в количестве участвовавших греческих кораблей. Геродот говорит, что их было 378, доведя круглое число до 380 за счет тенийского корабля, который дезертировал в ночь перед битвой, и корабля с Лемноса, который сделал то же самое при Артемисиуме. Он указывает численность каждого контингента: наибольшее количество - 180 человек - предоставили Афины, 89 - государства Пелопоннеса, 57 - Эгины и Эвбеи. Только один корабль прибыл из Греции за море. Но и это был скорее частный, чем государственный вклад. Некий Фаиллус из Кротоны за свой счет снарядил корабль и укомплектовал его согражданами, проживавшими в Греции. Павсаний видел его статую в Дельфах спустя шесть веков после этого. Эсхил говорит, что кораблей было 300, и десять из них отличались особой быстротой или силой. Г-н Грот считает, что это число должно быть принято в качестве предпочтительного, что, как мне кажется, вряд ли свидетельствует о его заслуженной остроте. Поэт должен был указать свое число в стихах, и "десять тридцати" - удобный способ сделать это. Но 380 было бы неуправляемой цифрой, и мы, соответственно, имеем удобное круглое число. Вероятно, мистер Грот не так остро воспринимал необходимость стихосложения, как за сорок лет до этого, когда он был мальчиком из Чартерхауса.

Как только взошло солнце, греческий флот двинулся в атаку, команды присоединялись к боевому кличу. Они встретили врага без сопротивления. Персы держались настолько уверенно, что греки были вынуждены остановиться. Некоторые экипажи даже начали отступать. Исход великих сражений часто решают примеры мужества. Так было и в Саламине, когда один из греческих кораблей вышел вперед и указал путь остальным. Кому принадлежит эта заслуга, точно сказать нельзя. Афиняне заявили, что этим храбрым капитаном был Амейниас, брат поэта Эсхила; эгинетяне приписывали эту честь своему кораблю, на котором накануне битвы приплыли герои, почитаемые в их городе как помощники греческого народа.^[3] Геродот также слышал легенду о том, как в воздухе видели женский облик, несомненно, богини Афины, и слышали, как она кричала голосом, доносившимся от одного конца флота до другого: "Друзья, сколько еще вы собираетесь отступать?" Эсхил приводит доводы в пользу своего соотечественника, но не прямо, а говоря, что корабль, возглавивший атаку, отломился от кормы финикийского корабля, поскольку мы знаем, что финикийская эскадра была выставлена против афинского контингента. Эгинетянин был вторым, если не первым, а третье место Симонид отводит кораблю, пришедшему с Наксоса. По общему согласию Афины и Эгина разделили между собой главное отличие этого дня. Афинские корабли занялись теми из вражеского флота, кто оказал сопротивление или был высажен на берег своими капитанами; эгинетяне нападали на тех, кто пытался спастись бегством через южный канал (их путь в открытое море).

Подданные Ксеркса в целом проявили большую храбрость, тем более что сражались они на глазах у царя, который наблюдал за битвой с выступа горы Эгалеос на материковой части Аттики. Коренные персы и медяне, будучи жителями внутренних районов, служили так называемыми морскими пехотинцами на кораблях, поставляемых приморскими провинциями - Финикией, Египтом и Киликией. Но им редко выпадала возможность продемонстрировать свое мастерство в abordage, а если и выпадала, то они вряд ли могли сравниться со своими более вооруженными и атлетичными противниками. Что касается управления кораблями, то моряки с востока, как правило, не были равны ни по решимости, ни по мастерству более выносливым расам с запада. Их превосходство в численности на узком пространстве, которым было ограничено сражение, скорее мешало, чем помогало. Не было ни взаимного доверия, ни общей речи. А убедительным мотивом, побуждавшим их к действию, был страх наказания или, в лучшем случае, повиновение правящей расе, в то время как греки сражались за дом и страну. Персидский флот был более успешен там, где азиатские греки сопоставлялись с эскадрами из Пелопоннеса. Геродот, сам азиатский грек по происхождению, отстаивает их честь как участников боевых действий за счет их греческого патриотизма. "Я мог бы назвать имена многих капитанов, захвативших корабли у греков", - говорит он. Однако он считает благоразумным опустить их - действительно, когда Геродот писал, о таких подвигах лучше было бы забыть - и называет только два имени, оба уже хорошо известные. Он также с удовольствием упоминает о значительном разочаровании некоторых финикийских капитанов, которые, потеряв свои корабли в начале дня, пытались оправдаться перед Ксерксом, возложив вину на измену греков. Битва все еще продолжалась, и почти во время их разговора было замечено, как самофракийский корабль таранит и топит афинский. Его, в свою очередь, вывела из строя эгинетская трирема. Но самофракийцы были искусными метателями копий. Они очистили палубу эгинетской триремы, взяли ее на abordage и захватили. Ксеркс обрушился на финикийцев с яростью и приказал немедленно казнить их за то, что они осмелились оклеветать более храбрых людей, чем они сами.

О другом происшествии того дня Геродот рассказывает из личного опыта. В его родном городе Галикарнасе несколько лет правила Артемисия, дочь одного Лигдамиса и вдова другого. Она советовала Ксерксу не вступать в бой с греческим флотом, говоря об этом с откровенностью, которая вполне могла поставить ее жизнь под угрозу. Отвергнутая другими советниками, она сделала все возможное для дела царя, но оказалась в величайшей опасности. Афинский корабль преследовал ее, а впереди стояла толпа персидских судов, которые мешали ей бежать. Одно из них принадлежало соседу-карийцу, с которым, возможно, она была не в лучших отношениях. Она налетела на его судно и потопила его. Афинский капитан сразу же решил, что она переметнулась на другую сторону и теперь сражается за Грецию. Он отказался от преследования, и Артемисия спаслась. И она тоже заслужила похвалу. "Сир, - сказал один из придворных, стоявших у царского кресла, - видишь ли ты, как храбро держится Артемисия? Она только что потопила греческий корабль". Он был уверен, что подвиг принадлежит Артемисии, так как знал ее флаг. Похоже, никто не подозревал, что это правда, и, к счастью для Артемисии, с карийского корабля не осталось ни одного выжившего, чтобы рассказать об этом.

Геродот не дает оценки потерям ни одной из сторон. Более поздний греческий писатель говорит, что двести персидских и сорок греческих кораблей были уничтожены, и что потери персов в людях были гораздо больше. Лишь немногие из них умели плавать, и поэтому, когда корабль тонул, вся команда погибала вместе с ним. Большинство греков, напротив, смогли спастись вплавь. Еще одним бедствием для царских войск стало полное уничтожение персидских войск, высадившихся на острове Пситаля. Аристид высадился с несколькими

тяжеловооруженными греками и предал их всех мечу. Среди них было несколько человек из собственной гвардии царя.

ФУТБОЛ:

[3] Это были Пелей и Фокус, сыновья Эака. В Саламине поклонялись Теламону, сыну Эака, и Аяксу, сыну Теламона.

V

БИТВЫ НА РАВНИНЕ И НА БЕРЕГУ

После поражения при Саламине Ксеркс отозвал свою армию в Фессалию. В результате обсуждения со своими советниками он решил, что сам должен отправиться домой под охраной 60 000 человек, а его дядя Мардоний должен остановиться в Греции с намерением возобновить кампанию в следующем году. Мардонию было позволено выбрать те части армии, которые он считал лучшими, и, отобрав 300 000 человек, он отправился на зимние стоянки в Фессалию. Нет необходимости рассказывать обо всем, что произошло за шесть месяцев, прошедших с момента начала кампании весной 479 года до финальной схватки в начале осени того же года. Достаточно сказать, что Мардоний сделал все возможное, чтобы самыми либеральными предложениями оторвать афинян от дела Греции, а пелопоннесцы последовательным эгоизмом своей политики сделали все возможное, чтобы добиться того же результата. Мардонию афиняне ответили твердым отказом. Спартамцам они направили решительный протест. Они заявили, что их уже покинули, что обещание оказать помощь для защиты Аттики было позорно нарушено. Они намекнули, что если спартамцы и их друзья будут продолжать пренебрегать всеми греческими интересами за пределами перешейки, то они будут вынуждены, вопреки своей воле, пойти на соглашение с врагом.

Спартамцы, вероятно, продолжали бы медлить, если бы не прямое высказывание уроженца Тегеи в Аркадии, дружественного государства, к которому они испытывали глубочайшее уважение. "Никакая стена на перешейке не защитит нас, - сказал он, - если вы загоните афинян в союз с Персией. Они предоставят свой флот в распоряжение врага, и вы окажетесь беспомощными". Перемена в политике спартамцев произошла внезапно. В ту же ночь на фронт отправились пять тысяч спартамцев - больше, чем государство когда-либо выводило на поле боя и не собиралось выводить в дальнейшем. Каждый спартамец имел при себе семь легковооруженных гелиотов. За ними следовало столько же не спартамского населения Лаконии, каждый с одним гелиотом. Мардоний, узнав об этом движении, отступил из Аттики в Беотию и приготовился дать сражение.

Контингенты пелопоннесских государств собрались в Коринфе. По мере продвижения на север к ним присоединялись афиняне, переправившиеся из Саламины. Общая численность войск составила более 100 000 человек. Нет необходимости приводить все цифры, отправленные различными государствами. У лакедемонян было 10 000 тяжеловооруженных (при 40 000 легковооруженных), у тегейцев - 1 500, у афинян - 8 000; остальные контингенты, по причинам, которые вскоре выяснятся, можно не приводить.

Мардоний построил укрепленный лагерь на северном или левом берегу реки Асоп. Перед этим лагерем он выстроил свою боевую линию. Греческая армия под командованием Павсания, дяди одного из царей Спарты и регента, заняла позицию на склонах горы Китерон.

Их нежелание спуститься на равнину и сойтись в рукопашной схватке подтолкнуло Мардония к нападению на них со своей конницей. Контингент из Мегары, оказавшийся на передовой или в другом уязвимом месте, пострадал так сильно, что был вынужден послать за помощью. Это объясняет кажущуюся робость Павсания, когда мы видим, что он не смог побудить ни одного из своих солдат отправиться на помощь своим соотечественникам, оказавшимся в тяжелом положении. В конце концов триста афинян вызвались добровольцами. Они взяли с собой отряд лучников - оружие, в котором мегаряне испытывали полный недостаток. Завязалась острая схватка; наконец стрела убила коня персидского полководца Масистия, и полководец, человек большого роста и красоты, великолепная фигура в золоченых цепных доспехах, был повержен на землю. Это произошло недалеко от афинских рядов, и Масистий вскоре был убит, хотя его можно было убить только ударом в глаз, настолько непробиваемыми были его доспехи. Персидская конница, как только узнала о судьбе своего предводителя, бросилась в атаку, чтобы вернуть тело. Некоторое время греки были оттеснены назад, но затем они воспряли духом и вернули себе награду. Персы, деморализованные, как это обычно бывает у азиатов, потерей своего предводителя, в беспорядке отступили.

Воодушевленные успехом, греки спустились на равнину и заняли вторую позицию на правом берегу Асопа. Лакедемоняне заняли правое крыло, афиняне - левое. Любопытным примером отсутствия дисциплины в армии может служить спор, возникший между афинянами и тегейцами по поводу старшинства. Первый почетный пост, правое крыло, был по общему согласию уступлен лакедемонянам; вторая часть, левое крыло, была предметом спора. Тегея претендовала на него благодаря различным мифическим подвигам и более поздним успехам, достигнутым совместно со Спартой. Афины также имели свои мифические претензии, но опирались на победу при Марафоне. Решение было принято в пользу Афин общим голосованием лакедемонских воинов. Новое положение, которое заняли греки, оказалось не слишком удобным. Армия страдала от нехватки воды; подходить к берегам реки было небезопасно, так как там хозяйничали персидские лучники, и поэтому единственным источником снабжения был источник, известный под названием Гаргафия, который находился недалеко от лакедемонской позиции. Мардоний сместил свою линию сражения немного к западу, чтобы оказаться перед новой греческой позицией. Его отборные туземные войска, персы и Sacæ (туркоманы), были размещены не в центре - почетном месте в азиатской армии, как мы уже не раз видели, - а на левом фланге, где они должны были противостоять спартамцам; фиванскому контингенту было отведено место справа, где они противостояли своим старым врагам из Афин. Это было сделано по предложению фиванских вождей, и это предложение, как мы увидим, оправдало их проницательность.

В течение десяти дней обе армии оставались на позициях, не двигаясь. Прорицатели с обеих сторон сообщили, что жертвоприношения предвещают успех оборонительной политики и катастрофу, если будет предпринята попытка нападения. Для греков промедление было более опасным. Армия сильно страдала от непрерывных атак персидской конницы; скудный запас воды был большим неудобством и даже опасностью; а когда, по предложению фиванских друзей, Мардоний послал свою конницу, чтобы отрезать припасы, которые шли через Китерон в греческий лагерь, опасность ситуации еще больше усугубилась. Но самая серьезная опасность была другого рода. Дух партийности, без которого не может существовать ни одно свободное государство, но который в конечном итоге губит все свободные государства, процветал в рядах греков. Предатели, подавшие сигнал щитом после Марафона, не исчезли из рядов в Платее. Фиванцы со злобной проницательностью подсказали Мардонию, что ему следует положиться на влияние, которое работало на него, и избежать общего столкновения. К счастью для Греции, он отказался от их совета, который,

по его словам, порочил честь персов. Народу, столь превосходному в войне, не было нужды прибегать к таким мерам. Он решил перейти в наступление.

Об изменении плана греков известил гость из персидского лагеря. После наступления ночи Александр, царь Македонии, который утверждал, что происходит от великого героя Ахилла, подъехал к афинским заставам и потребовал слова с генералами. Их привели стражники, и он рассказал им, что Мардоний тщетно пытался получить от жертвоприношений знаки, обещающие успех, но, тем не менее, он намерен напасть. "Будьте готовы, - продолжал он, - и если вы одержите верх, сделайте что-нибудь для моей свободы; я рисковал своей жизнью из любви к Греции, чтобы спасти вас от неожиданности со стороны варваров. Я - Александр Македонский".

Услышав эту новость, Павсаний обратился к афинским генералам с предложением, которое, исходящее от спартанца, столь щепетильного в вопросах воинской чести, звучит очень странно. Он предложил им занять место спартанцев на правом фланге, где им будет противостоять персидская пехота, которую они уже победили при Марафоне, но с которой спартанцы никогда не встречались в бою. Афиняне быстро согласились, но это движение было замечено Мардонием и встречено соответствующим изменением в его линии. Поняв это, Павсаний вернулся к прежней расстановке.

Первое наступательное движение Мардония было чрезвычайно успешным. Его конница обошла или прорвала спартанскую линию, чтобы подойти к Гаргафийскому источнику. Они затрубили его и тем самым лишили греческую армию единственного доступного источника воды.

Возникла необходимость сменить позицию. Новое место, которое решил занять военный совет, находилось недалеко от Платеи и называлось Островом, поскольку лежало между двумя небольшими ручьями, стекающими с Китерона. Здесь у армии был бы запас воды, и она была бы в некоторой степени защищена от персидской конницы. Было уже слишком поздно предпринимать движение, которое можно было осуществить только под покровом темноты. Весь следующий день пришлось провести в крайне неудобных условиях, а когда в сумерках был отдан приказ о смене позиции, произошли два несколько тревожных инцидента. Центр греческих войск, состоящий из всех мелких отрядов, был настолько деморализован, что, как только наступила ночь, они отправились не на остров, а за его пределы, в место, которое, по их мнению, было лучше защищено от назойливых атак конницы. Это был сам город Платея. Они заняли позицию перед храмом Гере, зданием значительных размеров, как мы знаем по руинам, которые еще можно увидеть, и расположенным на возвышенности. Здесь у них за спиной находился город, а с обеих сторон была земля, неблагоприятная для действий конницы. Другим обескураживающим событием стало поведение одного из спартанских офицеров, Амомфарета по имени. 4) Этот человек решил, что движение, приказанное Павсанием, было отступлением, а это запрещено строгим кодексом спартанской воинской чести. Соответственно, он отказался двигаться. Последовал гневный спор, Павсаний и его второй командир делали все возможное, чтобы убедить своего подчиненного, но тот упрямо придерживался своего решения. В самый разгар спора прибыл на коне гонец от афинян. Они были озадачены бездействием спартанцев и, вполне возможно, подозревали о каком-то замысле, угрожающем их собственной безопасности. К моменту прибытия этого гонца Амомфарет предъявил свой ультиматум. Подняв с земли огромный камень, он бросил его к ногам Павсания, сказав при этом: "Я отдаю свой голос за то, чтобы остаться" - в греческом языке одно и то же слово означает и голос, и камешек; камешки используются в избирательных урнах. Павсаний поспешил объяснить афинянину ситуацию и попросил его передать, что надеется, что его

соотечественники не сдвинутся с места, пока он не преодолеет трудности, в которых оказался. Это, действительно, казалось почти безнадежным. Наконец, перед самым рассветом Павсаний принял решение оставить несговорчивого капитана. Оказавшись один на один со своей компанией, он, как он надеялся, согласится последовать за ним. Так и произошло на самом деле.

К этому времени рассвело, и Мардоний понял, что произошло. Похоже, он смотрел на движение примерно так же, как и Амомфарет. Это было бегство. Эти спартанцы, при всей их хваленой храбрости, бежали. Его персидские войска ответили на приказ беспорядочным наступлением. Они переправились через Асоп, который, как помнится, протекал перед их позициями, и поспешили по следам спартанцев; остальные азиаты последовали их примеру. Павсаний отправил послание афинянам, сообщая, что персы сосредоточили все свои силы против его отряда, и умоляя прийти ему на помощь, хотя бы прислав своих лучников. Однако у афинян к этому времени было достаточно своих дел, так как фиванцы и фессалийцы начали атаку на них.

Поэтому спартанцам пришлось в одиночку принимать на себя основную тяжесть персидской атаки. У них было десять тысяч тяжеловооруженных и в четыре раза больше легковооруженных, число которых немного увеличилось за счет контингента из Тегеи - три тысячи человек, поровну разделенных между двумя родами войск. Павсаний, который, похоже, с самого начала и до конца кампании не проявлял ни способностей, ни присутствия духа, был занят обычным жертвоприношением. К сожалению, жертвы не подавали обнадеживающих признаков, и он был доволен, возможно, вынужденный общественным мнением своих людей - ведь греческая армия, даже если она прибыла из Спарты, была демократической - отложить любое наступательное движение до тех пор, пока судьба не покажется ему благоприятной. Тем временем его люди падали вокруг него - один из убитых считался самым красивым мужчиной во всей греческой армии.^[5] В агонии страдания Павсаний поднял глаза к храму Геры, стоявшему на заметной высоте, и взмолился о помощи богини. Знамения тут же изменились, и был дан приветственный сигнал к выступлению. Тегейцы, похоже, уже двинулись в путь. Все вместе они двинулись на персидскую линию, защищенную валом из плетеных щитов, из-за которого лучники осыпали их залпами стрел. Вскоре вал был прорван. Затем началась ожесточенная рукопашная схватка. Снова и снова персидские храбрецы бросались на копья спартанцев и ломали или пытались сломать их. "Они ничуть не уступали грекам в смелости и воинственном духе", - так свидетельствуют люди, принимавшие участие в этой жестокой схватке, о храбрости своих противников, но их вооружение было менее эффективным, а военная подготовка - менее полной. Наиболее яростно битва разгоралась вокруг личности Мардония, который был окружен телохранителем из тысячи Бессмертных. Пока он был жив, эти отборные воины держали себя в руках; когда его сразили - спартанец Эимнест^[6] по имени, - они в диком смятении бежали в свой лагерь. Сорокатысячное войско было выведено с поля боя полководцем, когда он увидел, как складывается судьба этого дня.

На правом фланге персидской армии фиванская пехота, всегда отличавшаяся стойким мужеством, в течение значительного времени держалась против афинян. Однако она была одинока. Остальные греки, которых Ксеркс или его лейтенант заставили перейти на персидскую службу, не испытывали рвения к делу и при первой же возможности отступали. Фиванцы, которые, должно быть, значительно уступали в численности своим афинским противникам, были отброшены назад, понеся значительные потери в убитых. Они укрылись в стенах своего города. Их кавалерия, правда, добилась единственного успеха, которым могла похвастаться армия Мардония. До греческого центра, расположившегося за Платеей, дошла

весть о том, что правое крыло обратило персов в бегство, и он поспешно выдвинулся вперед, чтобы принять участие в победе. Движение было совершено небрежно и беспорядочно. Дисциплина была настолько расшатана, что все войска даже не держались вместе. Два отряда, из Мегары и Флии (небольшого государства на севере Пелопоннеса), были атакованы фиванской конницей, когда они пересекали равнину, и понесли очень большие потери: до шестисот человек было убито. "Они погибли без чести", - говорит Геродот. Следует признать, что небольшие греческие государства от первого до последнего не заслужили особых почестей в этой войне.

Укрепленный лагерь персов некоторое время представлял собой трудность. Спартанцы атаковали его, но не добились успеха, поскольку совершенно не знали методов штурма укрепленных мест. Им пришлось ждать прибытия афинян, которые, похоже, имели если не больше опыта, то, по крайней мере, больше ума. С их помощью лагерь был взят штурмом. Добыча была очень велика. Павсаний говорит, что видел в Афинах золотой скиметар Мардония, взятый из его палатки в день победы.

Потери персов, конечно, были очень велики. Геродот говорит, что в живых осталось только 3 000 человек. Возможно, это преувеличение, но несомненно, что шансы на спасение были очень малы, а пощады не было. Считается, что из греков пало 159 человек. К этому числу следует добавить 600 человек, перебитых фиванской конницей, и еще столько же павших в предварительных столкновениях. Плутарх, приводя те же цифры, что и Геродот, утверждает, что общие потери греков, от первого до последнего, составили 1 360 человек.

Среди погибших спартанцев были Амомфарет и Аристодем, несчастный, выживший в Фермопиле.

Два греческих контингента, из Мантинеи и Элиса, прибыли уже после окончания битвы. Они оштрафовали генералов, чье опоздание лишило их доли в славе победы.

Можно было бы многое рассказать о том, что было сделано завоевателями в честь своей победы, но моя задача выполнена, когда битва уже описана. Однако для одной любопытной истории я должен найти место. Из десятой части добычи, посвященной дельфийскому Аполлону, был сделан золотой треножник, или чаша, опирающаяся на три ноги. Этот треножник покоился на бронзовом постаменте. Золото было разграблено фокийцами примерно полтора века спустя, но постамент был перевезен императором Константином в его новую столицу на Босфоре. Эту реликвию видели английские путешественники в XVII веке, а во время Крымской войны она подверглась более тщательному исследованию. Оригинальная надпись, нанесенная Павсанием, была стерта лакедемонянами, вместо нее был составлен список государств, участвовавших в битве. Растворители, нанесенные на ржавчину, скопившуюся на металле, сделали этот список читаемым. В нем содержатся названия государств, которые, как мы знаем, не претендовали на эту честь. Это полностью совпадает с тем, что говорит нам Геродот. Систематической фальсификацией истории занимались города, которые по своему несчастью или вине не принимали участия в победе.

Объединенный греческий флот практически ничего не сделал после победы при Саламине. Фемистокл предложил, действительно, активную политику. Персы должны были преследовать персов, разрушить мост через Геллеспонт и уничтожить всю армию захватчиков. Спартанцы заняли другую позицию, настаивая на том, что Греции лучше

позволить врагу, который все еще может быть опасен, уйти без дальнейших неприятностей. Такая политика имела свои плюсы, и Спарта увлекла за собой других союзников. Азиатские греки, однако, не были склонны упускать возможность получить свободу. Весной следующего года (479) они отправили посланников к руководителям греческого флота, который в то время находился в Эгине, умоляя их развить уже достигнутые успехи. Задача посланников оказалась очень сложной. Спартанец Леотихид, командовавший флотом, не захотел брать на себя такую ответственность. Он уехал далеко на восток, в Делос, и там остался. Позже в том же году была предпринята еще одна попытка, на этот раз тремя уроженцами Самоса, которым в то время управлял тиран, поставленный у власти персами. Посланники убеждали Леотихида в необходимости помочь своим соотечественникам-грекам освободиться от персидского ига и рассказывали о перспективах успеха. "Незнакомец, - обратился спартанец к представителю посольства, - скажи мне свое имя". "Гегисистрат" (предводитель армии), - ответил тот. "Я принимаю знамение", - воскликнул Леотихид, и решение о наступлении было принято.

Греческие адмиралы ожидали застать персидский флот на Самосе. Их ждало разочарование. Он покинул остров и занял позицию на материке, где ему могла помочь армия численностью 60 000 человек, оставленная для обхода греческих городов. Это место называлось *Микале*, ныне известный как мыс Святой Марии. Канал между материком и Самосом здесь самый узкий. Корабли были причалены и защищены валом из камней и дерева.

Первое, что сделал Леотихид, несомненно, под впечатлением от действий Фемистокла в Артемисии, - это подошел к грекам, служившим в персидском лагере. Он подвел свой корабль как можно ближе к берегу и поручил глашатаю провозгласить, пока тот медленно продвигается, послание грекам. "Люди Ионии, - гласили эти слова, - когда мы вступим в бой с персами, помните о свободе". Возможно, подумал он, они примут это предложение и обратят оружие против персов. В любом случае это вызовет недоверие и подозрения. Персы разоружили саамитян и отправили контингент из Милета в отдаленное место, которое они должны были охранять, чтобы убрать их с дороги. Сделав это, они приготовились защищаться от греков, которые теперь перешли в наступление.

И тут произошло одно из тех странных событий, которые мы можем смело назвать нейтральным словом "совпадение". Когда греки двинулись вперед, от одного конца армии к другому пронесся слух, что в Беотии выиграна великая битва. В это же время кто-то увидел лежащий на берегу посох герольда^[7]. В то время, конечно, было принято верить в божественное вмешательство. Позже появилось скептическое объяснение, что командиры придумали эту историю, чтобы воодушевить свои войска. Странные явления мыслеток, мозговых волн и т. д., знакомые современному опыту, возможно, объяснят эту историю настолько удовлетворительно, насколько можно ожидать. Так или иначе, сообщение было правдивым; битва при Платее состоялась и была выиграна утром в день Микале.

Фактический конфликт был очень похож на тот, что произошел при Платее. Поскольку мы больше ничего не слышим о каменных и деревянных стенах, которыми были защищены корабли, можно предположить, что греки атаковали фланг персидской позиции. Здесь, как и в Платее, был сооружен плетеный вал. С его помощью персам удалось на некоторое время удержать свои позиции. Геродот утверждает, что битва была не самой страшной. Но афиняне, желая закрепить за собой честь дня до прихода спартанцев, возобновили атаку с новой силой, разрушили плетеный вал и преследовали бегущего врага до своего

укрепленного лагеря. Некоторое время, даже когда вал пал, доблестные персы продолжали борьбу. Затем, одолев свежие силы, они медленно отступили. Греческая армия продвигалась двумя дивизиями: афиняне и бригады с ними шли по ровной местности у моря, а спартанцы с пелопоннесцами в целом - вглубь страны, по пересеченной и труднопроходимой местности. Естественно, их продвижение не было быстрым, и битва была практически решена, когда они достигли поля боя.

Персы до последнего демонстрировали все мужество и стойкость, присущие правящей расе. Победа греков отнюдь не была бескровной. В частности, контингент из Сикиона понес большие потери. Однако итог дня был достаточно определенным. Некоторым уцелевшим участникам сражения удалось спастись на холмах, а затем в Сардах, но армия в целом прекратила свое существование. Корабли, естественно, были брошены. Пожалуй, это был самый важный из греческих успехов, ведь он означал освобождение островов Эгейского моря. Они наконец-то освободились от ига, которое тяжким грузом лежало на них в течение полувека.

ФУТБОЛ:

[4] Он командовал *лохосом*; в каждой *море* было по четыре человека, а все силы были разделены на шесть *морей*. Размер подразделений варьировался в зависимости от количества призванных людей. В данном случае каждая *море насчитывала* 830 человек (примерно), а каждый *лохос* - 207 (примерно).

[5] Его звали Калликрат, *справедливый и сильный*, как можно было бы перевести. Есть категория исторических критиков, которые утверждают, что это имя породило легенду, так же как они предполагают - и это действительно было сделано - что имя бегуна, который так быстро преодолел расстояние между Афинами и Спартой, показывает мифический характер этой истории. Это был Фидиппид, *то есть* сын конокрада.

[6] Обратите внимание на знаменательное имя - Вечно *помнящий*.

[7] Посох герольда (*scutalé*) - приспособление для передачи сообщений. Полоска кожи, на которой было написано послание, косо наматывалась на дубинку. В развёрнутом виде её нельзя было прочесть, но когда её надевали на такую же дубинку в руках офицера за границей, она снова становилась разборчивой.

КНИГА II

ГРЕЦИЯ И КАРФАГЕН

I. ВЛАДЫКА СИРАКУЗ

В начале 480 года, когда опасность со стороны Персии стала неотвратимой, греки отправили посольство к своим соотечественникам на Сицилию с просьбой о помощи. Греческая власть на острове в основном находилась в руках одного человека - Гело, тирана Сиракуз. К нему, соответственно, и было направлено обращение. Геродот рассказывает об этой беседе, ссылаясь на речи, которые были произнесены на ней. Их можно пересказать следующим образом.

Послы: "Персидский царь собирает против нас всю мощь Азии. Он заявляет, что хочет отомстить Афинам; на самом деле он стремится покорить весь греческий род. Если он завоюет нас, то непременно нападет на вас. Поэтому объединитесь с нами, чтобы противостоять ему. Объединившись, мы сможем противостоять ему; разъединившись, мы, несомненно, будем побеждены".

Гело: "Когда я просил тебя о помощи против Карфагена, ты не дал ее. За все, что ты сделал, чтобы остановить его, Сицилия могла быть завоевана варварами. Но я воздам добром за зло. Ты получишь двести военных кораблей, двадцать тысяч воинов, две тысячи конницы, еще столько же легковооруженных солдат и кукурузу для всей твоей армии, пока длится война. Только ты должен дать мне главное командование".

Сиагр (спартанский посол): "Что сказал бы царь Агамемнон, узнав, что Спарта уступила свое руководство человеку из Сиракуз? Знайте, что мы не получим вашей помощи на таких условиях".

Гело: "Справедливо, что я, пославший такое большое войско, должен получить командование. И все же, если ты так жестко настроен насчет командования, я скажу: "Командуй армией, а мне дай флот; или, если тебе так больше нравится, возьми флот и отдай мне армию"".

Афинский посол (*перебивая, пока никто не успел заговорить*): "Командование флотом принадлежит нам. Мы, конечно, уступим его спартанцам, если они того пожелают, но никому другому мы его не отдадим".

Гело: "Друзья, вы, похоже, не нуждаетесь в командирах, хотя и в людях. Поскольку вы все просите и ничего не уступаете, вернитесь в Грецию и скажите, что она потеряла весну из года в год".

В этом диалоге нет ничего неправдоподобного. К вопросам старшинства и лидерства государства, фактически независимые друг от друга и номинально равные, относились с большой ревностью. Странно, что Гело не упоминает об опасности, которая грозила ему самому. Он выдвигает против послов тот факт, что государства, которые они представляли, не оказали ему никакой помощи в конфликте с Карфагеном (инцидент, о котором мы ничего не знаем из других источников), но он не упоминает о том, что, несомненно, было так, что в данный момент он ожидал нового нападения с той же стороны. Для Гело было бы совершенно невозможно отправить пятьдесят тысяч солдат - не говоря уже об экипажах кораблей - из Сицилии, когда ему наверняка потребуются все люди, которых он сможет собрать в течение нескольких месяцев.

Правда заключается в том, что существовала еще одна азиатская держава, которая была едва ли менее грозной для европейской цивилизации, чем сама Персия. Я говорю о Карфагене. Хотя он и располагался в Северной Африке как азиатская держава, по происхождению, характеру и институтам он был финикийским. Основанный эмигрантами из Тира в IX веке до н. э., он всегда поддерживал тесную связь со своей родиной - Финикией. Одной из традиций этой расы было воспринимать греков как соперников или врагов. Сицилия, где греки начали селиться в восьмом веке, как раз в то время, когда Карфаген начал расширяться, и которая в ближайшей точке находилась не более чем в ста милях от этого города, естественно, стала полем битвы между двумя расами. Финикийские торговцы имели привычку посещать остров задолго до появления греков, и хотя они, похоже, отказались от большинства своих разбросанных портов и факторий, они продолжали занимать три города в западной части острова. Поэтому, пытаясь закрепиться на Сицилии,

Карфаген находил там родственников и друзей. Когда была предпринята эта попытка, мы не знаем. Ранняя история города - сплошной пробел. Около 550 года до н. э. мы слышим о том, что один из его лидеров совершил завоевания в Сицилии, среди прочих мест. То, что в 480 году была предпринята большая попытка завоевать остров, не вызывает сомнений. Вероятно, это было результатом соглашения с Персией. Правда, нет никаких доказательств заключения подобного договора, но вряд ли они могли бы появиться. С другой стороны, персидский царь вполне мог договориться с карфагенским правительством через посредников-финикийцев. Финикийский контингент был самым многочисленным в его флоте и пользовался большим расположением, по крайней мере, до катастрофического поражения при Саламине.^[8] Совпадение по времени само по себе является сильным аргументом в пользу существования общего плана.

Один из многих Гамилькаров, фигурирующих в карфагенской истории, был поставлен командовать армией, которая, как говорят, насчитывала 300 000 человек. Она состояла из финикийцев, набранных, вероятно, в самом Карфагене и в различных поселениях этой расы на побережье Средиземного моря, африканцев из родных провинций, уроженцев Сардинии, Корсики и материковой Италии и, наконец, испанцев, поскольку Испания к этому времени находилась в сфере карфагенского влияния. Гамилькар высадился в Панороме и отправился в Гимеру, которая лежала в двадцати милях к западу северного побережья острова. Часть его большого флота, особенно те, что перевозили кавалерию и боевые колесницы, были потеряны по дороге или отстали. Но все же армия в целом была успешно переправлена на сицилийскую землю, и Гасдрубал, убедившись, что если это удастся сделать, то его силы станут практически неодолимыми, как сообщается, сказал: "Война окончена". У него, надо помнить, была еще одна веская причина для уверенности. Среди греческих городов существовало влиятельное меньшинство, которое было готово приветствовать вмешательство Карфагена. Гамилькар был фактически приглашен изгнанным тираном Гимеры. К сожалению, любой враг греческого города мог рассчитывать найти в его стенах помощников в неудачной партии. Активная политическая жизнь многое сделала для развития греческого характера, но за ее преимущества иногда приходилось платить тяжелую цену. Гамилькар разделил свои силы на два лагеря. Один из них предназначался для экипажей флота, который весь, за исключением двадцати быстроходных судов, оставленных на случай непредвиденных обстоятельств, был снят с мели; другой был занят армией. Химера же приготовилась к отчаянному сопротивлению. Даже ворота были замурованы. Гарнизон находился под командованием Терона, тирана Агригентума. Первым делом он отправил гонца к Гело с настоятельным призывом о помощи. Гело был готов к походу. Под его командованием было пятьдесят тысяч пехоты и пять тысяч лошадей. Он достиг Химеры и сильно укрепил лагерь за городом. Как уже говорилось, у него была сильная кавалерия, в которой карфагеняне испытывали недостаток из-за аварии с конным транспортом. Это превосходство он использовал, чтобы отрезать вражеские фуражиры. Его успех в этих операциях был настолько велик, что поднял дух его войск. Жители Химеры настолько уверовали в свои силы, что снесли кирпичную кладку, которой, как уже говорилось, были завалены их ворота.

Решающая битва не заставила себя долго ждать. Мы не располагаем подробными сведениями о тактике обеих сторон, но нам говорят, что поединок был долгим и кровопролитным, длился от восхода солнца почти до заката. Дерзкая стратагема, похоже, решила исход битвы. Гело перехватил письмо магистратов греческого города Селинуса к Гасдрубалу, в котором содержалось обещание прислать ему на помощь отряд конницы. Он намеревался, чтобы некоторые из его собственных всадников сыграли роль конницы Селина. Они должны были пробраться в лагерь противника, а затем воспользоваться

возможностью и причинить ему все возможные зло. По согласованному сигналу они должны были сообщить главнокомандующему о своем успехе. Увидев это, он должен был предпринять атаку со всей возможной энергией. Так он и сделал, и результатом стало полное поражение карфагенян.

Пока что в этой истории нет ничего неправдоподобного. Когда нам говорят, что половина армии захватчиков пала на поле боя, мы узнаем одно из привычных преувеличений древней истории. Вполне вероятно, что реальное число как сражающихся, так и убитых было гораздо меньше общепринятого. Как бы то ни было, Карфаген, безусловно, потерпел катастрофу первой величины. Ее армия перестала существовать; некоторые из беглецов, вероятно, сумели скрыться в финикийских крепостях на острове, но многие были вынуждены сдаться завоевателям. Некоторых, несомненно, выкупили друзья на родине, остальные были проданы в рабство.

Греческие писатели вряд ли упустили бы такую прекрасную возможность указать на мораль и украсить сказку. История в том виде, который она в итоге приняла, была такова: Когда оба карфагенских лагеря были захвачены Гелой, флот постигла та же участь, что и армию. Но эскадре из двадцати кораблей, припасенной на крайний случай, удалось спастись. Но и им не суждено было достичь африканского берега. Во время плавания их настиг шторм, и все они погибли. Одна маленькая лодка, управляемая единственным выжившим, осталась в живых, чтобы рассказать о том, как прекратило свое существование самое великолепное вооружение, когда-либо отправленное из Карфагена. Точно такая же история была рассказана о возвращении Ксеркса после поражения при Саламине. По словам Геродота, имевшего все возможности узнать правду, персидский царь проделал обратный путь по суше, потеряв по дороге много людей от голода и болезней, но оставшись невредимым. Столь скромный вывод не удовлетворил греческое чувство соответствия вещей. По преданию, персидский царь бежал после битвы на одном корабле, и Ювенал, искавший иллюстрации к великой теме о тщете человеческих желаний, нашел эту легенду как нельзя лучше подходящей для своей цели. Ксеркс разбудил ветры и заковал море в оковы, когда они помешали его триумфальному шествию. Но как он вернулся?

"На одном бедном корабле бежал пораженный монарх
По багровым морям и заливам, заваленным мертвецами".

Судьба самого Гамилькара была окутана романтической тайной. Одни говорили, что он был убит одним из всадников, пробравшихся в лагерь, другие - что он покончил с собой. Пока бушевал конфликт, он оставался в лагере и выпрашивал благосклонность богов дорогими жертвами. Он не довольствовался тем, что приносил жертвы обычным способом, отрывая куски от той или иной части. Их бросали целиком в костер, который разводили высоко, чтобы они сгорели. Когда он понял, что его преданность бесполезна и что ход битвы оборачивается против него, он бросился в печь. Точно известно, что его больше никогда не видели живым. Гело воздвиг ему памятник на поле боя, а карфагеняне ежегодно воздавали его памяти почести жертвоприношения. Должно быть, в этом человеке было какое-то величие, признанное завоевателем и городом, у которого, надо думать, не было причин быть благодарным ему.

ССЫЛКИ:

[8] См. с. 41.

II

БУРЯ ИЗ АФРИКИ

Хотя карфагеняне, по непонятным нам причинам, чтит память Гамилькара на поле Гимеры, дома они делали все возможное, чтобы изгнать все воспоминания о его катастрофической экспедиции. Они даже отправили в изгнание его сына, Гиско, без всякой причины, кроме его неудачного происхождения. Гиско поселился в греческом городе Селинусе. Греческий город вряд ли стал бы приятным домом для чужеземца не эллинской крови. Греки очень гордились своей расой, и весь внешний мир был для них варваром. Так или иначе, один из детей Гиско, Ганнибал по имени, унес с собой из места, где прошла его юность, острую неприязнь к расе. "Он был от природы", - говорит Диодор, - "ненавистником греков". Вина его рода была искуплена, похоже, пожизненным изгнанием его отца, ему разрешили вернуться домой, и он даже занял высший пост в государстве.

Теперь ему представилась возможность оправдать враждебность, которую он испытывал к городу Селину. Этот город, по-видимому, находился в состоянии хронической вражды со своим соседом Эгестом. Ссора между ними уже привела к самым плачевным последствиям. Именно жалоба Эгесты на соседей из Селина дала Афинам повод для сицилийской экспедиции. Прошло всего два года с тех пор, как эта экспедиция завершилась катастрофой, превосходящей все прецеденты в истории Греции, и теперь эта пустяковая ссора должна была стать причиной новой разрушительной войны. Эгесте, разумеется, было еще хуже, чем когда она обратилась в Афины, и ей пришлось нелегко, поскольку ее соседи-греки не могли с ней справиться. Теперь она отправила посланников в Карфаген. Ганнибал, как я уже говорил, увидел свою возможность. Он убедил своих соотечественников встать на сторону более слабого государства. Первым делом он отправил посланников в Сицилию с указаниями так распорядиться делами, чтобы сделать призыв к оружию определенным.

Они должны были отправиться в Сиракузы вместе с депутацией из Эгесты, изложить дело этому государству и предложить арбитраж. Было совершенно очевидно, что Селин откажется от своего согласия, поскольку он практически владел территорией, которая была предметом спора. Так и произошло. Селин представил свое дело перед сиракузским собранием, но отказался от арбитража. Сиракузы, соответственно, решили придерживаться нейтралитета, сохранять союз с Селином и оставаться в мире с Карфагеном. Селин, предоставленный самому себе, не понял, какой опасности подвергся. На помощь Эгесту пришли пять тысяч африканцев и восемьсот наемников из Италии, ветеранов, которые служили у афинян при осаде Сиракуз, но покинули их или были уволены до окончательной катастрофы. Селинунтинцы не обратили внимания на их прибытие, но продолжали опустошать территорию противника. Не встречая сопротивления, они становились все более беспечными. Но враг был начеку, и, застигнув врасплох вторгшиеся войска, они понесли большие потери, убив или взяв в плен до тысячи человек.

Возможно, даже сейчас Селинус мог бы избежать своей гибели. Мои читатели помнят, что это государство было в дружеских отношениях с Карфагеном и фактически послало или, по крайней мере, пообещало помощь Гамилькару, когда тот напал на Гимеру.^[9] Если бы оно попросило мира и обратилось к этим объединениям в поддержку прошения, Ганнибал, возможно, не отказался бы от сносных условий. Его великая ссора была связана не с Селином, а с Гимерой. Именно в Гимере погиб его дед, и именно за смерть деда он желал

отомстить прежде всего. Но селинунтийцы, похоже, совершенно не осознавали, что им грозит опасность. Они попросили помощи у Сиракуз, если возникнет такая необходимость, и получили обещание, что она будет оказана. Но на самом деле ничего не было сделано.

Дело в том, что никто на острове не знал о масштабных приготовлениях, которые Ганнибал вел к экспедиции в следующем году. Мы не знаем, как удалось сохранить этот секрет, но он был сохранен. Когда буря обрушилась на сицилийских греков, она застала их врасплох и обрушилась с непреодолимой силой.

Числа, приводимые историками, как обычно, разнообразны и не заслуживают доверия.^[10] Один писатель называет 100 000 человек, и это можно считать приближением к истине. Армия, как обычно, состояла из наемников, а командовали ею, по крайней мере, в том, что касалось высших офицеров, коренные карфагеняне. Город сейчас находился на пике своего процветания и мог практически неограниченно поставлять людей из всех воюющих рас мира. Африканцы, испанцы и итальянцы составляли эту армию, а также греки, всегда готовые продать свои мечи любому плательщику. Эту огромную армию перевезли через море на пятнадцати сотнях транспортов и высадили в бухте Мотье, недалеко от Лилибея, западной оконечности острова. Селинус находится на южном побережье острова, но Ганнибал предпочел высадить свои войска на некотором расстоянии. Если бы он отплыл на какое-то расстояние вдоль южного побережья, его продвижение могло бы быть воспринято как угроза Сиракузам и другим греческим городам. Его проницательность сослужила ему хорошую службу. Сиракузы, независимо от того, были они информированы о случившемся или нет, не предприняли никаких действий. Ганнибал же, не теряя времени, направился прямо к Селину, его силы пополнились контингентом из Эгесты и карфагенских поселений. Стены города были плохо приспособлены для того, чтобы противостоять атаке армии, значительно превосходящей по численности имеющиеся силы для обороны, и были оснащены всем тем, что инженеры того времени могли предоставить в распоряжение осаждающих. Мощные катапульты выбрасывали снаряды, которые очищали стены; лучники и пращники размещались в выгодных точках, где они могли наилучшим образом служить той же цели; деревянные башни, заполненные вооруженными людьми, были подведены к стенам, с которыми они находились почти на одном уровне; в других местах огромные тараны били по тем местам укреплений, которые показывали какие-либо признаки слабости или разрушения. Каждый из этих методов атаки становился еще более грозным благодаря множеству людей, которых можно было использовать для их оттеснения. И Ганнибал присутствовал повсюду, призывая своих солдат с почти фанатичной энергией. Осада продолжалась девять дней, осаждающие с неослабевающей энергией штурмовали, осажденные держали оборону со всей решимостью отчаяния. О капитуляции не было и мысли. Карфагенский полководец и вовсе не хотел соглашаться на условия. Он обещал своим солдатам разграбление города, и у Селина не было другой перспективы, кроме как сопротивляться или погибнуть.

Нападение за нападением было отбито. Но это был конфликт, который не мог продолжаться бесконечно. Вряд ли число сражающихся здесь превышало десять тысяч человек; вероятно, их число, даже если учесть всех, кто мог держать оружие, было меньше этой цифры. И все они должны были нести службу, с самыми короткими перерывами на отдых или вообще без перерывов. Нападающие наступали эшелонами, которых было так много, что никому не приходилось сражаться более трех-четырех часов за раз. На третий или четвертый день в город через пролом, проделанный таранами, проникли кампанские наемники. Но Селинус еще не был взят. Горожане собрались с силами, и кампанцы были изгнаны, потеряв многих из них. На десятый день в город ворвались испанские войска - испанцы всегда были самыми

решительными бойцами в карфагенской армии. На этот раз измученные горожане не смогли отогнать штурмующих. Но они все равно сопротивлялись. На узких улицах были возведены баррикады, которые отчаянно оборонялись, а женщины и дети осыпали врага с крыш и верхних этажей черепицей и кирпичами. Последний бой был предпринят на рыночной площади. Таким образом, большинство из тех, кто еще оставался в живых, были убиты. Некоторые попали в руки врага живыми; две или три тысячи бежали в Агригентум.

И все это время ни один солдат из греческих городов Сицилии не пришел на помощь несчастному городу. Посылали гонца за гонцом, чтобы рассказать о крайней нужде и попросить о помощи, но помощи так и не последовало. Агригентум и Гела действительно были готовы к походу, но они ждали Сиракузы, а Сиракузы повинно медлили с движением. Возможно, как уже говорилось, правители Сиракуз решили, что Ганнибал будет терять время, как недавно видел афинский полководец Никиас, терявший его перед их стенами. Как бы то ни было, сначала они ждали, пока закончится мелкая ссора с двумя их греческими соседями, а затем, пока самое большое и хорошо оснащенное войско, которое только можно было собрать, будет готово к походу. К этому времени возможность была упущена. С ужасом, к которому примешивался страх за собственное будущее, Сиракузы узнали, что Селинус, такой же дорийский греческий город, как и они сами, пал.

Падение города, взятого штурмом, всегда было в высшей степени плачевным. В каких бы отношениях мир ни развивался и ни совершенствовался, в этом он остается примерно таким же. Но карфагеняне, похоже, использовали свою победу с большей жестокостью, чем обычное варварство. Хладнокровная расправа над пленными, к несчастью, была обычным делом. Греческий завоеватель, скорее всего, не стал бы так обращаться с другими греками. Но нанесение увечий было отвратительным варварством, а Ганнибал позволял своим солдатам потворствовать этому. Я упоминаю об этом факте, потому что он помогает нам понять, как изменился бы мир, если бы Карфаген одержал победу над Грецией. Селинус был снова заселен, но он так и не оправился от страшного удара, нанесенного ему Ганнибалом. По сей день на колоннах его храмов, одних из самых величественных руин в мире, видны следы ломов, которыми варварские захватчики свергали их.

Главную цель Ганнибала еще предстояло осуществить. Именно против Гимеры, места поражения его деда, была направлена его экспедиция, и, уничтожив Селину, он двинулся на другой город, находившийся на северном побережье острова на расстоянии около пятидесяти миль. Его численность пополнилась новобранцами из местных сицилийских племен, которые никогда не примирялись с присутствием греческих поселенцев, а теперь с радостью воспользовались возможностью изгнать их. Ганнибал повторил при Гимере тактику, которую с успехом применил при Селинусе. Он атаковал без промедления, обрушивая на стены тараны и возводя передвижные башни. В первый день ничего не удалось сделать. Жителям Гимеры помогал и, что, вероятно, было не менее эффективно, подбадривал сиракузский контингент из 4 000 человек. Неоднократные нападения осаждающих были отбиты с большой резней, и дух защитников поднялся. Уверенность в своем превосходстве над врагом была настолько велика, что они решили перейти в наступление. На рассвете второго дня 10-тысячное войско выступило из города и яростно атаковало наступающие силы. Карфагеняне были не готовы к подобным действиям. Их первая линия была легко прорвана. Греки преследовали беглецов и нанесли им тяжелые потери, убив, по словам одного из авторов, до 20 000 человек. Поскольку это число предполагает в среднем по две жертвы на каждого бойца, его можно смело отвергнуть. Цифра 6 000, приведенная более трезвым историком, вероятно, гораздо ближе, хотя и не

занижена. Но легкий успех вылазки привел к катастрофе. Ганнибал наблюдал за происходящим с возвышенности в тылу позиции, и теперь он двинулся вперед. Он нашел греков измотанными и бездыханными и после ожесточенной борьбы отбросил их назад. Основная масса достигла ворот Гимеры, хотя и не без потерь, но 3 000 человек оказались изолированными на равнине и погибли до единого человека.

Пока шла борьба, из Сиракуз прибыла эскадра из двадцати пяти военных кораблей. К сожалению, они принесли с собой тревожные новости. Проходя мимо карфагенского порта Мотье, они заметили признаки подготовки флота. Объяснение, которое было предложено и получено, заключалось в том, что враг готовится к нападению на Сиракузы. Капитан сиракузского контингента, Диодес по имени Диод, был глубоко встревожен этим известием. Оборона Гимеры отошла на второй план, так как он считал, что Сиракузы находятся в непосредственной опасности. Он приказал военным кораблям немедленно вернуться. Он даже настаивал на возвращении войск под его собственным командованием. Гимерийцы протестовали против этого дезертирства, но протестовали напрасно. Вряд ли можно было отрицать, что Диокл действовал в интересах Сиракуз, по крайней мере в ближайших интересах. В качестве компромисса он согласился лишь на то, чтобы корабли доставили столько гимерийцев, сколько можно взять на борт, в Мессану, которая находилась на расстоянии около 150 миль (Сиракузы были в 100 милях дальше), и чтобы они вернулись со всей скоростью и забрали оставшихся. Те же, кто остался или решил остаться, должны сделать все возможное, чтобы удержать город. Что касается Диокла, то он ушел с такой поспешностью, что оставил непогребенными тела тех своих людей, которые пали в недавнем конфликте, - самое позорное признание слабости или поражения, которое мог сделать греческий полководец. На следующий день Ганнибал возобновил атаку. Храбрые гимерийцы по-прежнему отбивались от него. Весь этот день им удавалось удерживать свои позиции. Если бы они могли продолжать сопротивление еще двенадцать часов, все могло бы быть хорошо, так как было видно, что корабли, которые явно не могли пройти так далеко до Мессаны, возвращаются. Но силы были на исходе. В стенах образовалась брешь, и испанцы, вновь продемонстрировав свое превосходство над остальными войсками Ганнибала, пробились через нее. Несколько гимерийцев успели добраться до кораблей, но большая часть населения была либо убита, либо взята в плен. Ганнибал, безропотно отдавая своим солдатам городскую добычу, делал все возможное, чтобы остановить резню. Но в его побуждениях не было милосердия. Женщины и дети были либо распределены между завоевателями, либо проданы в рабство. Пленников-мужчин, достигших совершеннолетия, в количестве 3 000 человек, отвели на то самое место, где Гамилькара в последний раз видели живым, жестоко изуродовали и зарезали. В греческой истории мы читаем о многих варварских поступках, но ни о чем столь зверском, как этот. Если в греческом характере мы видим лишь малые следы гуманности, как мы ее понимаем, то у народа было чувство меры, сдерживающая сила вкуса, если не совести, которая запрещала подобные ужасы.

Опасность, угрожавшая цивилизации, должна была казаться большой в то время, хотя, вероятно, она была меньше, чем когда судьба мира, так сказать, была в подвешенном состоянии в день Саламины. Но страхи Сицилии, которые, надо полагать, испытывали и в материковой Греции, внезапно развеялись. Ганнибал выполнил свою задачу. Он отомстил за смерть своего деда и больше ничего не хотел. Половина Сицилии теперь находилась в руках Карфагена, а имя греков было унижено больше, чем когда-либо на памяти людей. Он распустил свою армию и вернулся, нагруженный военными трофеями, в Карфаген, где его приняли с энтузиазмом.

Но опасность была лишь отсрочена. Если Ганнибал был доволен результатами своей кампании, то Карфаген - нет. Его старые амбиции по господству над Сицилией были возрождены, и в течение следующих четырех лет он вел дорогостоящую и непрерывную подготовку к новому вторжению в восточную или греческую часть острова. К сожалению, сицилийские греки тратили это время не на укрепление своих сил, а на междоусобные распри. Самый выдающийся гражданин Сиракуз неоднократно предпринимал попытки установить деспотию. Его постигла неудача и смерть, но он оставил после себя наследие политической ненависти, которое вполне могло стать роковым для государства.

В 407 году о враждебных намерениях Карфагена стало известно сицилийским грекам. Они отправили посланников с протестом и предложением заключить мирный договор. Ответа не последовало, и приготовления продолжались с неослабевающим рвением.

В следующем году экспедиция отплыла. Командовал ею снова Ганнибал, но свою власть он поделил с молодым родственником по имени Гимилько. Его силы, по самым скромным подсчетам, составляли 120 000 человек, а флот - 120 военных кораблей. Именно на Агригентум, к которому теперь была отодвинута граница греческой Сицилии, обрушилась первая буря.

Агригентум был великолепным городом, уступавшим по численности населения только Сиракузам, но не уступавшим им даже в великолепии и богатстве. Ни один город на острове или даже в материковой Греции, за исключением Афин, не мог похвастаться более величественными храмами и общественными зданиями. Окруженный обширной и плодородной территорией, он вел выгодную торговлю с африканским побережьем. Он мог похвастаться одним видом богатства, в котором немногие греческие города могли с ним соперничать, - благородной породой лошадей, которых можно было увидеть, по крайней мере, так же часто впереди на гонках колесниц в Олимпии, как и команды, отправленные из Сиракуз или Аргоса. Всего за два года до того времени, о котором я рассказываю, гражданин Агригентума выиграл приз за четырехлошадные колесницы, а по возвращении домой его сопровождали от границы триста частных колесниц, запряженных двумя белыми лошадьми.

Агригентум был построен на естественно сильном месте и умело укреплен. Он занимал группу или, скорее, часть группы холмов, которые со всех сторон, кроме одного, юго-западного, обрывались с равнины, настолько обрывисто, что атака была невозможна. На северо-востоке, венчая высоту самого возвышенного холма, находилась цитадель, к которой можно было подойти только по одной узкой тропинке.

Укрепления были сильными и ухоженными, но и гарнизон был достаточным. Помимо многочисленного войска, набранного из собственных граждан, Агригентум имел в своем распоряжении восемьсот кампанских наемников, которые за три года до этого служили под началом Ганнибала и бросили свое дело, недовольные оплатой. Кроме того, она заручилась услугами пятнадцати сотен других наемников, которые находились под командованием Дексиппа, спартанского солдата удачи. Граждане были уверены в своей способности отразить любое нападение, которое может быть совершено на них. Когда Ганнибал предложил заключить союзный договор, который, однако, позволил бы Агригентуму занять нейтральную позицию в приближающемся конфликте, он был немедленно отвергнут.

Некоторое время оборона шла хорошо. Ганнибал штурмовал город в единственном месте, где штурм был возможен, но ничего не добился. Он даже потерял свой осадный обоз, так как агригентинцы предприняли вылазку, захватили и сожгли его. Тогда он принял альтернативный план - возвести курган, который поставил бы нападающих на один уровень со стенами. Кладбище Агригентума находилось за стенами в том же квартале, что и место

нападения. Действительно, только здесь было хоть какое-то ровное пространство. Массивные каменные гробницы, в которых покоились останки знатных или богатых агригентинцев прошлых времен, были в изобилии, и Ганнибал, с присущей ему небрежностью ко всем религиям, кроме своей собственной, решил использовать эти материалы для осады. Его рабочие разрушили множество гробниц и были заняты самой великолепной из них, гробницей Терона (тирана Агригентума с 488 по 472 год), когда в этом месте упала молния. Это было воспринято карфагенянами как явный знак божественного неудовольствия. Последовавшая за этим паника значительно увеличила число жертв от болезни, которая теперь появилась в лагере. Тысячи людей погибли, в числе жертв был и сам Ганнибал. Только после того, как были совершены различные искупления, одно из которых - человеческое жертвоприношение, Гимилько, который теперь сменил главного командира, смог возобновить осадные работы.

Но фортуна, казалось, по-прежнему благоволит грекам. Другие греческие города активно участвовали в сборе сил для спасения. Сиракузская армия, состоявшая из контингентов из Гелы и Камарины в количестве 30 000 пеших и 5000 конных, достигла территории Агригентины. Гимилько отправил отряд испанцев и италийцев, чтобы противостоять их дальнейшему продвижению. После ожесточенной схватки карфагенские наемники были разбиты и вынуждены отступить в свой лагерь. Дафней из Сиракуз, который был главным командиром, возможно, помня о катастрофических результатах слишком энергичного преследования врага перед Селином, задержал своих людей, когда они должны были одержать победу. Офицеры, командовавшие в Агригентуме, были столь же осторожны. Их войска хотели выскочить из ворот и обрушиться на летящих наемников, которые в беспорядке проносились мимо, но генералы категорически отказали им в разрешении, и возможность полностью уничтожить врага - так, по крайней мере, утверждали недовольные - была упущена.

Теперь союзники вошли в город под всеобщее ликование. Однако не прошло и нескольких минут, как послышались разноголосые нотки. Громко звучали жалобы на беспечность агригентинских генералов, позволивших врагу бежать. Некоторые дошли до того, что предположили, будто между генералами Агригентины и Гимилько существует предательское соглашение. В спешном порядке было созвано общественное собрание, и обвиняемые генералы предстали перед судом. Предводитель контингента из Камарины, Менес по имени, встал в один ряд с обвинителями. Какие доказательства были предъявлены генералам, мы не знаем. Вполне возможно, что ничего достойного, ибо южная толпа была готова тогда, как, впрочем, и сейчас, принять за истину самые смелые предположения. Как бы то ни было, их защита, какой бы она ни была, ничего не дала. Четверо из пяти были забиты камнями до смерти, а пятому, ввиду его молодости, позволили спастись. В то же время спартанец Дексипп подвергся суровому порицанию.

Это прискорбное дело имеет любопытное сходство с известным инцидентом в афинской истории, который действительно почти совпал с ним по времени: казнь афинских генералов после победы при Аргинусе по обвинению в том, что они не сделали всего возможного для спасения жизни экипажей кораблей, потерпевших кораблекрушение. Это показывает, как и любой, кто рассказывает историю Греции, темную сторону свободной политической жизни. Однако на данный момент война не принесла никаких плохих результатов. Фортуна по-прежнему была сильно настроена против армии вторжения. Гимилько практически не смог снять осаду Агригентума и был осажден в своем собственном лагере. Он был слишком сильно укреплен, чтобы его можно было взять штурмом, но, похоже, ему грозил голод.

Дафней был достаточно силен, чтобы перекрыть снабжение, и карфагеняне оказались в тяжелейшем положении. Некоторые из наемников взбунтовались, и их с трудом удалось утихомирить, передав им тарелки, которые привезли с собой богатые карфагеняне, занимавшие высокие посты в армии. Затем смелым *переворотом* Гимилько добился полного изменения ситуации. Агригентум снабжался в основном из Сиракуз, и в конце года под эскортом нескольких сиракузских военных кораблей к нему направился флот с товарами. Карфагенский флот бездействовал с самого начала кампании, и греческие командиры, похоже, решили, что им можно смело пренебречь. В этом они вскоре обманулись. Эскадра из сорока военных кораблей неожиданно вышла из Мотье, атаковала сопровождающие корабли, из которых уничтожила восемь, вытеснив остальные на берег, и сумела захватить весь конвой. Теперь позиции двух армий поменялись местами. Карфагеняне располагали большим количеством припасов, грекам грозил голод. Наемники, находившиеся на службе у Дексиппа, обратились к нему с жалобой. Он не смог их удовлетворить, и они ушли в Мессану, заявив, что время, на которое они были наняты, истекло. Тревога, вызванная этим дезертирством, была велика, и Дексипп не позаботился о том, чтобы ее унять. Он не забыл ни о судьбе агригентинских генералов, ни о порицании в свой адрес. Магистраты Агригентума начали расследование состояния и количества запасов, оставшихся в городе, и обнаружили, что их осталось очень мало. Они не теряли времени, чтобы принять решение о дальнейших действиях. Агригентум должен быть эвакуирован, причем немедленно. В ту же ночь все население, за исключением больных и беспомощных, а также нескольких патриотов, которые предпочли умереть в родном городе, чем покинуть его, поспешно бежало в Гелу, а их тыл охраняли сиракузские и агригентинские войска. Они спаслись, сохранив свои жизни и имущество, которое смогли унести. Тех, кто остался, убивали без пощады, если только они не предпочитали покончить с собственной жизнью. Некоторые надеялись найти спасение в храмах, но карфагеняне не проявили никакого уважения к святыням города, которые они грабили и разрушали так же безжалостно, как и мирские.

Но успех карфагенян еще не достиг своего апогея. Еще два греческих города, Гела и Камарина, должны были быть эвакуированы. Практически остались только Сиракузы и Мессана. Если бы этот успех был достигнут в 480 году, перспектива европейской цивилизации была бы поистине мрачной. К счастью, к этому времени Персия, естественный союзник Карфагена, перестала быть грозной.

Если я буду подробно описывать историю войны, это потребует слишком много времени и уведет меня слишком далеко от моей темы. Вряд ли можно сомневаться в том, что сиракузские генералы проявили много бесхозяйственности. Но все допущенные ими ошибки можно было бы исправить без серьезных потерь для государства и благополучия греческой расы в Сицилии, если бы не беспринципное честолюбие одного сиракузского гражданина. За некоторое время до карфагенского вторжения один из лидеров сиракузской аристократии попытался сделать себя абсолютным правителем. Он погиб во время этого предприятия, но его план не умер вместе с ним. Некий Дионисий, женившийся на дочери покойного, увидел в народном возмущении против некомпетентных полководцев возможность добиться своих целей. Он добился их осуждения и избрания себя на их место. Хитроумный маневр позволил ему окружить себя телохранителем. В конце концов он стал хозяином города. По сути, он был главным гражданином республики. На монетах Сиракуз до сих пор изображен олицетворенный город, поскольку Дионисий не рискнул поместить на них свое собственное изображение. Но практически он был абсолютен. До сих пор ему помогал успех карфагенского вторжения. Он никогда бы не поднялся до верховной власти, если бы не ужасные бедствия, постигшие Агригентум, Камарину и Гелу и, казалось, сделавшие его необходимым человеком. Но он, конечно, чувствовал, что Сиракузы не должны пасть. К

счастью для своих планов, он обнаружил, что Гимилько не в состоянии вести войну дальше. Карфагенская армия, состоявшая из наемников, собранных из многих стран, была дезорганизована. Болезнь, которая произвела такой хаос во время осады Агригентума, вспыхнула снова и унесла тысячи жертв. Без особого труда было достигнуто соглашение. Карфагеняне должны были оставить себе все свои прежние владения и недавние приобретения. Только Гела и Камарина могли быть вновь заняты их прежними жителями при условии выплаты дани. А Сиракузы - и это была важная статья договора - *должны были перейти под власть Дионисия*. На этих условиях был заключен мир, и карфагенская армия вернулась домой, унося с собой, как нам говорят, ужасную болезнь, которая нанесла столько вреда Сицилии.

ССЫЛКИ:

[9] См. с. 71.

[10] Следует пояснить, что наши знания об этом периоде получены в основном от Диодора Сикула, писателя первого века нашей эры. Он был уроженцем Сицилии и, написав нечто вроде "Всеобщей истории", уделил особое внимание делам своей страны. До него, судя по всему, были два писателя гораздо более раннего времени, оба сицилийцы. Это были Эфор, родившийся около 404 года до н. э., и Тимей, живший примерно на полвека позже. Сохранились лишь фрагменты их произведений, но практически все, что Диодор рассказывает нам о сицилийских делах, происходит от них. Некоторые подробности мы узнаем от Плутарха.

III

ДИОНИСИЙ ТИРАН

Можно с уверенностью сказать, что ни одна из сторон договора, положившего конец войне 407-6 годов, не собиралась затягивать ее дольше, чем это было бы удобно ей или им. Дионисий умело использовал войну, чтобы возвыситься до деспотической власти; Карфаген, вероятно, ожидал, что снова, как и прежде, внутренние распри греческого народа дадут ему возможность для нового возвышения. За несколько лет она добилась многого, хотя и не без тяжелых потерь. Но эти потери, в конце концов, были невелики. Кровь наемников стоила дешево. Пока источники дохода города оставались нетронутыми, она могла с уверенностью рассчитывать собрать столько рекрутов из Африки, Испании, Италии и берегов западного Средиземноморья, сколько пожелает заплатить. Поэтому у нее не мало оснований полагать, что ее давно задуманный план по покорению Сицилии может быть осуществлен в ближайшем будущем.

Мир длился около восьми лет - эти годы Дионисий использовал для укрепления своей власти дома и расширения владений за границей. Он остро чувствовал упрек, выдвинутый против него врагами, что его власть опирается на карфагенскую поддержку, и стремился устранить его. В 397 году он почувствовал в себе достаточно сил, чтобы действовать, и, взяв народ в свои советники, так как он тщательно соблюдал формы конституционного правления, предложил начать военные действия. Война не была объявлена, но имущество карфагенян, проживавших в Сиракузах, было отдано на разграбление, а торговые суда в гавани захвачены в качестве призов. Если богатство карфагенян возбуждало алчность их греческих

соседей, то их деспотичное правление и жестокие нравы вызывали всеобщую ненависть. Как только весть о том, что было сделано в Сиракузах с согласия и, более того, по предложению Дионисия, распространилась по острову, последовала всеобщая резня карфагенских жителей. Во всех городах, которые поздние походы оставили в зависимом или подчиненном состоянии, произошло восстание населения против своих карфагенских хозяев, и последовала резня, не похожая на ту, что была запланирована и частично осуществлена среди датчан Восточной Англии в День святого Брайса в 1006 году н.э., или на ту, что известна как Сицилийская вечерня в 1282 году. В течение очень короткого времени область, фактически удерживаемая Карфагеном на острове, не выходила за пределы его опорных пунктов на западном побережье.

Вслед за этим Дионисий выдвинул *ультиматум*. Карфаген может получить мир, если откажется от господства над всеми греческими городами; в противном случае он должен готовиться к войне. На такое требование мог быть только один ответ. Дионисий даже не стал дожидаться неизбежного отрицательного ответа, а двинулся со всей военной мощью острова - вероятно, никогда прежде не собиравшейся в таком количестве и с таким единомыслием - против крепости Мотиэ. Карфагеняне сопротивлялись с упорством, характерным для семитской расы. Одна линия обороны за другой стойко выдерживалась. Когда стены пришлось сдать, улицы были забаррикадированы. В таких боях греки несли большие потери. Наконец, не имеющая аналогов в современной войне хитрость оказалась эффективной. Несколько дней подряд нападавшие прекращали бой на закате, сигнал к отбою подавала труба. Этого ждали горожане, которые стали ослаблять бдительность. Но Дионисий подготовил отряд, который должен был совершить ночную атаку. Это было сделано до того, как мотийцы узнали о случившемся, и город был взят. Последовала резня, в которой многие были уничтожены, хотя Дионисий сделал все возможное, чтобы остановить ее. Он, конечно, не отличался особой гуманностью, но не одобрял бесполезного уничтожения того, что в виде рабов могло быть ценным имуществом. Следует отметить, что греки с уважением относились к жизни тех, кто бежал в храмы за защитой. Это свидетельствует о том, что их чувства были несколько выше, чем у карфагенян. Следует помнить, что храмы принадлежали пунийским богам.

Карфаген не собирался оставлять эти нападения без ответа. Большое войско, по самым скромным подсчетам, насчитывающее 100 000 человек, было собрано в Африке и высажено на Сицилии, где к нему присоединилось еще 30 000. Гимилько, командовавший в прошлой кампании, был назначен генерал-аншефом. Он разработал новый и смелый план кампании. Он направился в северо-восточную часть Сицилии, часть острова, которая до этого времени была свободна от нападения. Мессана была его целью, и Мессана оказалась почти беспомощной. У нее, правда, были стены, но их ремонт был настолько плох, что они были бесполезны для реальной обороны. К тому же значительная часть армии находилась у Дионисия и сиракузян. То, что осталось, смело противостояло врагу в поле. Гимилько не стал предлагать им сражение, а, посадив значительные силы на корабли, которые двигались вдоль побережья по мере продвижения врага, предпринял прямую атаку на город. Он рассчитал, что корабли опередят мессанийскую армию, и оказался прав. Карфагеняне нашли место почти безлюдным и просто влились в город через бреши в стенах. Крепости он взять не смог. Часть жителей была убита в безнадежной попытке удержать город; некоторые попытались прибегнуть к отчаянной мере - переплыть пролив Сциллы и Харибды, ужасы которого были не столь грозны, как свирепость карфагенян, и из двухсот пловцов пятьдесят благополучно добрались до итальянской стороны. Овладев Мессаной, Гимилько двинулся на Сиракузы, намереваясь по пути захватить Катану. Армия должна была следовать по линии морского берега, флот - держаться на одном уровне с ним. На Йетна пришлось отвлечься.

Вулкан был в действии, и потоки лавы, стекавшие по восточному склону, заставили армию *свернуть* на запад. Дионисий решил, что в этом разделении сил вторжения он видит свою возможность. Он привел в движение и армию, и флот и двинулся навстречу врагу. Однако столкнулись только флоты, и результатом стало серьезное поражение сиракузян. Адмиралу по имени Лептинес было строго предписано быть осторожным, держать свой флот в тесном строю и ни в коем случае не нарушать строй. Такая тактика его не устраивала. Он атаковал противника эскадрой из тридцати быстроходных кораблей, поначалу с блестящим успехом. Затем произошло то, чего опасался более благоразумный Дионисий. Лептинес не смог противостоять превосходящему числом противнику. После нескольких часов боя ему пришлось спастись бегством с теми кораблями, которые у него остались. Он потерял сто кораблей и, как говорили, до двадцати тысяч человек.

Дионисий наблюдал за катастрофой с берега, не имея возможности оказать помощь своим товарищам. Вопрос о том, что делать ему самому, стал неотложным. Его более смелые советники убеждали его дать бой Гимилько. Он был готов последовать их совету, но риск казался слишком большим. Это означало бы поставить все на карту одним броском костей. Он отступил к Сиракузам и укрылся в их стенах. Гимилько незамедлительно последовал за ним. Его армия, насчитывавшая, по слухам, 300 000 человек и, несомненно, большая, легко овладела городом со стороны суши; его флот заполнил Большую гавань, хотя ее площадь составляла почти четыре квадратных мили. Сиракузская армия не осмелилась покинуть укрытие своих стен; флот был рад защититься во Внутренней гавани - убежище, в которое еще никогда не входил враг. Никогда еще греческая раса на Сицилии не оказывалась в столь отчаянном положении. У него оставался только один город, да и тот тесно обложенный. Сиракузы были подобны Иерусалиму, как его описывает Исайя в разгар ассирийского нашествия: "домик в винограднике, домик в саду огурцов".

Затем ситуация начала меняться. Сиракузяне добились некоторых успехов на море. Несколько кораблей с кукурузой, перевозивших припасы в карфагенский лагерь, были захвачены, а эскадра военных кораблей, пытавшаяся вернуть их, потерпела поражение, потеряв более половины своего состава, включая корабль адмирала.

Затем в лагере начался мор, приступ бубонной чумы, если судить по описанию, которое мы приводим. Он усугублялся религиозными страхами. Гимилько проявил такое же беспечное отношение к святыням, как и его предшественник на посту командующего. Он разрушил гробницы, чтобы использовать их материалы, и разграбил храмы, один из которых отличался особой святостью - святилище Персефоны, царицы ада, и ее матери Деметры (Цереры из римской мифологии). Тысячи людей погибли - историки, оперируя, как обычно, огромными цифрами, говорят о ста пятидесяти тысячах. Смертность, безусловно, была велика, и Дионисий не преминул воспользоваться своим шансом. Он предпринял одновременные атаки на суше и на море и добился успеха в обоих случаях. Флот был почти уничтожен. Многие корабли были захвачены, многие сожжены. Часть лагеря была захвачена. В конце дня Дионисий расположился возле храма Зевса, в котором Гимилк разместил свой штаб тем же утром.

Затем карфагенский полководец начал тайные переговоры со своим противником. Вкратце расскажем, что взяткой в триста талантов он купил безопасность себя и местных карфагенских офицеров в армии. Деньги ушли в личную казну Дионисия, а Гимильку позволили бежать вместе с соотечественниками, хотя некоторые из сорока кораблей, на которых находились беглецы, были захвачены. Сиракузский адмирал, разумеется, ничего не

знал об этой договоренности, а Дионисий, хотя и сумел отсрочить, не мог полностью запретить преследование. Наемникам, брошенным на произвол судьбы, выпала разная участь. Дионисий взял некоторых из них к себе на службу; коренные сицилийцы в большинстве своем сумели бежать без охраны в свои дома. Значительное число сдалось в плен и было продано в рабство. Гимилько благополучно добрался до Карфагена, но не смог вынести унижительного положения, в котором оказался. Он запер двери своего дома, отказал в приеме друзьям и родственникам, даже собственным детям, и умер от добровольного голода.

Предпринял ли бы Карфаген какую-либо попытку вернуть утраченное, мы не можем сказать. Последующие события сделали это невозможным. Ее африканские подданные восстали против нее; ее союзники покинули ее. В течение нескольких недель она стояла в таком же одиночестве, как и Сиракузы за несколько недель до этого. Но комбинация против нее была не из тех, что могут держаться долго. Вскоре она начала разваливаться на части, и Карфаген помог этому процессу, сильно подкупив лидеров. Но на какое-то время ее власть была подорвана, и ей пришлось довольствоваться тем, что она отодвинула свою пограничную линию на Сицилии на прежнее место в западной части острова.

Было бы утомительно подробно описывать войны следующих нескольких лет. Война следовала за войной; иногда побеждала одна сторона, иногда другая. Только что мы видели, как Карфаген вновь оказался в узких рамках, в которых он находился до 409 года. Затем, через двенадцать лет после этого (383 г.), Дионисий вынужден, после катастрофического поражения при Крониуме, где он, как говорят, потерял 14 000 человек, уступить почти половину острова. В 368 году - наши знания об этих кампаниях, к сожалению, неполны и запутаны - происходит еще одна перемена в судьбе, блестящая победа Дионисия, за которой, однако, последовал откат, в результате которого все осталось так, как было в начале кампании.

В 367 году Дионисий умер, процарствовав тридцать восемь лет. Сейчас я не рассматриваю его характер как домашнего правителя. В этом отношении его имя стало легендарным благодаря жестокой тирании, которая была сполна наказана мучительными подозрениями, которыми была измучена жизнь тирана. Но невозможно отрицать его великие заслуги как солдата. У него были недостатки, но он, безусловно, поддерживал греческое дело в Сицилии против непрекращающихся атак очень сильного врага. Мы увидим, как сильно не хватало его способностей, когда власть перешла в руки более слабого преемника.

IV

ИЗБАВИТЕЛЬ ИЗ КОРИНФА

Младший Дионисий был совершенно не приспособлен к тому положению, в котором оказался по воле рождения. Он был совершенно неопытен в управлении, поскольку отец ревностно отстранил его от участия в государственных делах, и у него было мало способностей к изучению искусства управления, когда он оказался перед необходимостью практиковать его. Некоторые способности у него были, но не в области политики. В этом направлении у него, похоже, было мало идей, кроме обеспечения собственной безопасности и получения как можно большего удовольствия от возможностей власти. История его правления может быть изложена в нескольких словах. Он удерживал власть,

унаследованную от отца, в течение четырнадцати лет. Затем он был изгнан из Сиракуз, но сумел обосноваться в Локри, с которой он был связан через свою мать. По прошествии десяти лет он вновь овладел Сиракузами. Но его власть не была надежной, и он не мог уделить ни сил, ни внимания общим интересам острова. Не лучше обстояли дела и в других сицилийских городах. Карфаген, разумеется, воспользовался предоставленной возможностью и неуклонно наращивал свое могущество. В 344 году ситуация стала настолько угрожающей, что некоторые сиракузские изгнанники решили обратиться за помощью к Коринфу, своему родному городу. Коринф удовлетворил их просьбу, но скорее в виде разрешения, чем активной помощи. Никакой экспедиции государство не посылало. Но на общественном собрании был выдвинут и назначен генерал; гражданам Коринфа разрешили добровольно идти на службу. В конце концов, государство отправило семь кораблей, два из них были добавлены Корсирой, другой коринфской колонией, и один - Леукадией, также коринфской по происхождению. Но большую часть собранного войска составляли наемники. Следует сказать и о полководце, который был одной из самых примечательных фигур в греческой истории.

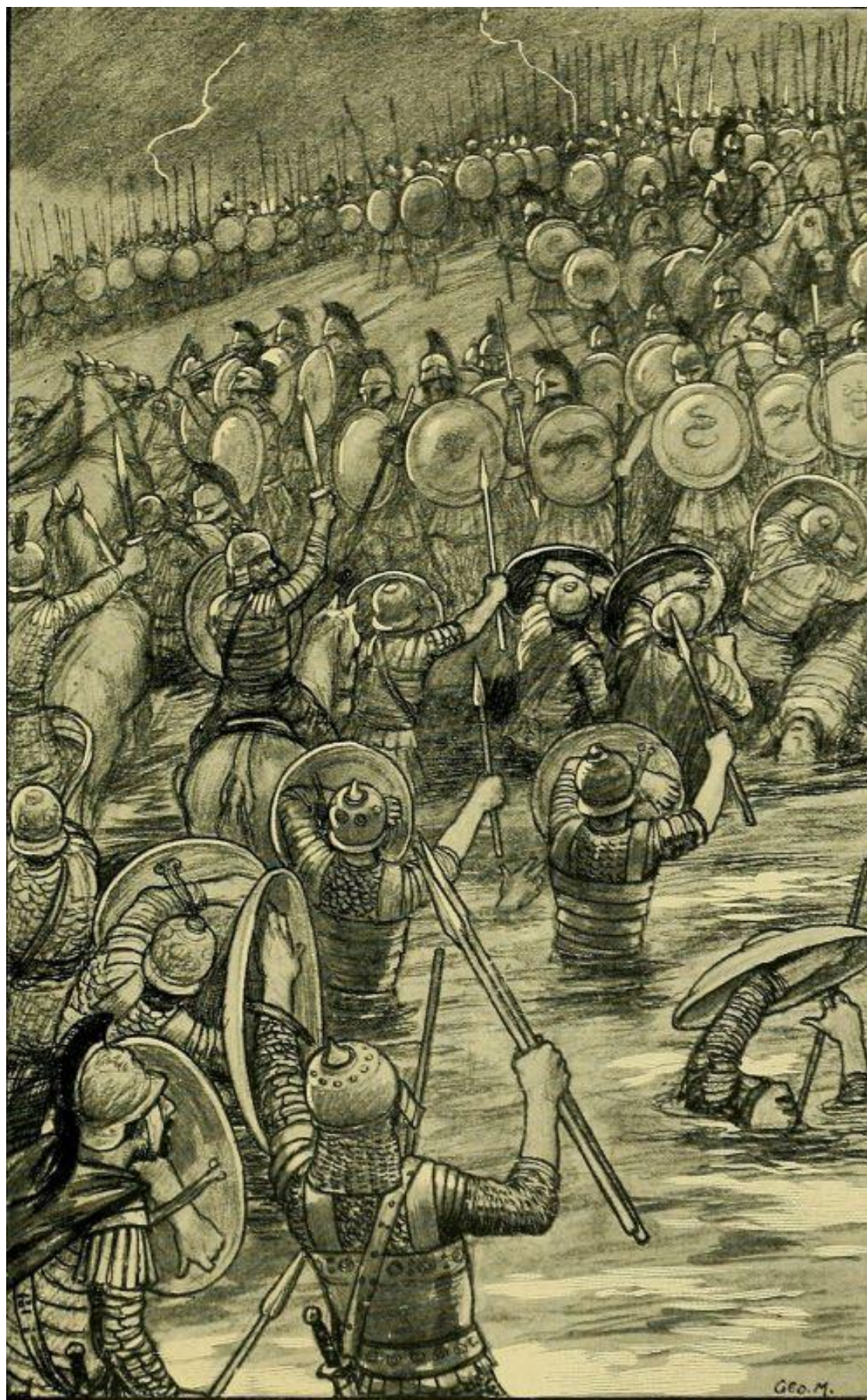
Тимoleon был знатным гражданином Коринфа, который страшной жертвой спас свободу своей страны. Его старший брат Тимофан, умелый и беспринципный солдат, стал деспотом с помощью отряда наемников, нанятых для защиты города от угрожавшей ему опасности афинского вторжения. Тимoleon вступил с ним в переговоры, но тщетно. Тогда он решил освободить свою страну любой ценой. О своем намерении он сообщил двум, а по одним данным - трем, друзьям. Они собрались вместе и попросили о встрече с Тимофаном. Тимoleon обратился к брату с очередным призывом, но получил презрительный отказ. Тогда его спутники выхватили мечи, так как благодаря их представителю им было разрешено войти в присутствие тирана с оружием, и предали Тимофана смерти. Тимoleon не принимал в этом никакого участия, а стоял в стороне, закрыв лицо мантией и горько плача. Этот поступок встретил восторженное одобрение подавляющего большинства граждан Коринфа. Некоторые, кто искал личной выгоды в благосклонности деспота и в душе сожалел о его смерти, делали вид, что потрясены тем, как она произошла. Для самого Тимoleона это событие стало причиной глубочайшей и неизбывной печали. Он затворился в своем доме, не принимал участия в общественных делах и отказывался от визитов друзей. Прибытие сиракузских изгнанников избавило его от этого жалкого существования. На собрании, созванном для назначения полководца, одно имя за другим предлагалось впустую. Внутренние раздоры в Сиракузах были настолько известны в Коринфе, что никто не хотел брать на себя неблагодарную обязанность вмешиваться в их дела. Неожиданно кто-то из членов собрания - как тогда считалось, по божественному вдохновению - предложил имя Тимoleon. Оно было принято всеобщим одобрением, и Тимoleon с благодарностью принял этот пост. Ему удалось ускользнуть от карфагенской эскадры, посланной следить за ним, и добраться до Сицилии. Около четырех лет ушло на восстановление порядка и свободы в греческих городах. По какой-то причине, о которой мы не знаем, Карфаген не вмешивался в его дела. Считается, что война была спровоцирована нарушением границ карфагенской территории. Можно с уверенностью утверждать, что рано или поздно она бы разразилась.

Карфаген, очевидно, приложил немало усилий, чтобы довести войну до успешного завершения. Похоже, она осознавала, что обстоятельства складываются необычайно благоприятно, ведь греческие города на Сицилии никогда прежде не находились в столь плачевном состоянии слабости. Для дела свободы было счастьем, что делами руководил такой исключительно способный человек, как Тимoleon. Армия, высадившаяся в Лилибее под командованием Гасдрубала и Гамилькара, насчитывала 70 000 человек. Из них не менее 10 000 были коренными карфагенянами. Карфаген всегда бережно относился к крови своих

граждан, предпочитая даже за большие деньги покупать доблесть и мастерство, в которых он нуждался. В этот раз она собрала беспрецедентно большое войско. Они были оснащены самым дорогим образом. Каждый солдат был облачен в полный доспех, гораздо более тяжелый и, следовательно, более непробиваемый, чем тот, который обычно носят. У каждого был тщательно украшенный нагрудник. Ядром войска был *корпус элиты*, насчитывавший 2500 человек. Флот из двухсот военных кораблей сопровождал армию, потребности которой обеспечивались огромным количеством почти тысячи транспортов. Одним из важных предметов военного снаряжения было множество колесниц. Личное имущество карфагенских солдат, многие из которых принадлежали к самым богатым семьям города, великолепные палатки, богатые кубки и другая посуда для стола, были очень дорогими.

Тимоллеон не мог собрать более 12 000 человек. У него было 3 000 сиракузских граждан, неизвестное число, возможно, около 6 000, добровольцев из других греческих городов и наемников. Его конница насчитывала тысячу человек. Но он не смог удержать с собой даже всех этих людей. Когда он уже почти достиг границы карфагенской территории, среди наемников произошел мятеж. Им значительно задержали жалование, и один из офицеров воспользовался этим обстоятельством, чтобы поднять их против главнокомандующего. "Он берет вас, - сказал он, - с собой в отчаянное путешествие. Вам придется столкнуться с врагом, который на каждого нашего солдата может выставить шесть своих. А он даже не платит вам жалования". Никогда еще сильная личность Тимоллеона не проявлялась с большей пользой. Мятежники получили, в некотором роде, все, что хотели. Их отправили обратно в Сиракузы с указанием властям дома, что с ними немедленно расплатятся, чего бы им ни стоило собрать деньги.^[11] Эта уступка, казалось, ставила в зависимость от мятежа. Тем не менее Тимоллеон своим личным влиянием сумел остановить движение. Оставшиеся войска, когда недовольный элемент был удален, последовали за ним с неослабевающей преданностью и мужеством. Продвигаясь на запад, в самое сердце карфагенской территории, он достиг потока, известного как Кримесс.^[12] Если раньше ему приходилось бороться со скупостью своих солдат, то теперь он должен был справиться с их страхами. Навстречу армии попались мулы, везущие груз петрушки. Воины были встревожены этим несчастливым предзнаменованием, ведь петрушка обычно использовалась для гирлянд, которые возлагали на могилы. Тимоллеон был на высоте. "Этим, - воскликнул он, схватив веточку, - мы увенчаем наших победителей на Истмийских играх у себя дома. Это наш символ победы", - и он надел повязку на свою голову и украсил ею своих офицеров. Греческая армия достигла вершины холма, который образует восточный берег долины Кримеса. Все вокруг было окутано туманом, а из долины доносился нестройный шум, как от движения огромного войска. Внезапно туман рассеялся, и Тимоллеон увидел под собой огромное карфагенское войско. Боевые колесницы уже переправились через реку и стояли на восточном берегу; карфагенская пехота в великолепных доспехах находилась в самом начале перехода; сзади на них беспорядочной толпой наседали множество наемников и туземных африканских левитов. Тимоллеон увидел свою возможность и быстро воспользовался ею. У него никогда не было столько шансов успешно атаковать врага, как в тот момент, когда они были разделены: одни находились в реке, другие - на дальнем берегу. Коротко напутствовав своих людей, он повел их вниз по крутому склону к реке. Конница шла первой и атаковала карфагенян, которые только что вылезли из реки и выстроились в линию на берегу. Но некоторое время они атаковали напрасно. Им пришлось приложить все усилия, чтобы спастись от разгрома, так как колесницы яростно носились взад и вперед. Они с трудом удерживали свои ряды; на ряды противника они не производили никакого впечатления. Тогда Тимоллеон изменил свой план. Отозвав конницу, он направил ее во фланг

противника, а сам повел пехоту в лобовую атаку. Он забрал свой щит у сопровождающего, который его нес, и приказал своим людям следовать за ним. "Он крикнул пехотинцам, чтобы они воспрянули духом и следовали за ним, - говорит Плутарх, - голосом гораздо более громким, чем это было ему свойственно". Возможно, такую силу ему придавало возбуждение, вызванное конфликтом, но в то время было распространено мнение, "что через него говорило нечто божественное". Работа, которую им предстояло выполнить, не требовала особого энтузиазма и мужества. Карфагеняне были крепкими воинами и великолепно вооружены. Копье против них мало что давало; грекам приходилось проникать под их защиту и нападать на них с мечом. В этот критический момент битвы произошло нечто, убедившее солдат Тимолеона в том, что на стороне их предводителя силы, превышающие смертные. Туман, рассеявшийся в долине и поднявшийся на вершину холма, теперь, казалось, снова спустился вниз в яростной буре. Помимо грома и молний - а в тот день нашлось не так много духа, чтобы презреть эти ужасы, - на карфагенян обрушилась ослепительная буря с дождем и градом, яростно гонимых ураганным ветром. Грекам, у которых все было позади, она не доставила особых неудобств. А потом река начала подниматься. Карфагеняне начали пошатываться под тяжестью своих тяжелых доспехов и промокшей одежды, а когда человек упал, не было никакой надежды, что он поднимется снова. Вскоре четыреста отборных воинов, составлявших передовой отряд, были перебиты. Эти чемпионы ушли, остальные разбежались и попытались бежать. Это оказалось почти невозможным. Многие были убиты при попытке бегства, многие утонули, а тысячи попали в плен. Никогда прежде на Карфаген не обрушивался такой удар. Она потеряла не наемников, которых легко было заменить, пока хватало богатства, как обычно, а своих благороднейших сыновей. С другой стороны, греки не только одержали полную победу, но и собрали трофеи, более великолепные, чем когда-либо видел самый опытный участник кампании.

Тимoleon держит брод Кримеса.

Тимолеон еще не закончил свою работу. Ему еще предстояло свергнуть деспотов, чьи троны подпирала власть Карфагена, а Карфаген не был склонен сдавать свои позиции в Сицилии. Однако в течение следующего года все деспоты были уничтожены, и Карфаген с радостью заключил мир. По нему она обязалась придерживаться западной стороны Халика (*Платаны*) и не вмешиваться во внутренние дела греческих городов.

Нет необходимости подробно продолжать историю конфликта между Грецией и Карфагеном. Его исход был практически предreshен победой Тимолеона при Кримессе. Карфаген, правда, не совсем отказался от своих амбиций. Она все еще жаждала Сицилии, все еще надеялась, возможно, овладеть ею и, по крайней мере, однажды приблизилась к этой цели так близко, как никогда раньше. В 309 году до н. э. Сиракузы снова потеряли свободу, которую вернул ей Тимолеон, и оказались под властью одного из самых умелых и беспринципных в длинном списке сицилийских тиранов - Агафокла. Этот человек спровоцировал войну с Карфагеном, но оказался не в силах противостоять своему противнику, и после серии поражений был закрыт в Сиракузах. Этот город, как и восемьдесят с лишним лет назад, был единственным местом на острове, которое греки могли назвать своим. Тогда Агатокл задумал дерзкий план. Он перенесет войну в Африку и нападет на Карфаген у себя дома, где, как он проникательно полагал, находятся его самые слабые места. Захватчик всегда мог рассчитывать на сочувствие и поддержку подвластных рас, которые страдали от жесткого правления карфагенского правительства. Агатокл осуществил свой план и на некоторое время добился блестящего успеха. Впоследствии его постигли неудачи, но главная цель - спасение Сицилии - была полностью достигнута.

Агафокл умер в 289 году до н. э. Пирр, царь Эпира, известный своими победами над Римом, был следующим, кто взял на себя роль лидера сицилийских греков в их долгой борьбе с Карфагеном. Он мало чего добился. Фактически он провел на острове всего два года. Самым памятным случаем его пребывания здесь было то, что Карфаген предложил ему союз на самых выгодных условиях, а он отказался от него, если она не согласится эвакуировать остров. Это был благородный поступок, ведь предложение дало бы ему важнейшее преимущество в повторном нападении на Рим, которое он планировал. Но сицилийские греки не проявили особой благодарности за его самоотречение; более того, они стали настолько враждебны, что у него не осталось иного выхода, кроме как покинуть остров. "Какой честный борцовский ринг, - сказал он, бросив последний взгляд на Сицилию, - мы оставляем Риму и Карфагену!" С этим отъездом Пирра Греция, можно сказать, исчезает со сцены, а ее место занимает Рим. Пирр покинул Сицилию в 276 году, а Рим впервые столкнулся с Карфагеном через двенадцать лет после этого в так называемой Первой Пунической войне. Эти войны станут темой моей четвертой книги.

ПЯТНАДЦАТЬ:

[11] Трудно не почувствовать определенное удовлетворение от осознания того, что мятежники плохо кончили. У них была неблагоприятная репутация, ведь они брали жалованье фокийцев, зная, что оно было выдано из священных сокровищ храма в Дельфах. Получив недоимку, они отплыли в Южную Италию, где попытались основать поселение, попали в ловушку местных жителей и погибли все до единого человека.

[12] Местонахождение этого потока точно не установлено. Некоторые географы (среди них сэр Э. Банбери в "Словаре классической географии") полагают, что это небольшая река, впадающая в море недалеко от Кастелламаре; другие отождествляют ее с рекой, устье

которой находится на южном побережье острова, в нескольких милях к востоку от Селинуса. Этой точки зрения придерживается автор карты, недавно опубликованной мистером Джоном Мюрреем, где это название дано одному из верхних притоков Гипсаса, ныне известному как Беличи.

КНИГА III

ГРЕЦИЯ И ПЕРСИЯ. НАПАДЕНИЕ

I. БИТВА НА РЕКЕ

С победой Микале для Греции практически исчезла всякая опасность нападения персов, как на материке, так и на островах в Эгейском море. Но греческие города в Малой Азии не были в безопасности. В 466-5 годах до н. э. Кимон, сын Мильтиада, героя Марафона, проводил операции в юго-западной части Малой Азии, целью которых было изгнание персов из некоторых греческих поселений в этом регионе. В 450 году был заключен официальный договор, который положил конец, можно сказать, первому акту драмы. Великий царь обязался оставить азиатских греков свободными и необлагаемыми налогами, а также не посылать войска на определенное расстояние от побережья; Афины же согласились оставить Персии в беспрепятственном владении Кипр (хотя на этом острове проживало большое количество греков) и Египет.

В следующий период отношения Персии и Греции во многом определялись потребностями греческой политики. Два великих соперника за господство, Афины и Спарта, находили персидскую помощь, особенно в виде золота, очень полезной, а Персия, в своих собственных целях, разыгрывала их друг против друга. У Аристофана есть забавная сцена, иллюстрирующая такое положение дел. В собрание вводится мнимый персидский посланник. Он надевает маску, сделанную из одного большого глаза, в знак того, что он - царское око, и бормочет какую-то тарабарщину, которую его представитель интерпретирует как обещание прислать немного золота. Сцена продолжается: - "Расскажи им о золоте, скажи им о золоте."

"Расскажи им о золоте; говори громче и яснее".

Глаз снова заговорил: "Греки-гапеи, золото - дурацкая шутка".

"Это и так ясно", - воскликнул один из присутствующих.

Посол сказал. "Ну, а что вы думаете об этом?"

Гражданин. "А то, что это глупая шутка для нас, греков, думать, что мы получим хоть какое-то золото".

Посол: "Вы совершенно неправы. Он сказал не "шутка", а "сундук". Мы должны получить сундуки с золотом".

Цит. (обращаясь к Глазу). "А теперь послушай меня: собирается ли царь прислать нам золото?"

Глаз качает головой.

Цит. "Обманывают ли нас послы?"

Глаз кивает.

Цит. "Ну, во всяком случае, это существо знает, как правильно кивать".

Это унижительное положение вещей достигло наивысшей точки в 387 году до н. э., когда между Персией и Спартой был заключен так называемый Анталкидский мир. Достаточно привести один пункт из этого договора, который, надо сказать, согласились принять все греческие государства.

"Царь Артаксеркс считает справедливым, чтобы города в Азии и острова Клазомены и Кипр принадлежали ему. Он также считает справедливым, чтобы все остальные эллинские города были автономными, как малые, так и великие, за исключением Лемноса, Имброса и Скироса, которые должны принадлежать Афинам, как это было изначально. Если какие-либо стороны откажутся принять этот мир, я начну войну с ними и с единомышленниками, как на суше, так и на море, с кораблями и деньгами".

Казалось, все, что было завоевано при Марафоне и Саламине, было потеряно, и Персия стала вершить судьбу Греции. Азиатские греки действительно потеряли то, что было завоевано для них, так как они снова попали под власть Персии. Но это зло в некотором роде само излечило себя. Государства, злоупотреблявшие своей властью в корыстных целях, одно за другим отходили на задний план, а другие, не истощившие себя в тщетной борьбе за господство, выходили на авансцену. Одним из требований, которые выдвинули эти новые представители греческого чувства, была решимость отомстить - такова была общая форма, которую приняла эта идея - за обиды, нанесенные Персией Греции. В то же время происходили различные разоблачения реальной слабости гигантской империи, простиравшейся от Средиземного моря до Индийского океана. Десятитысячная экспедиция, хотя и не достигла своей непосредственной цели - свержения одного принца в пользу другого, - показала огромное превосходство греческой расы над своим древним врагом. Десять тысяч человек прошли в самое сердце Персии, не встретив сопротивления, и вернулись обратно при обстоятельствах почти невероятной сложности, не потерпев ничего похожего на катастрофу. Ясон, тиран Фере в Фессалии (ум. 370 г. до н. э.), был первым, насколько нам известно, кто разработал определенный план вторжения в Персию. О Фессалии мне доводилось упоминать лишь однажды. Это было при описании битвы при Платье, когда часть конницы из этого региона оказала персам хорошую услугу. Странно найти в нем первого сторонника того, что мы можем назвать антиперсидским крестовым походом. Но у Ясона не было средств для осуществления столь важного замысла. Так или иначе, его карьера оборвалась из-за убийства.

Спустя четверть века эта идея получила дальнейшее развитие. Ее выразителем стал величайший ритор того времени, а чемпионом, на чьи услуги ссылаются, - Филипп Македонский. Около 346 года до н. э. Исократ обратился с письмом к Филиппу, который недавно был президентом Амфикисионийского совета, предлагая ему примирить греческие государства друг с другом и с их помощью начать войну против Персии. Совет не был предложен, мы можем быть уверены, без предварительной уверенности в том, что он будет желанным для принца, которому он был дан. Филипп, несомненно, лелеял такую цель. Это

была конечная цель, которую он ставил перед собой в борьбе за господство в Греции. Он даже зашел так далеко, что сделал определенные приготовления к этому предприятию. Можно сомневаться, что у него хватило гения для такого гигантского предприятия. Он не был проверен на практике. Его карьера также была оборвана мечом убийцы. Он был убит в 336 году до нашей эры, на сорок седьмом году жизни. Будучи способным, он оставил в наследство еще более способному преемнику свои приготовления и планы.

Александру, которому на момент смерти отца не исполнилось и двадцати лет, предстояло сначала упрочить свое положение. Для начала он разгромил своих варварских соседей на севере; затем подавил восстание в Греции. Покончив с этим, он переключил свое внимание на подготовку своего великого плана. Все было готово менее чем за два года.

В апреле 334 года Александр переправился через Геллеспонт в Азию. С ним было около 35 000 человек, из которых одна седьмая составляла конницу. Медленно продвигаясь на восток, он через несколько недель (25 мая) настиг персидскую армию, которая расположилась лагерем на восточном берегу Граника, небольшого ручья, стекающего с Идского хребта в Мраморное море. О численности персов приводятся разные данные. Общая численность, вероятно, превышала численность армии Александра. Пропорция кавалерии к пехоте, несомненно, была намного больше. Передняя линия, занимавшая берег реки, состояла полностью из этого войска. Справа стояли медяне и бактрийцы, одетые в национальную одежду - шапку с круглым верхом, тунику яркой расцветки и чешуйчатые доспехи. В центре, в такой же одежде, находились пафлагонцы и гирканийцы; справа - небольшое конное подразделение греков и собственно персидская кавалерия, состоявшая в основном из людей, которые утверждали, что происходят от Семи Избавителей, небольшой компании знати, освободившей Персию от власти лже-Смердиса. ^{13]} Здесь командовал Мемнон, родосец, самый искусный советник царя Дария. Пехота, как азиатская, так и греческая, была размещена в резерве, на возвышенности, которая обозначала границу зимнего половодья. Река теперь текла в своих берегах, но полным, сильным потоком.

Александр, восседавший на своем знаменитом коне Буцефале, проскакал вдоль линии, обращаясь с несколькими словами ободрения к каждому отряду и роте, когда проходил мимо них, и, наконец, встал во главе правой части армии. Как только персидские военачальники поняли его намерение, они начали усиливать свою левую часть. Слава о личной доблести царя не могла не дойти до них, и они знали, что самая ожесточенная борьба будет там, где он может находиться под непосредственным командованием. Александр видел это движение и возможность, которую оно ему предоставляло. Он поставил бы своих противников в невыгодное положение, если бы смог застать их в смятении. Поэтому он приказал всей линии наступать, причем правая дивизия была отброшена несколько вперед. Здесь находился знаменитый *корпус д'элит*, полк тяжелой кавалерии, носивший название "Королевские компаньоны". Он первым вошел в реку. С обеих сторон их прикрывали копьеметатели и лучники; их поддерживали несколько легких лошадей и полк легкой пехоты.

Фургон атакующих войск прошел через реку в полном порядке. Русло реки было неровным, усеянным большими камнями, вынесенными паводком, и местами с опасно глубокими ямами, но грязи и коварного песка не было. Первый штурм был отбит. Линия конных воинов стояла в воде, где было достаточно мелко для этого; на самом берегу находилась масса

всадников, две или три шеренги. Те, кто был внизу, орудовали мечами; те, кто находился на возвышенности, осыпали наступающего врага копьями. Лишь немногие из них смогли вскарабкаться на крутой берег; некоторые были убиты, другие отброшены назад на преследовавшие их войска. Казалось, атака провалилась. Но когда король сам перешел в наступление, судьба дня быстро изменилась. В первый из многих раз за свою удивительную карьеру личное мужество Александра, его сила, его ловкость в обращении с оружием переломили ход битвы. Он был как непревзойденным солдатом, так и непревзойденным полководцем, и, казалось, соединял в себе старое воинство и новое, личную доблесть Ахилла и тактическое мастерство Эпаминондаса. Он рвался вперед, сплачивая по мере продвижения свои удрученные войска, поражал противника за противником и взбирался на берег с поразительной ловкостью. Пример такого вождя, казалось, придал сподвижникам непреодолимую силу. За несколько минут берег Граника был завоеван. Но битва еще не была закончена. Персы были отброшены от первой линии обороны, но они все еще удерживали ровную землю, и пока вся греческая армия не переправилась через ручей, они имели большое превосходство в численности, что позволяло им наносить удары, которые вес людей и лошадей вполне мог бы сделать непреодолимыми. Александр снова оказался в гуще событий. Его пика была сломана в борьбе за берег. Он попросил у своего санитара другую. Тот показал ему его собственное сломанное оружие. Тогда царь оглядел своих последователей, высоко держа обломанное древко. Призыв был услышан мгновенно. Один коринфянин, по имени Демарат, откликнулся на его призыв и подал ему новое копье. Это не было сделано ни на минуту раньше. Персидская кавалерия двигалась тяжелой колонной, а ее предводитель Митрадат, зять царя Дария, ехал далеко впереди своих людей. Александр прищепил коня, набросился на Митрадату с пикой наперевес, ударил его в лицо и свалил умирающего на землю. Тем временем подъехал еще один персидский вельможа. Он нанес Александру яростный удар своей секирой, но в азарте не попал в цель и лишь срезал гребень шлема. Александр ответил ударом, пробившим нагрудник и нанесящим ему смертельную рану. Сзади находился третий противник, но его рука была отрублена ударом меча македонского офицера в тот момент, когда он наносил удар. Однако борьба продолжалась с неослабевающей яростью. Только когда пали почти все вожди, персидская кавалерия сдалась.

В других частях поля победа далась легче. *Элита* персидской армии была собрана вместе, чтобы противостоять Александру, а остальные не держались с таким же упорством. Когда фаланга переправилась через реку и вновь сформировалась на восточном берегу, она не встретила сопротивления.

Однако оставалась еще сила, с которой, если бы с ней правильно обращались, завоеватели могли бы столкнуться с серьезными трудностями. Пехота, как уже говорилось, находилась в резерве, и из этого войска не менее половины, а это целых десять тысяч человек, составляли греческие наемники. Они пребывали в абсолютном бездействии, безучастно наблюдая за ходом борьбы на ровной площадке внизу. У них не было ответственных руководителей, им не отдавалось никаких приказов. Персидские генералы, уверенные в силе своего особого войска, кавалерии, не использовали эту бесценную силу. А ведь они могли знать, на что способны десять тысяч греков, хорошо руководимых! Александр подошел и атаковал незащищенный фланг греческого войска. "У него были недостатки его достоинств", и он слишком рьяно "упивался восторгом битвы". Его всадник - не знаменитый Буцефал, который хромал, а другой конь - был убит под ним. Легкая пехота также предприняла атаку, но наемники все еще держались на ногах. Но когда подошла фаланга, их силы и мужество не выдержали. Передние ряды были смяты натиском громоздкой машины, а остальные сначала дрогнули, а затем распались в безнадежном смятении. Не менее половины их числа были

убиты на месте или при попытке к бегству. Остальные были либо отведены в сторону, либо сумели добраться до безопасного места.

ССЫЛКИ:

[13] Камбиз в приступе бешеной ревности - так гласила история - предал смерти своего брата Смердиса. Камбиз умер в Египте. Волхвы, мединские прорицатели и жрецы, придумали, что один из них должен олицетворять собой убитого принца. После того как он несколько месяцев занимал персидский трон, семь вельмож составили против него заговор и убили его. Один из семи, Дарий, стал царем; остальные были вознаграждены вечным иммунитетом от налогов для себя и своих потомков и другими привилегиями.

II

НЕОДОЛИМАЯ ФАЛАНГА

Восемнадцать месяцев, последовавших за битвой при Гранике, Александр провел в Малой Азии. Несколько сильных мест оказали ему сопротивление, но в целом он почти не встретил сопротивления. С другой стороны, он продвигался не очень быстро. В Гордиуме, во Фригии, он дал своей армии длительный отдых, а в Тарсе, в Киликии, его против воли задержала тяжелая болезнь, полученная, как говорили, от купания в ледяных водах Циднуса. Тем временем Дарий собирал со всех концов империи огромную армию, которая, как он думал, непременно сокрушит захватчика. Он был настолько уверен в себе, что не пытался остановить продвижение Александра. Он оставил без защиты сильные проходы в Киликию. То же самое он сделал и с проходами из Киликии в Сирию. Он желал только одного: чтобы враг подошел к нему вплотную. Его первоначальный план состоял в том, чтобы ждать македонскую армию в местечке под названием Сочи, где было большое пространство ровной земли. Но потом он начал опасаться, что Александр может все-таки сбежать от него. Он покинул Сочи и двинулся одним из перевалов Монс-Аманус (Савур-Даг) к Иссусу, где оказался бы в тылу врага и смог бы отрезать ему путь к отступлению, которое, по его мнению, будет предпринято. Александр, который в высшей степени умел угадывать мысли своего противника, увидел свое преимущество. В Иссе Дарий не мог воспользоваться своей численностью, и поэтому его можно было атаковать с большой надеждой на успех. Он совершил ночной марш, переправился в Киликию и сразился при Иссе во второй из своих великих битв.

Дарий занял позицию на северном берегу реки Пинар (*Дели Цхай*). Центр его боевой линии составляли 90 000 тяжеловооруженных пехотинцев, сформированных в три корпуса по 30 000 в каждом. Один из них состоял из греческих наемников и занимал среднее место; по обе стороны от него находились два других - азиаты, вооруженные на греческий манер. Его собственное место было позади греков. Именно на них он действительно полагался, хотя и яростно возмущался, когда это предложение высказывал другой. За несколько недель до этого, осматривая армию, с которой ему предстояло встретиться с Александром, он спросил мнение Харидема, афинского изгнанника, который находился при нем. Харидему было велено свободно высказывать свое мнение, и он оказался достаточно неосторожен, чтобы поверить царю на слово. Суть его совета царю заключалась в том, чтобы не доверять азиатам, а потратить накопленные сокровища на найм греков. Дарий был глубоко оскорблен, а окружавшие его вельможи пришли в ярость. Харидема предали смерти, но его совету,

видимо, последовали. Конница была сосредоточена на правом фланге - на том конце линии, который находился ближе всего к морю, так как только там была подходящая для их действий земля. На левом фланге, далеко в горах, находилось двадцать тысяч легковооруженных пехотинцев, которые должны были броситься во фланг македонцам, как только те попытаются переправиться через реку. За этой боевой линией, насчитывавшей, вероятно, не менее 120 000 человек, стояла смешанная толпа, согнанная со всех провинций огромной Персидской империи. К этой массе бойцов, если их можно назвать бойцами, и без того громоздкой, добавились 50 000 солдат, которые были размещены на южном берегу реки для прикрытия операции по формированию персидской линии и были возвращены, когда формирование было завершено. Местность и без того была переполнена, а это пополнение численности второй линии только сделало ее еще более безнадежно неуправляемой.

Александр поставил свою легкую пехоту в крайнем правом ряду, напротив, как помнится, аналогичного войска в персидском строю. Здесь же находился кавалерийский полк "Компаньонов", а вместе с ними и часть фессалийских лошадей. Главная линия состояла из фаланги в пяти дивизиях, пятая, крайняя слева, находилась близко к морю, которое было немногим более чем в полутора милях от подножия гор - таким узким было пространство, которое Дарий выбрал для поля боя. Он не мог сделать ничего лучше, чтобы уничтожить любое преимущество, которое могло быть получено благодаря его огромному превосходству в численности. Слева стояли несколько эскадронов греческой конницы и легковооруженные отряды с Крита и Фракии.

Подойдя к противнику, Александр внес некоторые изменения в диспозицию своих сил. Самым важным из них было перебросить часть легкой пехоты, конницы и лучников против 20 000 персов, которые были расположены так, чтобы угрожать его правому флангу. Это была мудрая предосторожность, но, по сути, она не понадобилась. Персы не предпринимали никаких действий, и Александр вскоре понял, что ими можно смело пренебречь. Он оставил несколько сотен кавалерии для наблюдения за ними, а остальные силы, предназначенные для этой службы, расположил на главной линии.

По достижении реки было предоставлено короткое время для отдыха. Неплохо было также переждать возможное движение персов вперед. Уверенность, побудившая к походу на Иссус, могла побудить и к атаке. Но персидская линия осталась на своем месте, и Александр переправился через реку. С ним была его легкая пехота, не пращники и лучники, как следует пояснить, а обычные солдаты, с доспехами и оружием, измененным таким образом, чтобы они могли быстро передвигаться, "компаньоны" и две дивизии фаланги. Фаланга была построена в роты по шестнадцать человек в глубину. Все солдаты были вооружены пиками (*сариссами*), длина которых составляла двадцать один фут. Пики первой шеренги выступали на пятнадцать футов, другой конец был утяжелен, чтобы оружие можно было без труда удерживать. Пики второй шеренги выступали на двенадцать футов, третьей - на девять, четвертой - на шесть, пятой - на три. Остальные шеренги держали свои пики наклонно, через плечи тех, кто стоял впереди. Александр, как обычно, лично возглавил атаку. Македонцы, двигаясь так быстро, как только могла идти фаланга, обрушились на азиатских тяжеловооруженных, которые занимали левое отделение главной персидской линии. В основном это были кардухи, современные курды, которые, похоже, как тогда, так и сейчас, лучше умеют грабить, чем воевать. Кардучи отступили, не дожидаясь, пока македонцы сойдутся с ними в рукопашную. Их бегство поставило под угрозу безопасность царя, вернее, сам царь считал, что она под угрозой. Он приказал своему вознице повернуть головы лошадей и лететь. Пока земля позволяла, он держался на колеснице; когда же она стала слишком тяжелой, он вскочил на коня и бежал с такой поспешностью, что сбросил с себя

королевскую мантию, лук и щит. Смешанная толпа, стоявшая за главной линией персидского сражения, как только увидела, что царь покинул поле боя, побежала или, скорее, попыталась бежать. Но так узко было пространство, в котором они теснились, что они едва могли двигаться. Последовала сцена страшного ужаса и смятения. Беглецы ожесточенно боролись друг с другом, пытаясь спастись. Если бы они проявили столько же энергии в сопротивлении врагу, сколько в отталкивании и топтании своих друзей, они могли бы изменить судьбу дня. Менее чем через полчаса после того, как Александр переправился через Пинар, левое крыло персидского войска превратилось в безнадежное месиво.

Битва при Иссе.

Однако у персов оставалась еще непоколебимая сила, с которой можно было бы многое сделать, если бы только нашелся вождь, способный ее использовать. Греки в центре храбро стояли на своем. Они даже выдвинулись вперед, атаковали левые части фаланги, не успевшие пройти через Пинар, и нанесли ей некоторые потери, убив до 150 человек из первой шеренги и командира. Но сами по себе они не могли надеяться удержать поле боя. Когда Александр, развернувшись после победоносного штурма персидской правой стороны, атаковал их во фланг, они были вынуждены уступить. Но они отступили в хорошем порядке, и основная их часть успешно скрылась. Персидская кавалерия тоже показала себя не совсем недостойной своей древней славы. Они фактически переправились через Пинар и атаковали фессалийскую конницу, переведенную, надо сказать, Александром из правой части армии в левую. В завязавшемся бою они держались уверенно. Но их мужество пропало, когда они узнали о бегстве Дария. Когда их царь отказался от борьбы, что им оставалось делать? Они были привязаны к нему, но у них не было представления о стране, служению которой они должны были посвятить свою жизнь. Они бежали, сильно страдая в погоне.

Македонцы потеряли 450 человек убитыми, сам Александр был легко ранен. Резня среди персов не поддается оценке. По оценкам, их было более 100 000. Птолемей, впоследствии царь Египта, который был одним из самых доверенных генералов Александра, заявил, что

нашел овраг, настолько заваленный трупами, что мог использовать их в качестве моста. Птолемей вел дневник войны, который впоследствии воплотил в регулярное повествование. Арриан, написавший историю похода Александра во втором веке нашей эры, имел этот труд перед собой.

III

АРМИЯ СТА ПРОВИНЦИЙ

В течение двадцати месяцев, последовавших за победой при Иссе, Александр продолжал совершать новые завоевания и укреплять уже сделанные. Он покорил Сирию - это название должно включать в себя и Финикию, и Палестину. Здесь два города - Тир и Газа - оказали упорное сопротивление, задержав его не менее чем на девять месяцев. Египет, ненавидевший своих нетерпимых персидских хозяев, сдался без борьбы. В начале 331 года он узнал, что Дарий собрал еще одну огромную армию, чтобы предпринять очередную попытку отвоевать свое царство. Царь потерял западную половину своих владений, но восточная еще оставалась за ним, и отсюда он черпал силы, превосходившие по численности даже то огромное войско, которое он вывел на поле боя при Иссе. Место встречи находилось в Арбеле, месте, которое до сих пор известно под несколько измененным названием Эрбиль и расположено на караванном пути между Эрзерумом и Багдадом; но настоящее поле битвы нужно было искать примерно в двадцати милях от него, в равнинной местности, известной под названием Гавгамела.

На крайнем правом фланге находились мидийцы, некогда правящий народ Азии, до сих пор помнящий свою былую славу, парфянская конница и выносливые горцы Кавказа; на противоположном фланге - бактрийцы, в основном выносливые жители холмов, известные своей активностью и свирепостью, и местные персы, конные и пешие, в переменном строю. Но именно в центре строя, вокруг лица Дария, где он возвышался на своей царской колеснице, были сосредоточены лучшие войска империи. Здесь располагалась персидская конная гвардия - войска, собранные из представителей знатнейших семейств рода, правившего Западной Азией более двух столетий. Они носили гордое звание "родственники царя", а также пешие гвардейцы, тоже *элитный корпус*, которые несли яблоки на острие пики. Рядом с ними стояли карийцы, вероятно, колония известного народа с таким названием в Малой Азии, возможно, перевезенная каким-то персидским царем, чтобы поселение на Востоке. Из всех азиатских рас карийцы показали себя наиболее склонными к изучению греческой дисциплины и соперничеству с греческой доблестью. Рядом с карийцами, опять же, стояли греческие наемники.

Перед строем стояли косые колесницы, числом двести, каждая с остроконечными боками, выступающими далеко за пределы лошадей, и с лезвиями мечей и косами, протянутыми от ярма и от низа колес. (Это первый случай, когда мы слышим о колеснице с косами. Это было приспособление варварского типа, и, насколько мы знаем, редко бывало очень эффективным). За линией снова стояла большая смешанная толпа, собранная из всех племен, которые все еще владели владениями Великого Царя.

Александр понял, что на этот раз ему предстоит иметь дело с грозным противником. Он построил укрепленный лагерь, который мог пригодиться в случае поражения, и посоветовался со своими генералами, чего он редко делал, о том, как выгоднее всего

атаковать. Но когда один из его самых опытных офицеров предложил атаковать ночью, он решительно отверг эту идею. Это была, по его мнению, недостойная стратагема; победа, одержанная таким образом, была бы хуже поражения. Более весомой причиной, вероятно, была опасность такой попытки. Ночная атака - это всегда отчаянное средство.

Первый день после появления врага Александр провел в приготовлениях и консультациях. На следующий день он набросал боевой порядок. Как обычно, он поставил себя во главе правого крыла. Оно состояло из "Компаньонов", легкой пехоты и трех из шести дивизий фаланги. Левое крыло, если его можно так назвать, поскольку центра не было, состояло из остальных частей фаланги и кавалерии из союзных греческих государств.

И теперь, впервые, у Александра была вторая линия в резерве. Его численность значительно возросла: 35 000 человек, с которыми он переправился в Азию, теперь достигли почти 50 000. Да и природа поля боя делала такое расположение необходимым. Противник обладал огромным превосходством в силах, и необходимо было защищаться от атак с фланга и тыла. Вторая линия состояла из легкой конницы, македонских лучников, отрядов полуварварских племен, граничивших с Македонией, нескольких греческих наемников-ветеранов и других разнородных войск. Часть фракийской пехоты была выделена для охраны лагеря и багажа.

Персы, численность которых была значительно больше, конечно же, находились далеко за пределами македонской линии. Оставленные для атаки, они легко могли бы развернуть фланг или даже атаковать тыл своих противников. Александр, видя это и следуя тактике, дважды доказавшей свою успешность, перешел в наступление. Он поставил себя во главе "компаньонов", расположившихся, как уже говорилось, на крайнем правом фланге, и лично повел их вперед, все больше и больше уклоняясь вправо и тем самым угрожая врагу тем самым движением, которого он сам опасался. Таким образом, он не только избежал железных шипов, которые, как предупредил его дезертир, были установлены для нанесения вреда македонской кавалерии, но и почти вышел за пределы земли, которую персы выровняли для движения своих колесниц. Испугавшись, что его обойдут с фланга и колесницы окажутся бесполезными, Дарий выпустил против наступающего врага бактрийскую и скифскую конницу; Александр же выделил часть своей конницы для атаки бактрийцев, и действие началось.

Бактрийцы начали успешно, оттеснив греческих всадников. Те отступили на свои опорные пункты и, снова наступая в увеличенном составе, повергли бактрийцев в смятение. Эскадрон за эскадронам вступали в бой, пока не была задействована значительная часть македонского правого и персидского левого крыла. Персы уже начали сдавать позиции, когда Дарий, увидев, что настало время привести в действие косые колесницы, дал команду наступать, а его главная линия должна была продвигаться за ними. Заряд был произведен, но почти полностью не достиг цели. Македонские лучники и копьеметатели ранили многих лошадей; некоторые проворные стрелки даже схватили поводья и стащили погонщиков с места. Другие колесницы добрались до линии македонян, но отпрянули от оцетинившейся линии вытянутых пик; а тем немногим, чьи водители были достаточно удачливы или смелы, чтобы пробить себе дорогу через все препятствия, удалось пройти между линиями македонян, не сумев нанести им серьезного урона. Тогда Александр предпринял контратаку. Он прекратил движение вправо. Полуобернувшись, "Компаньоны" бросились в открытое пространство, которое продвижение бактрийских эскадр оставило в персидской линии. В то же время его собственная главная линия подняла боевой клич, и двинулась вперед. Оказавшись в рядах противника, он устремился прямо к месту, где, как он знал, будет

решаться исход битвы, - к царской колеснице. Первой защитой этой важной позиции была персидская конница. Лучше умеющая сражаться в стычках, чем в рукопашном бою, она сломалась перед его натиском. Но оставались еще войска, которые могли сделать удачу дня сомнительной: пешие персы и греки-ветераны. Некоторое время эти люди удерживали свои позиции; они могли бы удерживать их и дольше, возможно, с успехом, если бы не та же причина, которая привела к катастрофическому результату при Иссе, - трусость Дария. Он с ужасом наблюдал, как его колесницы выходят из строя, а кавалерия разбита атакой "компаньонов", и совсем пал духом, когда страшная фаланга с оцетинившимися пиками, казалось, пробивала путь сквозь строй его пехоты и приближалась к нему самому. Он повернул колесницу и бежал, первым, хотя должен был быть последним, покинув свой пост.

Бегство царя стало сигналом к всеобщему разгрому, по крайней мере, центра и левого крыла персидской армии. Это уже не было сражением, это была резня. Александр яростно наступал, стремясь схватить бежавшего Дария. Но сама полнота победы, можно сказать, помешала ему. Бегство было столь стремительным, что пыль, которая после нескольких месяцев испепеляющего летнего зноя лежала на равнине, поднялась, как дым огромного пожара. Тьма была подобна ночному мраку. Ничего не было видно, но вокруг раздавались крики ярости и отчаяния, звенели колеса колесниц и звучали удары кнутов, которыми из всех сил били перепуганные возницы.

Александру не позволили продолжить преследование. Хотя левая часть персов, деморализованная трусостью царя, бежала, правое крыло сражалось с большей удачей. Им командовал Мазей, который, вероятно, был самым умелым из персидских полководцев и знал, как использовать свое численное превосходство. В то время как крепкая медийская пехота сражалась с македонским фронтом, Мазей встал во главе парфянской конницы и атаковал фланг. Пармению, самый умелый лейтенант Александра - его единственный генерал, как говорили, - который командовал войсками, послал срочную просьбу о помощи, так сильно он был прижат. Александр был сильно раздосадован, так как видел, что все шансы захватить Дария потеряны, но он слишком хорошо знал свое дело, чтобы пренебречь просьбой. Он сразу же отозвал свои войска от преследования и направил их на помощь левому крылу. Пармению отправил такое же сообщение тому подразделению фаланги, которое участвовало в наступлении правого крыла.

Однако, как оказалось, помощь вряд ли была нужна. С одной стороны, фессалийская кавалерия доказала, что достойна своей старой репутации лучших всадников Греции. Находясь в резерве в начале боя, они провели блестящую атаку на парфян и вернули себе прежнюю удачу. Но, с другой стороны, Мазей и его люди почувствовали ту же заразу страха, которую бегство Дария передало остальной армии. Пармению почувствовал, как ослабла мощь вражеской атаки, хотя и не знал ее причины, и с удовлетворением отметил, что ему удалось вернуть, и даже больше, чем вернуть, утраченные позиции до прибытия подкрепления.

День был практически закончен, но самое тяжелое сражение еще предстояло. Парфянская конница, среди которой было несколько эскадронов персидских и индийских лошадей, столкнулась с самим Александром и его "спутниками", отступавшими по полю боя. Их единственной надеждой на спасение было прорваться сквозь наступающие войска. Сейчас было не время для тактики, только для отчаянной борьбы за жизнь. Каждый сражался сам за себя, и сражался с яростью, не уступавшей даже македонской дисциплине и доблести. А ведь среди врагов были одни из самых искусных фехтовальщиков в мире. Как бы то ни было, "Компаньоны" пострадали сильнее, чем в любом другом сражении войны. Шестьдесят человек были убиты в течение нескольких минут, три главных офицера были ранены, и даже

сам Александр оказался в серьезной опасности. Но парфяне думали только о спасении своих жизней, и когда они увидели перед собой свободный путь, то с радостью последовали за ним.

Персы добились еще одного успеха. Бригада индийских и персидских коней пробилась через брешь, которую движение фаланги оставило в линии, и атаковала лагерь. Фракийцам, охранявшим его, мешало количество пленных, за которыми им приходилось следить. Многие из них сбежали. Мать Дария - для нее были предприняты все усилия - могла бы стать одной из них, но она отказалась идти. К этому времени на помощь лагерю подоспели войска, и персидская конница была вынуждена бежать.

Великая битва при Арбеле закончилась. Она была выиграна с большим трудом и стала самой убедительной из всех побед Александра. Персы больше не выступали. Великий враг Греции исчез со сцены истории. Но мы еще увидим, как могущественные силы, которые олицетворяла Персия, вновь предстанут перед нами в другом обличье.

КНИГА IV

РИМ И КАРФАГЕН

I. СЛУГИ МАРСА

Мне уже не раз приходилось говорить о наемных войсках, нанятых греческими городами на Сицилии для помощи в их долгой борьбе с Карфагеном. Использование таких войск было обычной практикой в Карфагене; только по большим поводам это государство выставляло на поле боя своих граждан. У греков, напротив, нанимать кого-либо, кроме гражданских солдат, было исключением. Наемника подозревали, и не без оснований, в том, что он является готовым орудием в руках любого недобросовестного человека, стремящегося установить тиранию. Однако со временем он становился все более и более необходимым. По мере усложнения общества гражданин все меньше хотел носить оружие и все меньше был способен это делать. А истощение, вызванное почти непрерывными войнами, заставляло искать в других местах людей, которые могли бы пополнить поредевшие ряды. Поэтому даже свободные города стали нанимать наемников. Какова бы ни была их польза во время войны, этими вспомогательными войсками, естественно, было трудно управлять и распоряжаться после восстановления мира.^[14] Сиракузяне, конечно, обнаружили это в случае с италийскими наемниками, которых Агатокл^[15] держал у себя на службе. С ними расплатились и императивно приказали возвращаться домой. Такая перспектива их не устраивала: это означало возвращение к регулярному и не очень прибыльному труду; они предпочитали жить мечом. Однако они заявили, что готовы подчиниться приказу, и, соответственно, двинулись в сторону Италии, намереваясь, как оказалось, переправиться через Мессанский пролив. Был ли у них какой-то определенный план или они поддались внезапному влечению случая, который, казалось, сам предлагал, определить невозможно. Известно лишь, что когда они достигли Мессаны, откуда должны были отплыть, и были неосмотрительно приглашены ее жителями в стены, они захватили город со всем, что в нем было. Здесь они обосновались, приняв имя *Мамертини*, или "Слуги Марса" (*Мамерс* - осканское название божества, известного римлянам как *Марс*). Аналогичная организация

владела соседним материком, и эти двое, объединенные неформальным союзом интересов, стали грозной силой. Они практически жили грабежом на суше и на море, и их существование стало невыносимой помехой для двух держав, деливших между собой Сицилию. В кои-то веки интересы Сиракуз и Карфагена совпали. Сиракузские войска нанесли Мамертини тяжелое поражение и, опираясь на помощь новых союзников, вплотную занялись осадой их города.

Мамертинцы уже давно поняли, что им не выстоять в одиночку, а нужно встать на сторону либо Рима, либо Карфагена. Они разделились во мнениях относительно выбора, но обстоятельства склонили их к Риму, и они отправили посланников с просьбой о защите и помощи. Сенат, которому было адресовано это обращение, был не на шутку озадачен. Они только что подвергли суровому наказанию наемников, которые совершили в Регии то же самое, что Мамертини в Мессане. Они не раз откладывали решение вопроса, возможно, надеясь, что необходимость в принятии решения отпадет. Но Генеральная ассамблея народа, которой сенат передал дело - это двойное правительство временами было удобно - не была настроена на такое безразличие. Было принято решение оказать помощь мамертинцам, и Аппий Клавдий, один из консулов того года, был отправлен во главе экспедиции.

Прибыв на место, он обнаружил, что ситуация значительно изменилась. Среди мамертинцев были как карфагеняне, так и римляне, и первые теперь одерживали верх. Карфагенский флот находился в гавани, а карфагенские войска - в цитадели. К счастью для Рима, в городе не было никого энергичного и решительного, кто мог бы управлять делами. Офицер, командовавший флотом, был захвачен проримской фракцией, а Ганно, командовавший цитаделью, согласился эвакуировать ее, если ему позволят уйти с почестями войны. Рим овладел Мессаной, не нанеся ни одного удара. Она никогда не теряла ее - не в ее характере было терять то, что она однажды завоевала, - и она находила это положение очень ценным. Но приобретение Мессаны означало войну с Карфагеном. Карфагеняне начали с распятия неудачливого полководца, покинувшего цитадель, а затем, вступив в тесный союз с Гиеро, захватили город. Аппий Клавдий сделал предложения о мире, которые не были приняты. Тогда он выступил из города и нанес врагу такое поражение, что тот снял осаду. В следующем году Гиеро, которому хватило проницательности понять, что Рим будет более полезным союзником, чем Карфаген, переметнулся на другую сторону. Рим как стоял на Сицилии, так и не встал.

КСТАТИ:

[14] Ксенофонт дает в поздних книгах *"Анабасиса"* наглядное описание проблем, возникших, когда "десять тысяч", или те, кто от них остался (от восьми до девяти тысяч), добрались до побережья и стали искать работу.

[15] См. с. 120-21.

II

ЗА ВЛАДЫЧЕСТВО НАД МОРЕМ

Я не собираюсь рассказывать всю историю Пунических войн. Однако в каждой из них есть то, что относится к моей теме. В Первой, о которой я сейчас рассказываю, есть

необыкновенные усилия, с помощью которых римляне поставили себя в положение, позволяющее им соперничать с Карфагеном за господство на море. В истории нет ничего подобного, и ничто, можно сказать, не демонстрировало бы более наглядно удивительную приспособленность нации к ее великой судьбе - править миром. Полибий, один из самых вдумчивых и рассудительных древних историков, с энтузиазмом восхваляет это чудесное начинание. Он говорит: "Не может быть более яркого доказательства их мужества или, скорее, смелости. У них совсем не было средств для этого предприятия; они никогда даже не задумывались о морской войне - более того, они впервые подумали об этом, - но они взялись за дело с такой смелостью, что без всяких предварительных испытаний взялись встретиться с карфагенянами на море, на котором они в течение многих поколений имели неоспоримое превосходство." Первым делом, конечно же, нужно было построить корабли. У них не было даже модели для копирования, пока один из карфагенских кораблей не сел на мель и не попал к ним в руки. А пока корабли строились, экипажи, которые должны были их обслуживать, тренировались. На сухой земле были сооружены скамьи для гребцов, на которых сидели члены экипажа, как на настоящих судах. В центре располагался фуглеман, как мы его называем. По его сигналу они вытягивали свои тела и руки вперед, а затем отводили их назад - все в такт. К тому времени, когда корабли были закончены, экипажи были настолько готовы, насколько их можно было подготовить подобным обучением. Они немного попрактиковались в гребле на море, а затем новый флот отправился в свою первую морскую кампанию.

Первый опыт новых сил не был обнадеживающим. Эскадра из семнадцати кораблей под командованием одного из консулов этого года, некоего Сципиона, двоюродного деда знаменитого человека, о котором мне придется говорить далее, была заперта в гавани Липары и вынуждена была сдаться. Другой консул получил в командование флот и сразу же начал приводить его в соответствие с реальными условиями ведения войны. У него хватило проницательности понять, что в морском деле есть нечто большее, чем может приобрести сухопутный человек за несколько недель, и он поставил перед собой задачу не допустить, чтобы морское дело считалось чем-то большим, чем можно было бы помочь. Короче говоря, сражение на море должно было быть настолько похожим на сражение на суше, насколько это было возможно. В связи с этим он принял предложение одного гениального изобретателя оснастить корабли абордажными машинами, или "воронами" (*corvi*), как их впоследствии стали называть. На самом деле "ворон" представлял собой трап шириной четыре фута и длиной тридцать шесть футов, с деревянными перилами по обе стороны, высотой примерно до колена человека. Эта конструкция крепилась к шесту высотой около двадцати четырех футов, который был установлен рядом с бушпритом. Он был оснащен шкивами и канатами, чтобы его можно было опустить в любом удобном направлении. Когда его сбрасывали на палубу вражеского корабля, он действовал как грейфер, так как был снабжен тяжелым шипом, который втыкался в древесину. Если два корабля сходились бок о бок, абордажники могли перелезть через фальшборты, и главным назначением этой машины был захват. Если же они встречались нос к носу, то трап, достаточно широкий, чтобы по нему могли пройти два человека в ряд, становился очень полезным.

Когда снаряжение было готово, Дуилий смело вышел в море и направился к северному побережью Сицилии, где карфагеняне занимались грабежом. Как только римский флот появился в поле зрения, карфагенский адмирал - один из многих Ганнибалов, участвовавших в этих войнах, - поднял свои корабли и вышел из гавани навстречу. Он превосходил его числом, имея 130 кораблей, в то время как римляне могли иметь не более 100 (они построили 120 и потеряли 17). Но больше всего он рассчитывал на свое превосходство в мореходстве. К римлянам как к морякам он относился, и не без оснований, с глубоким презрением. Чувство

превосходства было настолько сильным, что он не прилагал обычных усилий для поддержания своих кораблей в порядке. "Он шел вперед, - говорит Полибий, - как будто собирался захватить легкую добычу". Он и его офицеры видели "воронов", но не могли понять, что они означают. О том, что в них было что-то опасное, никто, похоже, не догадывался, потому что карфагенские капитаны, возглавлявшие флот, ринулись прямо на своих противников. Когда они сблизились, то сделали весьма обескураживающее открытие. Любой корабль, столкнувшийся с римским судном, немедленно схватывался; не успевал он схватиться, как на его борт поднималось множество вооруженных людей, и он становился ареной конфликта, который практически не отличался от того, что происходил на суше. Карфагенские экипажи не были готовы к этому; не исключено, что они были недостаточно вооружены, так как рассчитывали протаранить и потопить своих противников. Тридцать кораблей были захвачены таким образом; остальная часть флота, увидев, что произошло с фургоном, отступила и попыталась маневрировать, по возможности ставя противника в невыгодное положение. Однако им почти ничего не удалось сделать. Если они хотели нанести какой-либо ущерб противнику, то рано или поздно должны были вступить с ним в контакт. Но этот контакт с большой вероятностью мог оказаться фатальным. "Ворон" был немедленно сброшен, и пришлось столкнуться с грозными римлянами. Таким образом, было потеряно еще двадцать кораблей, а остальные с радостью пустились в бегство.

Эта победа, несомненно, была большим достижением, и Рим не преминул оценить ее по достоинству. Консул Дуилий сразу же стал одним из самых известных римских героев. Он не совершил, возможно, не имел возможности совершить какую-либо другую важную службу, но победа при Миле навсегда закрепила его репутацию. Рассказывают историю о привилегиях, которыми он пользовался в старости. Он любил, чтобы его сопровождала пара флейтистов, когда он возвращался домой после развлечений, и хотя эта практика считалась несовместимой с простотой римских нравов, его сограждане терпеливо сносили ее, принимая во внимание необычную услугу, которую он оказал своей стране.

Победа при Миле не была единственным успехом. Через четыре года после этого произошел еще один большой морской бой у Гераклеи,^[16] на южном побережье Сицилии. Римляне решили применить политику, которая, как мы уже видели, ранее была успешной, и напасть на Карфаген на его собственной территории. Для осуществления этой цели был собран или построен очень большой флот. Согласно Полибию, насчитывалось 330 кораблей, на каждом из которых находилось в среднем 300 гребцов и матросов и 120 солдат или пехотинцев. Таким образом, общая численность флота составила около 140 000 человек - огромное число, о котором Полибий упоминает с удивлением, но, по-видимому, без неверия. Карфагенский флот, насчитывавший 350 воинов, приготовился оспаривать проход.

Последовавшее за этим сражение было ожесточенным. Описание, которое дает Полибий, нелегко понять, но основные черты достаточно ясны. В маневрировании карфагеняне держались более чем уверенно. Все успехи, которые они одерживали, объяснялись быстротой и мастерством их передвижения, но они не могли на равных сражаться со своими противниками, когда им приходилось сходить на близкое расстояние. "Более тридцати" их кораблей были потоплены. Полибий не приводит более точной цифры, несомненно, потому, что не мог ее установить, в то время как римляне потеряли двадцать четыре. Пока что разница невелика. Но, с другой стороны, шестьдесят четыре карфагенских военных корабля были захвачены в плен, в то время как ни один римский корабль не был захвачен. Очевидно, что, когда "вороны" могли быть использованы, и борьба между кораблями решалась в рукопашном бою, старое римское превосходство заявило о себе.

СНОСКИ:

[16] Об этом сражении иногда говорят как о битве при Экноме.

III

ПАТРИОТ-МУЧЕНИК

Два консула этого года командовали флотом в Гераклее, и историк приписывает некоторую энергию и решительность, с которой проходило сражение, их присутствию. Младший из них, Атилий Регул, - один из самых романтических героев римской истории, и невозможно не рассказать о его дальнейшей карьере. По случайному стечению обстоятельств, из-за смерти избранного консула года вскоре после его вступления в должность, Регулу досталось командование экспедицией в Африку. Но он уже занимал пост консула и тогда так отличился - ему фактически принадлежала слава завершения завоевания Италии римлянами, - что удостоился чести триумфа. После победы при Гераклее он осуществил успешную высадку на африканском побережье. После отъезда своего коллеги, которого вызвали на родину, он остался единоличным командиром. С помощью восстания туземных племен, всегда готовых отомстить своим деспотичным хозяевам, он привел Карфаген в крайне затруднительное положение. Это надменное государство даже заставило себя просить о мире. Регул потребовал таких условий, о которых мы не знаем, что карфагеняне единодушно решили вынести любые страдания, лишь бы не покориться им.

И вот наступила перемена в судьбе. Она произошла с драматической внезапностью и наглядно проиллюстрировала афоризм, который с такой частотой и акцентом повторяли моралисты древности: "Гордость предшествует падению". Карфагенские агенты по вербовке, посетив Грецию, нашли человека, который как нельзя лучше подходил для их целей. Ксантипп был одним из тех спартанских солдат удачи, которые в нескольких ярких случаях повлияли на ход истории. Именно спартанец Гилипп спас Сиракузы, когда они были почти захвачены Афинами; а теперь другой спартанец, по крайней мере, на столетие продлил существование Карфагена. Ксантипп, судя по всему, служил в каком-то подчиненном качестве офицера наемников. Он был острым наблюдателем и видел, что ресурсы Карфагена используются не лучшим образом. В двух видах вооружения - слонах и кавалерии - ее армия настолько превосходила римлян, что поражение не могло не быть результатом бесхозяйственности. Эти мнения, свободно высказанные его товарищами, вскоре дошли до ушей властей. Ксантиппа вызвали к ним; он объяснил свои взгляды и указал на некоторые изменения в управлении кампанией, которые необходимо было сделать. На слушателей произвели большое впечатление сила и ясность его заявления, и они дали ему, вероятно, временное командование армией. Теперь у него была возможность продемонстрировать свои военные способности. Он начал с маневрирования войсками и продемонстрировал такое тактическое мастерство, что вызвал восхищение людей. Они громко потребовали, чтобы их повели против врага, оговорив, что вождем должен быть Ксантипп. Нет нужды описывать последовавшую за этим битву. Сотня слонов, которую Ксантипп поставил в часть своей линии, была использована с пользой. Они не разбили римские легионы, но нанесли большой урон и подготовили путь для пехоты, которая шла позади них. В кавалерии карфагенская армия была настолько сильнее римской - четыре тысячи против пятисот, - что конфликта практически не было. В итоге армия Регула была практически уничтожена. Две тысячи человек успешно отступили к городу Аспис на побережье; пятисот, среди которых

был сам консул, попали в плен; остальные, более двенадцати тысяч человек, погибли на поле боя.

Пять лет Регул оставался в плену. Затем, как гласит история, его отправили в Рим в сопровождении послов, которые должны были предложить мирный договор. От него ожидали, что он сделает все возможное, чтобы рекомендовать это предложение своим соотечественникам; его освобождение должно было стать наградой за помощь. Но Регул смотрел на ситуацию совершенно иначе. Он считал, что мир, по крайней мере на тех условиях, на которые готов согласиться Карфаген, не отвечает интересам Рима, и решил выступить против. Он попросил разрешения выступить; свое право высказать мнение как член сената он считал утраченным, попав в руки врага. Разрешение было получено, и он произнес речь, в которой сделал все возможное, чтобы отговорить своих соотечественников от заключения мира, и преуспел в этом. Но успех оказался фатальным не только для его шансов на свободу, но и для его жизни. Его отвезли обратно в Карфаген и там, как гласит история, предали смерти с помощью жестоких пыток. Эту историю рассказывают многие авторы, но Полибий, который, безусловно, является лучшим авторитетом для событий того времени, совершенно молчит об этом, и его молчание, учитывая сильное чувство в пользу римлян, которое заметно в нем, является очень важным соображением. Согласно другой истории, которая, кажется, имеет под собой как мало, так и много оснований, сенат передал вдове Регула двух знатных карфагенских пленников. Эта женщина, мстя за смерть мужа, обращалась с ними с таким варварством, что, к своему стыду, сенат вырвал их из ее рук. Возможно, мы будем вправе рассматривать обе легенды как образцы того удивительного урожая изобретений, который появляется всякий раз, когда чувства народа сильно возбуждаются военными волнениями.

Это была не единственная потеря, которую понес Рим во время последней части войны. Один флот она потеряла из-за шторма, а другой - из-за глупости его командующего. Этот человек принадлежал к роду Клавдиев - дому, который проявил больше способностей в политике, чем на войне. По всей видимости, он впал в ошибку, недооценив противника, предпринял атаку на него, от которой был вынужден отступить, а когда увидел, что день потерян, с позорной поспешностью сбежал. Сражение произошло в гавани Дрепанума, города на крайнем западе острова, и за ее пределами. По возвращении в Рим Клавдий был обвинен, оштрафован и брошен в тюрьму. Считается, что он покончил жизнь самоубийством. У более поздних авторов мы находим историю, которая выглядит так, словно была придумана для того, чтобы указать на мораль. Утром в день битвы хранители священных кур сообщили ему, что священные птицы, по поведению которых можно было предсказать будущее, не будут есть. Это был самый зловещий знак. Наглый солдат воспринял это предупреждение с презрением. "Если они не хотят есть, - воскликнул он, - то пусть хотя бы пьют!" И отдал приказ бросить их в море. Безусловно, правда это или нет, но это характерная иллюстрация высокомерия семьи Клавдия. Такова и другая история, дополняющая ее. Через несколько лет после этого сестра неудачливого или нечестивого генерала была сильно расстроена толчеей людей, выходивших из амфитеатра. "Как бы я хотела, - кричала она, - чтобы мой брат снова был жив и отправил еще один флот в Сицилию, чтобы избавить нас от этой лишней толпы". Ее оштрафовали за *невежливость*, за использование языка, неподобающего гражданину.

В 241 году до н. э. эта долгая война наконец подошла к концу. Обе стороны понесли страшные потери как в людях, так и в средствах. Римляне потеряли 700 боевых кораблей, а карфагеняне - на 200 меньше, поскольку, хотя они и не показали себя равными своим противникам в бою, они лучше знали, как справляться с плохими погодными условиями.

Римляне умели идти прямо к цели, какие бы препятствия ни стояли на их пути. Шторм или не шторм, они шли вперед, и результат их упорства часто оказывался не слишком катастрофическим[17].

В целом баланс успеха был значительно в пользу Рима, а условия мира свидетельствовали о явном выигрыше. Самым важным пунктом был полный уход Карфагена из Сицилии. Более трех столетий она возобновляла свои попытки овладеть островом. Теперь она была вынуждена окончательно отказаться от своих амбиций. Этот отказ знаменует собой важный этап в мировой истории.

СНОСКИ:

[17] Мы можем сравнить, как они прокладывали свои большие военные дороги. Они проходили по ближайшему пути от пункта к пункту, а не прокладывались в соответствии с современной практикой.

IV

СЫНЫ МОЛНИИ

В последние годы Первой Пунической войны на фронт вышел человек необычайной гениальности, Гамилькар по прозвищу Барка. 18 Поскольку его сын, Ганнибал, родился в этом же году, мы можем смело считать, что его возраст составляет двадцать пять лет. Гамилькар сдерживал римлян сначала в Эркте, опорном пункте на Сицилии, а затем в Эриксе на том же острове, в течение пяти лет, и мог бы даже изменить ход войны, если бы ему была оказана достаточная поддержка из дома. Его военные способности произвели такое сильное впечатление на римлян, что, когда начались переговоры о мире, ему разрешили выйти из Эрикса со всеми воинскими почестями. В течение следующих четырех лет он оказал величайшую услугу своей стране, которую восстание наемников поставило на грань разорения. Именно Гамилькар, по сути, спас Карфаген от разрушения. Сделав это, он посвятил остаток жизни разработке великого плана, который должен был вернуть его стране главенствующее положение, с которого она была свергнута в результате катастрофы Первой Пунической войны. Сицилия была потеряна; другая провинция, гораздо более крупная и, возможно, более ценная, могла быть найдена в Испании. Карфаген на протяжении нескольких поколений вел обширную торговлю с Испанией и, вероятно, имел несколько торговых портов или укрепленных факторий на южном побережье. Ганнибал переправился в Испанию с общим поручением сделать все возможное для интересов Карфагена в этой стране. Мы почти ничего не знаем о деталях его действий, но ясно, что он добился огромного успеха. Он практически завоевал значительную часть Испании, причем сделал это без какого-либо ущерба для внутренних доходов, которые, действительно, были в значительной степени увеличены за счет сумм, которые он отправил домой. После процветающей карьеры, продолжавшейся почти девять лет, он пал в бою. Это случилось в 229 году до нашей эры, когда ему было чуть больше сорока лет. Его дело продолжил зять, Гасдрубал. Гасдрубал, по общему мнению, был больше политиком, чем солдатом. Однако такое различие характеров скорее способствовало, чем препятствовало интересам Карфагена. Гамилькар произвел впечатление на испанские племена своим военным гением и ресурсами. Гасдрубал примирил их. Его женой была дочь испанского вождя. В целом он сделал многое для укрепления карфагенской власти на полуострове. Не последнюю роль в

этом сыграло основание им Нового Карфагена - места, удачно выбранного с точки зрения прочности положения и удобства доступа. После восьми лет правления он был убит рабом, чьего хозяина он предал смерти.

Преемником Гасдрубала стал сын Гамилькара, обладавший военным гением даже большим, чем его отец. Ганнибал, по общему мнению, входит в число величайших полководцев мира. Если бы Рим мог быть свергнут каким-либо врагом, то это сделал бы он, настолько блестящей была его стратегия, настолько велики его способности к руководству - нет ничего более примечательного в его карьере, чем его способность придать единство разнообразным компонентам наемной армии, и настолько решительна его враждебность Риму. Он сам рассказал под конец своей жизни об инциденте, который, похоже, сделал это чувство доминирующим мотивом его жизни. В то время он находился в изгнании и был гостем Антиоха Великого, царя Сирии. Некоторые завистливые придворные подсказали Антиоху, что Ганнибал не прочь примириться с Римом. Тогда он рассказал свою историю.

"Когда мой отец собирался отправиться в поход в Испанию, мне было девять лет. Я стоял возле алтаря, когда он приносил обычную жертву Зевсу. Успешно совершив его, он велел всем остальным верующим отойти и, подозвав меня к себе, спросил, хочу ли я отправиться с ним. Я охотно согласился и очень просил его взять меня с собой. Тогда он взял меня за правую руку, подвел к алтарю, велел возложить руку на жертву и поклясться в вечной вражде к Риму".

Ни одна клятва не была исполнена с большей верностью.

О ранних годах Ганнибала мы знаем очень мало. Он присутствовал на битве, в которой был убит его отец, и ему тогда шел девятнадцатый год. В период командования своего шурина он постоянно находился на действительной службе. Способности Гасдрубала, как уже говорилось, были скорее политическими, чем военными, и операциями в полевых условиях в основном руководил младший, и руководил с заметным успехом. Привычка к победам и прекрасные личные качества сделали его любимцем армии. Ливий дает нам яркое представление об этом человеке, каким он был в молодости.

"Смелый до крайности, он был совершенно спокоен перед опасностью. Никакой труд не мог утомить его тело или покорить его дух. Жару и холод он переносил с одинаковым терпением. Природная тяга, а не удовольствие вкуса, определяла меру его еды и питья. Часы бодрствования и сна не имели никакого отношения к дню и ночи. То время, которое ему оставляли дела, он отдавал отдыху, но не на мягком диване и не в тишине он его искал. Многие видели его, закутанного в военный плащ, лежащим на земле среди дозорных и пикетов. Его одежда ни на йоту не превосходила одежду его товарищей, но его амуниция и лошади были просто великолепны. Из всей кавалерии и пехоты он был, безусловно, первым солдатом, раньше всех вступившим в бой и последним покинувшим его".

Ссора с Римом, несомненно, спровоцированная Ганнибалом, началась с его нападения на Сагунтум (ныне *Мурвиедро*, то есть *Мури Ветерес*, "Старые стены", в Валенсии). Этот город был в союзе с римлянами, которые отправили посланников к Ганнибалу с просьбой отказаться от нападения, а также в Карфаген с жалобой на действия своего полководца. Ганнибал отказался принять посольство, а в Карфагене ответили практически отказом вмешиваться. Тем временем Сагунтум остался без помощи. Когда он пал после многомесячной осады, римляне почувствовали, что война неизбежна, и стали энергично готовиться к ней. Вероятно, они недооценили силы противника. Набранная армия,

состоящая в основном из новобранцев, набранных для этой цели, составляла около 70 000 человек, а флот должен был насчитывать около 250 кораблей. Все, однако, должно было быть сделано в надлежащей форме. В Карфаген было отправлено еще одно посольство с инструкциями поставить прямой вопрос, признает ли правительство ответственность за разрушение Сагунтума. В Карфагене, правда, существовала партия мира, но она была доведена до беспомощности. Посланники не могли добиться никакого удовлетворения. Их представитель, один из великого дома Фабиев, получив ответ, который не мог иметь иного смысла, кроме войны, собрал свою мантию в складку и воскликнул: "Мы приносим вам мир и войну; выбирайте, что вам угодно". Ему ответили яростным криком: "Отдай нам, что хочешь". Фабий вытряхнул складку со словами: "Я даю вам войну", на что получил ответ: "Мы принимаем ее".

Я как можно быстрее расскажу о первых операциях войны. Ранней весной 218 года до н. э. Ганнибал покинул свои зимние кварталы в Новом Карфагене, переправился через Эбро и с боями пробился от этой реки к подножию Пиренеев. Сам Пиренейский хребет не представлял больших трудностей. У Роны он встретил грозное сопротивление, но переправился через нее с большим мастерством. Во время марша от Роны до Альп и при переходе через сами Альпы он почти не пострадал от вражеских атак. Но естественные трудности маршрута были велики, и он опоздал. Судя по всему, он покинул Новый Карфаген в начале мая. Мы можем быть уверены, что старт был дан в кратчайшие сроки, но задержка обошлась дорого. Если бы он двинулся в путь на месяц раньше, все было бы хорошо. Как бы то ни было, он достиг Альп только в начале октября, когда на более высоких хребтах уже начал сходить снег. Переход был осуществлен за пятнадцать дней, но затраты на людей и тягловую силу были огромными. Ганнибал выступил из Нового Карфагена с 90 000 пеших и 16 000 конных; он спустился на ломбардские равнины с 20 000 пехоты и 6 000 лошадей. У него оставалось чуть больше одной четвертой от первоначальной численности. Остальные три четверти он не потерял ни в бою, ни от болезней. Многие дезертировали, многие были отправлены домой, а оставшиеся войска заслуживали доверия. Но факт остается фактом: армия в 26 000 человек была даже смехотворно мала для противостояния такому врагу, как Рим. (Можно отметить, что пехота состояла из африканцев и испанцев. Высшие должности в армии занимали карфагеняне, некоторые, вероятно, служили в кавалерии, но в основном армия состояла из наемников).

Жаль было бы опускать такой живописный эпизод, как сон Ганнибала. Ливий рассказывает о нем следующим образом: "Он увидел - так гласит история - юношу, похожего на бога, который сказал, что он послан Юпитером провести армию Ганнибала в Италию; поэтому он должен следовать за ним, не отводя глаз. Сначала Ганнибал шел, дрожа, не оглядываясь ни вокруг себя, ни позади; через некоторое время, с любопытством, свойственным человеческому разуму, подумав, чем может быть то, на что ему было запрещено оглядываться, он не смог больше сдерживать свой взгляд. Он увидел змею огромных размеров, которая двигалась вперед, страшно круша кусты и деревья; за ней следовала грозная туча с грохочущим громом. Он спросил, что означает это предзнаменование, и ему ответили: "Это означает опустошение Италии". Он должен идти прямо и оставить судьбу во тьме".

ПЯТНАДЦАТЬ:

[18] "Барка" эквивалентно древнееврейскому *Барак* и означает "молния". Можно сравнить с фамилией *Боанергес*, "Сыны грома", которую Христос дал сыновьям Зеведея. В 247 году до н.

э. он был назначен главнокомандующим войсками Карфагена, будучи тогда "очень молодым человеком", если можно так перевести термин *adolescentulus*, который применяет к нему Ливий. Это слово, однако, очень расплывчато. Оно охватывает любой возраст от восемнадцати до тридцати лет. Цицерон, например, использует его в отношении Сезара в возрасте тридцати двух лет.

V

ЛАВИНА ИЗ АЛЬП

Несколько дней для отдыха и пополнения армии были крайне необходимы, но их можно было выделить совсем немного. Ганнибал не мог надеяться противостоять своим противникам без значительного увеличения своей армии, а это увеличение он мог получить пока только от галлов, народа, в стране которого он находился, хотя позже можно было ожидать подкрепления из Карфагена. Галлы были готовы присоединиться к нему, так как постоянно враждовали с Римом; но они должны были убедиться в его силе. Вовремя вспыхнула война между тауринами (Турин) и инсубрами (Милан). Ганнибал выступил на стороне последних и взял штурмом крепость тауринов. С этого момента он мог практически распоряжаться услугами сколь угодно большого числа галлов. Но теперь ему предстояло впервые встретиться с римлянами в полевых условиях.

Р. Корнелий Сципион, один из консулов этого года, получил в свое распоряжение провинцию Испания. Он намеревался оспорить проход через Рону, но Ганнибал продвигался с такой быстротой, что Сципион оказался застигнут врасплох. Карфагеняне уже переправились через реку, когда Сципион достиг ее устья, и получили такой большой перевес, что преследовать его было бесполезно. Но весть о прибытии карфагенян в Италию, казалось, требовала немедленных действий. Он передал свою армию Кнею, своему брату и второму командиру, оставив для себя лишь несколько отборных войск, и отплыл в Италию, где принял дивизию под командованием претора Манлия. Он как можно быстрее дошел до Плаценции (Пьяченцы), где переправился через По и продвигался по левому берегу реки, пока не достиг Тицинуса (*Тичино*), одного из ее притоков. Через этот поток он перебросил мост, который защитил, построив форт. Ганнибал расположился лагерем в десяти милях к западу, в местечке под названием Иктумули, и отправил Махарбала во главе нумидийской конницы разорять страну, пощадив, однако, всю территорию, принадлежавшую галльским племенам. Махарбал был отозван, когда стало известно о наступлении римлян, и Ганнибал вышел из своего лагеря, лично командуя своей кавалерией. Сципион поступил точно так же. Таким образом, последовавшее сражение было полностью кавалерийской битвой. Это поставило римлян в крайне невыгодное положение. Они явно уступали в этой силе, а характер местности - бескрайняя равнина - давал врагу все возможности использовать это преимущество. Сципион поставил в фургон несколько легковооруженных отрядов. Похоже, они были самого низкого качества, так как при первом же столкновении двух армий обратились в бегство. Регулярная кавалерия римлян показала себя с лучшей стороны. Некоторое время они держались против нападавших, также состоявших из регулярной кавалерии. Но они оказались в крайне невыгодном положении. Беглецы с фронта привели их ряды в беспорядок. Их невозможно было удержать, когда эти охваченные паникой существа пытались пробиться сквозь них. Затем случилось большое несчастье. Сципион был так тяжело ранен, что вынужден был отказаться от командования. Согласно наиболее

распространенному мнению, от плена его спасла доблесть его сына, которому тогда было восемнадцать лет. О нем мы еще услышим, ведь в последующие годы он стал великим героем войны, Сципионом Африканским Старшим. Часть римской конницы решительно встала вокруг своего раненого вождя и сумела вынести его с поля боя. Но битва была проиграна. Однако поражение было не настолько полным, чтобы римский лагерь оказался в опасности. Ганнибал, которому все еще мешало его малочисленное войско, остался отдыхать на поле боя. В ту ночь римляне поспешно отступили к Плаценции, надеясь найти свой мост не разрушенным. Они достигли цели еще до того, как Ганнибал узнал об их отходе. Однако он успел захватить в плен шестьсот отступников, которых обнаружил на левом берегу По. Для переправы через реку был сооружен большой плот, и они занимались тем, что расшатывали его. Ганнибал наткнулся на них, когда они были заняты этим делом. Он захватил людей, но плот, который было бы очень выгодно закрепить, уплыл вниз по течению. Два дня ушло на поиски удобного брода. Прежде чем его удалось найти, римская армия вернула себе порядок и уверенность. Однако в течение следующих нескольких дней она получила тяжелейший удар. Две тысячи пехоты и двести кавалерии галльских вспомогательных войск дезертировали к Ганнибалу, перебив дозорных у ворот лагеря. Карфагенский полководец оказал им радушный прием и пообещал большое продвижение по службе и награды. Пока же он отправил их по домам. По его мнению, лучшая услуга, которую они могли оказать, - это разнести по миру весть о его щедрости и о поражении римлян.

Сципион двинулся на юг, заняв позицию у реки Требии, притока По, впадающей в нее на правом или южном берегу. Здесь он укрепил лагерь и расположился в ожидании прибытия Семпрония, своего коллеги по консульству, который был отозван из своей провинции (Сицилии) для участия в обороне Италии. Он сильно страдал от раны и был не в состоянии выполнять активные обязанности командующего, которые, однако, не желал передавать своему заместителю. Вероятно, это было бы неконституционно, когда другой консул находился в пределах досягаемости. Однако претор Манлий, в чьем ведении изначально находилась армия, вероятно, был в лагере. Конституционные формы, как мы увидим снова и снова, ослабляли военную мощь Рима. Невозможно представить себе ничего более абсурдного, чем , что армия должна быть вверена генералам, меняющимся каждый год и избираемым народным голосованием. Противопоставить таких людей непревзойденному гению Ганнибала означало гарантировать поражение. Само по себе постоянство карфагенского командования давало ему огромное преимущество. Но мы никогда не должны забывать и о другой стороне дела. Без этих конституционных форм ни Рим, ни Греция (о которых историкам приходится говорить примерно то же самое) не смогли бы стать тем, чем они были. Мы должны ожидать, что в нации, как и в человеке, можно найти недостатки его великих качеств".

Семпроний присоединился к своему коллеге где-то, кажется, в ноябре. Он был за действия. "Недопустимо, - убеждал он, - чтобы в Италию вторгались и угрожали Риму подобным образом. И чего мы ждем? Нет третьей армии, которая могла бы присоединиться к нам. Наши люди совсем падут духом, если мы позволим им сидеть в своем лагере, пока враг грабит наших друзей". Все это вполне естественно, особенно если учесть, что римляне до сих пор не имели ни малейшего представления о том, кем на самом деле был Ганнибал. Но Ливий, несомненно, прав, когда добавляет, что у Семпрония перед глазами были приближающиеся выборы консулов. 1 января он должен был покинуть свой пост и отказаться от командования. Если он хотел отличиться победой, то должен был сразу же нанести удар.

Его ободрял успех в деле, в которое он ввязался вопреки более благоразумным советам своего коллеги. Он решительно настаивал на необходимости защищать дружественных галлов, преодолел сопротивление Сципиона и в результате одержал победу в значительной кавалерийской стычке.

План Ганнибала был достаточно прост. Ему было хорошо известно о том, что Семпроний жаждет сражения, - ведь то, что мы сейчас называем "отделом разведки", похоже, было организовано превосходно[19]. В местности, лежавшей между двумя лагерями, было место, которое, казалось, как нельзя лучше подходило для засады: русло ручья, закрытое с обеих сторон крутыми берегами и занимавшее значительное пространство ровной земли, густо поросшей кустарником. Здесь он поставил своего брата Маго с отрядом в 2 000 человек, состоящим из равного количества конницы и пехоты. "У вас есть враг, - сказал он, отпуская их, - который слеп к этим военным хитростям". Насколько знакомыми стали эти слова благодаря недавнему опыту наших! Приняв эти меры, Ганнибал на рассвете следующего дня отправил свою нумидийскую конницу с приказом подъехать к римскому лагерю, осыпать дозорных ракетами и, если возможно, спровоцировать схватку. Семпроний, как он знал, жаждал сражения. Эта оскорбительная демонстрация должна была так взвинтить боевой дух людей, что они с энтузиазмом подчинились бы команде наступать. Задумка удалась. Семпроний поспешно повел своих людей за нумидийцами, которые отступили в явном беспорядке. Римляне, созванные в спешке, не успели поест, их лошади не были накормлены, и они страдали не только от голода, но и от холода. Стоял снежный ноябрьский день, а климат в регионе, болотистой, низменной местности между Альпами и Апенниннами, был неблагоприятным. Более того, им пришлось переправляться через реку, воды которой, разбухшие от осенних дождей и поднявшиеся на высоту груди, пронзительно холодили конечности. Когда они вышли на другой берег, то с трудом смогли схватить свое оружие.

Совсем иначе обстояли дела у людей Ганнибала, когда они вышли навстречу врагу, согретые кострами в своих палатках и подкрепленные неспешной трапезой. Порядок боя был таким. Впереди шли пращники, на обоих флангах - конница и слоны, в центре - тяжеловооруженная пехота. Общая численность, по данным Полибия, составляла около сорока тысяч человек. Половину из них составляла пехота, испанцы, африканцы и галлы, причем последние представляли собой то пополнение, которое Ганнибал смог сделать для армии Альп. Кавалерия насчитывала более десяти тысяч человек. Здесь же появляются галлы как "кельтские союзники". Пращников было восемь тысяч. Силы римлян были почти равны, но по-разному составлены. У них было всего четыре тысячи кавалерии против десяти тысяч. Из пехоты шестнадцать тысяч были римлянами, а двадцать тысяч - вспомогательными войсками.

Именно среди легковооруженных и кавалерии можно было заметить первые признаки беспорядка и слабости. Они были особенно подавлены страданиями и истощением. Легковооруженный солдат - ничто, если он потерял подвижность, а именно это и произошло с римлянами. Они практически ничем не могли помочь тяжеловооруженным, чьи фланги и фронт были одинаково открыты для вражеской атаки без какого-либо прикрытия. Тем не менее, центр оказал врагу упорное сопротивление. Некоторое время они стойко удерживали свои позиции, а на одном из направлений сделали больше, чем удержали. Десятитысячное войско прорвало линию карфагенян и уверенно продвигалось к Плаценции, где, конечно же, находилось в безопасности. Из остальной части армии уцелели немногие. Их строй был прорван неожиданным ударом из засады. Они находились в тылу римской пехоты, и атака, которую они предприняли сзади на легионы, занятые тем, что происходило впереди, была очень разрушительной.

Многие были также раздавлены слонами, которые оказали неоценимую помощь своей стороне, однако не без некоторого противовеса. Раненые животные становились неуправляемыми и могли причинить вред как друзьям, так и врагам. Это был не только последний, но и первый случай, когда Ганнибал использовал их, поскольку холод был настолько сильным, что все, кроме одного, погибли. Мы можем подвести итог тому, что записано об эффективности слона в древних войнах, сказав, что его первое появление было ужасающим, что опыт значительно уменьшил страх, с которым к нему относились, так как средства борьбы с ним были вскоре изучены, и что он всегда был неисчислимой и ненадежной силой.

Время года было уже далеко, значительно за пределами того времени, когда принято приостанавливать военные действия на год. Ганнибал отошел в зимние покои, хотя его конница не переставала рыскать и опустошать страну. В Риме царила тревога, выражавшаяся, однако, в решительной попытке сделать все возможное для подготовки к будущему.

ССЫЛКИ:

[19] Галльские вспомогательные войска в римском лагере были его главными источниками информации.

VI

КАТАСТРОФА У ОЗЕРА

Зиму 218-217 годов Ганнибал провел в Цизальпинской Галлии. Ливий рассказывает, что его положение здесь было беспокойным, что галлы были недовольны положением дел, что они ожидали разграбления Италии, но оказались обременены присутствием могущественного гостя, и что, как следствие, был подготовлен не один заговор с целью убийства Ганнибала. Какой бы ни была правда в этой истории, несомненно, что карфагенский полководец с пользой использовал свое время, набирая войска среди галлов. Говорят, что к его штандарту присоединились шестьдесят тысяч пеших воинов и четыре тысячи всадников. Ранней весной 217 года он пересек Апеннины. Переход через эту горную цепь прошел без труда; когда он достиг низменности между Арно и Серкио, начались его проблемы. Его войска поредели от болезней; множество багажа и кавалерийских лошадей погибло; на него самого напала офтальмия в такой тяжелой форме, что он потерял зрение на один глаз. Освободив себя и свою армию из болот, он двинулся в путь, грабя и опустошая страну на своем пути.

Из двух консульских армий одна находилась в Ариминуме (Римини), номинально наблюдая за врагом, который сейчас был занят в другом месте, а другая - в Арретиуме (Ареццо). Именно с последней Ганнибал и намеревался сразиться, причем его планы были составлены таким образом, чтобы показать, что его политическая проницательность была не менее замечательной, чем его военный гений. Римским полководцем был К. Фламиний, ярый защитник прав плебеев. Он осуждал неспособность сената и патрицианских генералов. Он отличился как солдат, хотя, по сути, его победы были одержаны благодаря доблести его войск, которые побеждали, несмотря на ошибки своего генерала. Во время своей предвыборной кампании на пост консула он громко заявлял, что, встав во главе армии, он быстро покончит с захватчиком. Теперь настало время оправдать его хвастовство. Если бы он сам был склонен медлить, хотя нет оснований полагать, что он сомневался в результате, он не мог бы разочаровать своих друзей и последователей. Лагерь был наполовину заполнен,

как нам говорят, искателями приключений, собравшимися, чтобы получить долю в карфагенской добыче. Ганнибал медленно шел мимо римлян, опустошая страну на своем пути, и Фламиний, разгневанный этим зрелищем, немедленно разбил свой лагерь и преследовал его. Предзнаменования, как говорили, были самые мрачные. Когда консул сел на лошадь, животное споткнулось и сбросило его; когда нужно было убрать штандарт, все усилия офицера, в чьи обязанности входило отвечать за него, не смогли оторвать его от земли. Фламиния эти происшествия совершенно не тронули, и он поспешил за Ганнибалом. Карфагенянин подготовил для своего противника ловушку, в которую римлянин угодил с почти нелепой простотой. Дорога на юг вела мимо Тразуменского озера. Здесь она была узкой, горы подступали вплотную к берегу воды; чуть дальше было открытое пространство некоторой протяженности; после него горы снова сомкнулись и образовали узкое дефиле. Эти особенности не видны тому, кто приближается к этому месту с севера; и консул, похоже, не позаботился о том, чтобы ознакомиться с дорогой, по которой он шел. Ганнибал перегородил южный выход сильными силами своих отборных войск; свою конницу он посадил в засаду у входа; возвышенности, окаймлявшие дорогу с суши, он занял своими пращами и легковооруженными отрядами. Фламиний достиг озера на закате в тот день, когда разбил свой лагерь в Аррети, и расположился там на ночлег. На следующий день, на рассвете, он двинулся вперед, опять же без разведки, и достиг открытого пространства, описанного ранее. Над страной висел тяжелый утренний туман, и римляне не видели ничего, кроме дороги, по которой они шли. Впервые они увидели врага, когда достигли дефиле, где расположился сам Ганнибал. Почти в тот же миг туман рассеялся, и они увидели, что склоны гор с обеих сторон кишат врагами, а путь к отступлению преграждает карфагенская кавалерия. В тот же миг они оказались атакованы, прежде чем, по словам историка, успели выстроить свои ряды или даже выхватить мечи.

Результатом этой неожиданности стало нечто похожее на панику. Марш был проведен с такой небрежностью и беспорядком, что легионы и даже манипулы или роты были разбиты. Солдат лишь по счастливой случайности оказывался на своем месте или рядом со своими товарищами. Некоторые, похоже, вообще остались без оружия, так как его везли в повозках, а повозки не могли найти, когда оно требовалось. Следует помнить, что туман, хотя и рассеялся на возвышенностях, все еще лежал густой пеленой на нижней земле, которая и в самом деле мало возвышалась над уровнем озера. Так что, по выражению Ливия, слух оказался полезнее глаза. Люди бросались туда, где слышали стоны раненых, лязг меча о доспехи, крики победы или поражения. Трус, в ужасе бегущий, оказывался в массе сражающихся; храбрец, стремящийся принять участие в борьбе, мог быть непреодолимо увлечен толпой беглецов.

Через некоторое время привычное римское мужество вновь заявило о себе. Каждый мог убедиться, что армия зажата в кольцо. С одной стороны были горы, с другой - озеро; по обе стороны дороги проход преграждали шеренги врагов. Если и можно было спастись, то только благодаря собственной силе и доблести. Паника сменилась мужеством отчаяния. Ничто не могло вернуть армии утраченный порядок, но она, по крайней мере, была полна решимости дорого продать свое существование. И здесь, по крайней мере, Фламиний выполнил свой долг в полной мере. Будучи некомпетентным полководцем, он был храбрейшим из храбрых. "Не молитвами к небесам, - кричал он, - вы спасетесь. Сила и мужество, и только они, спасут вас. Чем меньше ваш страх, тем меньше опасность". Люди откликнулись на призыв своего вождя. Бой был настолько ожесточенным, что сражающиеся совершенно не заметили землетрясения, которое в тот самый час, когда битва была наиболее ожесточенной, положило в руины не один город, изменило русла рек и обрушило огромные массы земли и камня с гор на равнины.

Именно вокруг личности консула разгорелась самая ожесточенная битва. Он был заметной фигурой в алом плаще, обозначавшем главнокомандующего, и в вооружении необычайной пышности. И пока он был впереди, легионы держались уверенно. Три часа казалось, что решение вопроса находится в подвешенном состоянии. Но генерал, который так безрассудно выставляет себя напоказ, как это счел нужным сделать консул, вряд ли может надеяться на спасение. К тому же во враждебных рядах были и те, кто питал к нему особую неприязнь. За пять лет до этого Фламиний провел кампанию против инсубрийских галлов^[20] и обращался с ними, судя по всему, с исключительной суровостью. Теперь инсубрийский солдат узнал его. "Это тот самый человек, - крикнул он своим товарищам, - который убивал наших соотечественников и опустошал наши поля. Я принесу его в жертву духам мертвых". Сказав это, он пришпорил коня и ринулся сквозь строй римлян. Оруженосец консула бросился ему наперерез и был сбит с ног. Сам консул был смертельно ранен. За его тело развернулась ожесточенная борьба, но римским ветеранам удалось спасти его. Но для армии, сражающейся в невыгодном положении, падение ее предводителя часто становится губительным ударом. Так было и у Тразуменского озера. Римская армия больше не держалась на ногах. Были предприняты безумные попытки бегства. Одни пытались взобраться на склон горы, другие пытались спастись вброд через озеро. Лишь немногие преуспели в этих попытках. Особенно много людей погибло в озере. Те, кто пытался плыть, рано или поздно тонули; тех, кто возвращался к берегу, рубили вражеские всадники, которые выезжали на мелководье и были готовы принять их. Всего было убито пятнадцать тысяч человек, десяти тысячам удалось спастись. Одному шеститысячному отряду, возможно, целому легиону, удалось пробиться через дефиле, занятое войсками Ганнибала. Но его судьба была отложена лишь на время. Они были без провизии и без проводников. Когда на следующий день появился Махарбал с карфагенской конницей, она сдалась. Потери Ганнибала составили пятнадцать сотен убитых и очень большое количество раненых. Ливий приводит эти цифры со ссылкой на современника, Фабия Пиктора.

ССЫЛКИ:

^[20] Около Медиоланума (Милана).

VII

РАЗГРОМ ПРИ КАННАХ

За катастрофическим поражением у Тразуменского озера последовала смена политики в Риме. Квинт Фабий, назначенный диктатором, был столь же осторожен, сколь опрометчив был Фламиний. Его план заключался в том, чтобы наблюдать за врагом, использовать все возможности, которые открывали перед ним знание страны и дружелюбные чувства населения - ведь Италия по-прежнему хранила верность Риму. В определенной степени ему это удалось. Пока он командовал, Рим не терпел бедствий. Но он был, вероятно, не более чем умелым солдатом. В нем не было ничего похожего на гений Ганнибала, и когда он мог нанести действительно эффективный удар по врагу, он позволил себя перехитрить. А римляне еще не до конца усвоили урок. Они устали от осторожной стратегии Фабия, которая позволила избежать поражения, но не спасла Италию от огня и меча. Первым результатом этого буйства чувств стало уравнивание с диктатором его второго командира - "хозяина коня", таков был его официальный титул. Минуций - так его звали - был авантюрным солдатом типа Фламиния. Он добился небольших успехов, пока Фабий отсутствовал по служебным

делам в Риме, и теперь надеялся отличиться еще больше. Он взял на себя командование половиной армии и разбил лагерь для себя. Однако прошло совсем немного времени, прежде чем он был перехитрим врагом и доведен до крайности, от которой его спасло своевременное прибытие Фабия. Но в Риме преобладали разные взгляды на эти события, и мы должны помнить, что у нас есть только одна сторона дела. Утверждалось, что Минуций был намеренно покинут, а его поражение было вызвано интригами аристократов. Последовало большое народное волнение, в результате которого при избрании консулов нового года на пост был поставлен ярый партизан, Теренций Варро по имени. Варро, хотя он вряд ли мог быть настолько некомпетентным, как мы можем предположить из рассказа Ливия,^[21] не имел военного опыта. Аристократы добились того, что в качестве соратника ему достался Л. *Æmilius Paullus*, солдата с хорошей репутацией, но, к сожалению, очень нелюбимого общинниками.

Ганнибал находился в Апулии, в Южной Италии, где население, вероятно, было ему более симпатично, чем на севере, так как большая часть греческого населения еще не примирилась с римским правлением. Его штаб-квартира находилась в Каннах, городе на правом или южном берегу Ауфиды. Римская армия, получившая из дома императивные указания сражаться, вероятно, следовала *по Аппиевой улице* до Венусии, а затем двинулась на восток. Гарнизон, вероятно, был оставлен в Канусиуме, сильно укрепленном городе, расположенном примерно в шести милях к западу от Канн. Через час марша от Канусия они должны были попасть в поле зрения Ганнибала. Он расположился лагерем за Каннами: местность вокруг него была ровной и хорошо приспособленной для действий конницы, в которой он был особенно силен. Между двумя консулами возникли разногласия. Эмилий Павлус был за то, чтобы заманить врага в менее подходящую для него страну; Варро же, напротив, нетерпеливо ждал немедленного сражения. Он приказал наступать, что привело к частичному столкновению, закончившемуся, в целом, не в пользу римлян.

В итоге консулы заняли следующую позицию. Две трети армии расположились на северном или левом берегу реки, остальная часть осталась на южном, почти вплотную примыкая к карфагенским аванпостам. Следует помнить, что Ауфидус, неглубокий и быстрый поток, летом уменьшался до совсем незначительной речушки, которую можно было без труда перейти вброд в любом месте, по крайней мере, на этом участке ее течения. Битва состоялась 2 августа по римскому календарю, но так как это было намного раньше истинного времени, то есть в середине июня, Павлус был сторонником политики бездействия. Он считал, что Ганнибалу придется сдвинуться с места из-за нехватки припасов, и надеялся, что ему представится благоприятная возможность для нападения. Его коллега, однако, смотрел на ситуацию совершенно иначе. Его, от природы опрометчивого и вспыльчивого, раздражали агрессивные действия противника, который делал все возможное, чтобы спровоцировать его. Римские войска тоже жаждали сражения, и вскоре их желание исполнилось.

По обычаю, когда оба консула находились с армией, они должны были командовать поочередно. На раннем рассвете в день своего командования Варро отдал приказ войскам, расположившимся на северном берегу Ауфиды, переправиться через реку. Сделав это, он выстроил все свои силы в длинную линию, обращенную к югу. Всего у него было около 80 000 пехоты и 6 000 лошадей. Римскую кавалерию он расположил на правом фланге вдоль берега реки; правый центр состоял из римской пехоты, которая была выстроена в более глубоком и тесном строю, чем обычно; левый центр и левое крыло состояли из конных и пеших союзников. Лучники и легковооруженные в целом находились впереди главной линии. Галльскую и испанскую конницу Ганнибал разместил на левом крыле, *то есть* напротив

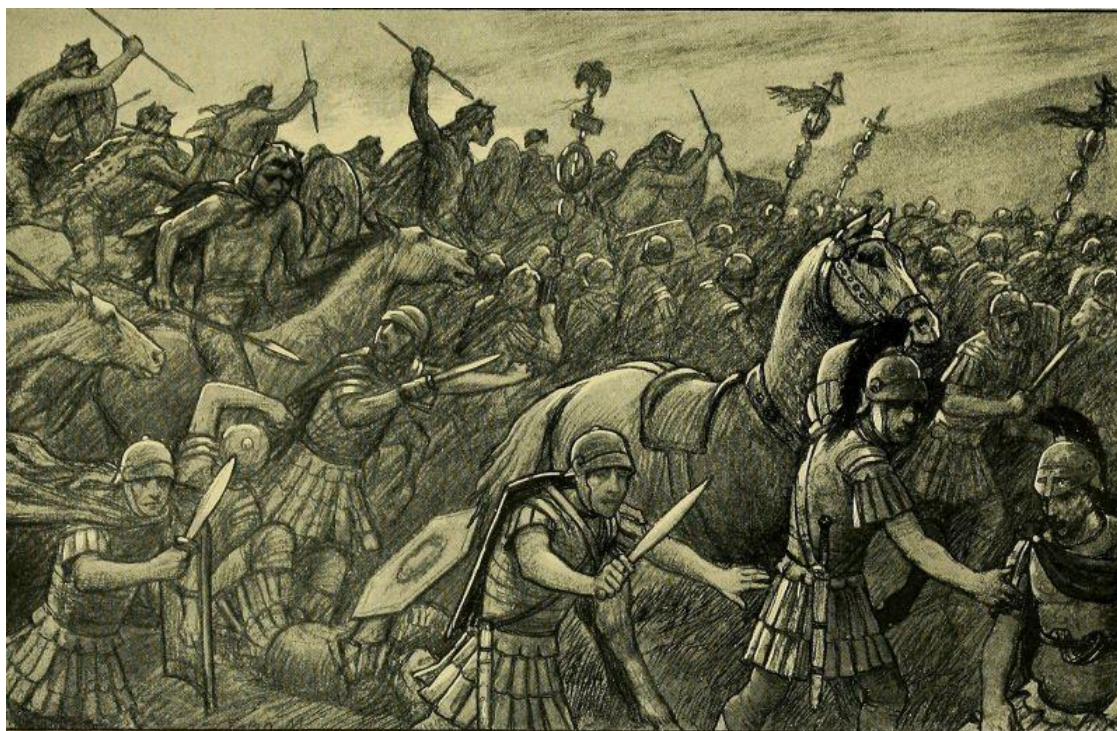
римской, а африканскую - на правом. Рядом с конными войсками с обеих сторон располагалась африканская пехота, оснащенная доспехами и оружием, собранным из трофеев Требии и Трасуменна. Центр состоял из галлов и испанцев. Ливий говорит о внушительности их роста, поскольку физически эти кельтские воины значительно превосходили своих италийских противников, а также об их общем виде. Галлы были обнажены до пояса, испанцы одеты в льняные жилеты ослепительной белизны, окаймленные пурпуром. В численности Ганнибал сильно уступал, имея всего 40 000 пехоты. Этот недостаток он частично компенсировал превосходством своей кавалерии, как по численности, так и по эффективности. Из этой армии у него было не менее 10 000 человек. Ливий рассказывает, хотя Полибий не упоминает об этом обстоятельстве, что сильный ветер с юго-востока, известный под названием "вольтурнус", несущий тучи песка, дул в лицо римлянам и сильно мешал им.

Сражение началось, как обычно, с нерешительной перестрелки между легковооруженными войсками обеих сторон. Галльская и испанская кавалерия, напротив, вскоре добилась весьма ощутимого успеха. Здесь было мало места для демонстрации тактики или даже для атаки. Бойцы сошлись в тесном кругу, и здесь преимущество было на стороне кельтов. Они разделись и стащили своих противников с лошадей. Они оказали доблестное сопротивление, и только после того, как многие были убиты в этой жестокой схватке, все обратились в бегство.

Легионерская пехота не преминула заявить о своем превосходстве в дисциплине и эффективном снаряжении над противостоящими ей галльскими и испанскими пехотинцами. Последние сражались с заметным мужеством, но не смогли противостоять тяжести и организованному наступлению тяжеловооруженных римлян. Если бы в этот момент под командованием находился хладнокровный солдат, успех легионов можно было бы обратить себе на пользу. Без умелого руководства все закончилось катастрофой. Преследование зашло гораздо дальше того места, где, учитывая, что кавалерия была вытеснена с поля боя, благоразумие должно было бы его прекратить. Легионы, преследуя бегущих кельтов, сами были атакованы с обоих флангов африканскими отрядами, которые в данном случае стали еще более грозными из-за того, что имели римское вооружение и доспехи. И без того расстроенные своим поспешным продвижением, они были еще больше сломлены этой атакой. Но хотя линия перестала существовать, многие роты сохранили свой строй, и некоторое время конфликт продолжался в довольно равных условиях. Все решила блестящая атака карфагенской конницы под командованием Гасдрубала[22]. Он возглавлял кельтское войско в ожесточенной схватке с римлянами, затем помог нумидийцам одолеть союзников, а теперь бросился со своими победоносными эскадронами в тыл римским легионам. После этого сопротивления почти не было, и битва превратилась в резню. Рим никогда не нес более ужасающих потерь, чем в роковой день при Каннах. Из 80 000 человек, выведенных на поле боя, спаслись только три или четыре тысячи. Полибий называет число убитых в 70 000 человек; Ливий дает гораздо меньшую цифру (40 000), но Полибий - самый надежный авторитет. Многие были взяты в плен, некоторые - в лагерях, которые они оставили охранять, некоторые - в Каннах, где они тщетно пытались укрыться. Только те, у кого хватило мудрости или удачи добраться до Канусиума, оказались в безопасности. Варро с семьюдесятью воинами бежал в Венусию. Эмилий Павлус погиб на поле боя. Ливий рассказывает патетическую историю его гибели, которая вполне может быть правдивой, хотя Полибий о ней не упоминает[23].

Некий Лентул, военный трибун, нашел консула сидящим на камне, залитом кровью. Он предложил ему свою лошадь. Они оба могли бы спастись. Сам он был не ранен и мог помочь

своему вождю. "Не добавляйте, - продолжал он, - к другим бедствиям этого дня смерть консула. Слез и скорби хватит и без этого". Павлус отказался от этого предложения. "Не трать, - сказал он, - на бесполезную жалость свой шанс на спасение. Иди и передай от меня сенату, чтобы Рим был как можно сильнее против прихода победоносного врага. Что же касается меня, то пусть я умру здесь, среди своих убитых солдат. Я не хочу снова предстать перед судом и доказывать свою невиновность, обвиняя своего коллегу". Тут их настигла толпа беглецов, за которыми вплотную следовали враги. Лентул спасся благодаря быстроте своего коня. Консул, которого преследователи не узнали, был убит.

Свержение в Каннах.

Пауллус, как видно, предвидел немедленное наступление Ганнибала на Рим. Вопрос о том, следовало ли наступать, обсуждался, можно сказать, с тех пор; Ливий рассказывает, что Ганнибала настоятельно убеждали предпринять этот шаг его собственные лейтенанты. Махарбал, который был одним из самых способных среди них, заявил, что если он начнет действовать немедленно, то через четыре дня будет пировать в Капитолии; а когда Ганнибал отказался последовать его совету, добавил: "Я вижу, что боги не дают все одному человеку. Ты знаешь, как одержать победу, но не знаешь, как ею воспользоваться".

Разумеется, невозможно с уверенностью говорить на такую тему. То, что Ганнибал был вполне компетентен в оценке ситуации с точки зрения солдата, следует признать. Также нетрудно понять, что, как бы он ни побеждал, его силы должны были значительно сократиться. Его потери убитыми, как говорят, составили 6 000 человек. Доля раненых в древних войнах была гораздо меньше, чем в современных условиях. Тем не менее, мы должны сделать значительное добавление, если хотим подсчитать общее количество инвалидов. На утро битвы у него было около 55 000 человек, и вряд ли он мог выставить в боевой порядок более 30 000 к ее окончанию. В сложившихся обстоятельствах он счел за лучшее дожидаться результатов своей победы от тех, кто как в Италии, так и за ее пределами следил за ходом войны. Они были немалыми, но не столь решающими, как можно было ожидать. И Ганнибал, похоже, продолжал надеяться на события, которые так и не

произошли. Возможно, мы можем сказать, что было бы разумнее отказаться от итальянской кампании, если бы через шесть месяцев после Канн он все еще чувствовал себя неспособным идти на Рим. Это один из тех вопросов, в которых могут ошибаться самые проницательные люди и самые умелые генералы. Отказаться от Италии означало бы отказаться от мечты всей своей жизни, а на это Ганнибал не мог решиться даже после того, как для его хладнокровного рассудка стало очевидным, что Рим не победить.

ФУТБОЛ:

[21] В последующие годы он занимал важные посты.

[22] Не следует отождествлять его с каким-либо другим офицером с таким же именем, поскольку, как ни странно, он не упоминается ни в одном другом случае.

[23] Его молчание, конечно, примечательно, потому что он, несомненно, был знаком с сыном Павла и находился в близких дружеских отношениях с его внуком. (Младший Сципион был сыном Эмилия Павла, завоевавшего Македонию, и был усыновлен сыном старшего Сципиона).

VIII

ТАЙНЫЙ ПОХОД

Результатом победы при Каннах, если говорить в общих чертах, стало то, что южная половина Италии бросила свой жребий Ганнибалу. Самниты, в прежние времена самые яростные и опасные враги Рима; кампанцы, воинственный род, чье имя не раз встречалось в моем рассказе, и владевшие в Капуе вторым городом Италии; греческая область, куда менее населенная и богатая, чем прежде, но все еще грозная, и аборигенные горные племена Бруттия выступили против Рима. Северная Италия, однако, осталась верной, и даже недовольные территории были более или менее сдержаны колониями, как латинскими, так и римскими, поскольку латины были тверды в своей верности.[24] В целом эффект от катастрофы не был таким абсолютно сокрушительным, как можно было ожидать. Самым значительным достижением Ганнибала в оставшуюся часть года стало присоединение Капуи. Рим испытал глубокое облегчение, почувствовав, что худшее позади и что она все еще существует. Это облегчение было выражено поистине характерным образом, когда сенат поблагодарил Варро "за то, что он не отчаивался в Республике". Варро, конечно, не следовало благодарить; он сделал не больше, чем спас свою жизнь; на самом деле резолюция выражала то, что Рим выстоял после того, что вполне могло стать уничтожающим ударом.

Следующие два года (215-214) прошли без каких-либо значимых событий. Одна серьезная опасность, правда, угрожала Риму, но она миновала. В Сиракузах Иеронима, который был верным другом на протяжении почти пятидесяти лет, сменил его внук, Иероним, глупый мальчишка, находившийся под влиянием карфагенян. В Македонии Филипп V решил оказать активную помощь Ганнибалу. Но Иероним был убит прежде, чем успел что-либо предпринять, и Филипп по неизвестным нам причинам упустил возможность. В 213 году Тарентум перешел в руки Ганнибала, хотя цитадель удерживалась римским гарнизоном. В

212 году карфагеняне одержали великую победу при Гердони в Апулии, полностью уничтожив римскую армию, и овладели несколькими важными городами в Южной Италии. Они также добились большого успеха в Испании, где разгромили две римские армии, потеряв своих полководцев, Кнея и Публия Сципиона. С другой стороны, Рим отвоевал Сиракузы, которые были взяты Марцеллом после почти двухлетней осады. Как ни тяжело ей было на других направлениях, она таким образом совершила то, что не смогли сделать Афины и Карфаген, находившиеся на пике своего могущества. А Капуя была взята; Ганнибал, как ни побеждал на поле боя, так и не смог ее освободить. От судьбы Капуи, очевидно, зависело многое. Ни один итальянский город не решился бы встать на сторону карфагенян, если бы это важное место не было защищено. Поэтому в 210 году Ганнибал предпринял энергичные усилия, чтобы освободить ее. Надеясь заставить консулов снять осаду, он угрожал самому Риму и продвинулся до трех миль от города. Он даже подъехал с конницей к стенам. Но ему не удалось достичь своей цели. Один из консулов привел свою армию из Капуи на помощь столице, но другой продолжал осаду. Ганнибал отступил, и хотя он нарвался на консула, который несколько неосторожно преследовал его, и победил его с очень большими потерями, он не смог освободить Капую. Этот город капитулировал до конца года. В 209 году Ганнибал выиграл еще одну великую битву на том же месте, в Гердони, где он одержал победу двумя годами ранее. На поле боя, как видно, он всегда добивался успеха, но не мог быть везде и не мог защитить всех своих итальянских союзников. В этом году две важные области Самния и Лукания подчинились Риму, у которого хватило мудрости предоставить им выгодные условия. А Тарентум был потерян, предан римлянам, как за несколько лет до этого был предан Ганнибалу. Следующий год (208) ознаменовался смертью консула Марцелла и другими успехами карфагенян. В 207 году мы подошли к другому большому кризису войны - попытке Гасдрубала присоединиться к своему брату, закончившейся решающей битвой при Метауре.

Последний раз мы слышали о Гасдрубале как о победителе двух Сципионов в 212 году. Что помешало ему после этого успеха немедленно отправиться в Италию, сказать невозможно. Рассказ Ливия о событиях следующих пяти лет совершенно невероятен, а повествование Полибия утрачено. Опрометчиво выносить суждение, когда мы знаем так мало фактов. Тем не менее, в целом верно, что немногие полководцы обладают той силой перспективы, которой, похоже, обладал Ганнибал. По крайней мере, возможно, что Гасдрубал переоценил важность того, что он мог сделать в Испании, и забыл, что война должна была решиться в Италии. Фактом является то, что он откладывал свое продвижение в Италию на четыре года, и когда он его предпринял, его общие перспективы не улучшились. На сцене появился очень способный молодой полководец, впоследствии известный как Сципион Африканский, который добился большого успеха, захватив Новый Карфаген. После этого в 209 году он одержал победу над самим Гасдрубалом. Это поражение, однако, не помешало карфагенскому полководцу осуществить свой первоначальный план. Либо в этом, либо в следующем году он пересек Пиренеи. Он провел значительное время в Галлии, где ему удалось набрать большое количество новобранцев, и, легко перейдя Альпы, в начале 207 года спустился в Италию. И здесь мы снова видим, как он пренебрегает, насколько мы можем судить, главным вопросом и тратит силы и время на совершенно второстепенное дело. Он осадил Плаценцию, сильно укрепленную колонию, и тем самым дал римлянам время оправиться от неожиданности своего раннего прибытия. К тому времени, когда он принял решение снять осаду Плаценции, один из консулов, Ливий по имени, выдвинулся вперед, чтобы преградить ему путь.

Римские генералы должны были знать, что главной целью Гасдрубала в Италии было соединение с его братом. И вот, по счастливой случайности, они узнали, как это сделать.

Гасдрубал отправил отряд из шести всадников с письмом к брату, в котором сообщал о своем прибытии в Италию и предлагал встретиться в Умбрии. Эти гонцы благополучно проехали почти всю Италию, но в последний момент потерпели неудачу. Когда они были в тридцати или сорока милях от Метапонта, где расположился Ганнибал, они свернули с дороги и направились в Тарентум. Они попали в руки фуражиров и предстали перед офицером, который командовал местными войсками. Под угрозой пыток они признались ему, что несут депеши Ганнибалу. Офицер отправил их к консулу Нерону, который наблюдал за Ганнибалом. Нерон сразу же задумал смелый план. Соединение двух карфагенских армий должно быть предотвращено любой ценой, и лучшим средством для этого было бы усилить армию севера и разбить Гасдрубала до того, как он сможет объединить свои силы с войсками брата. Но времени терять было нельзя. Нерон отобрал из своей армии семь тысяч человек, самые лучшие войска, которые у него были, и поспешил на север. Никто не знал о его плане, даже власти в Риме были одурачены. Не стал он затруднять себя и транспортом. Ему предстояло пройти через дружественное население, и он счел достаточным послать гонцов с указаниями доставить готовую провизию для армии, а также лошадей, которых хватило бы для перевозки самого необходимого. Все сложилось удачно. Солдаты совершали форсированные марши необычайной длины и дошли до конца пути без происшествий, вступив в лагерь ночью, так как было желательно сохранить их приход в тайне. Однако это не удалось сделать. Гасдрубал, по крайней мере, догадывался о случившемся. Подъехав к римскому лагерю, он заметил несколько щитов незнакомого образца. Некоторые из лошадей были более худыми, чем те, которых он видел раньше, и, как ему показалось, их было больше. Еще одно подозрительное обстоятельство, к которому он уже давно присматривался. Следует пояснить, что здесь было два римских лагеря: один находился под командованием консула Ливия, другой - под командованием претора Порция. В лагере консула сигнал прозвучал дважды, что означало, что там находятся оба консула. С другой стороны, вызывало недоумение то обстоятельство, что границы лагерей не были расширены. Если бы прибыло большое подкрепление, где бы его можно было разместить? Кроме того, возможно ли, чтобы такой искусный полководец, как Ганнибал, позволил себе подобный маневр? А может быть, Ганнибал был уничтожен? Общим результатом этих расспросов стало большое уныние. Он отказался от сражения, которое консулы, решившие сражаться без промедления, предложили ему сразу после прибытия Нерона, и в течение следующей ночи разбил свой лагерь и двинулся прочь. Нелегко сказать, с какой целью он отступал, ведь движение на север - это отступление, а река Метавр, которую он хотел пересечь, находилась в нескольких милях к северу от его лагеря. Возможно, он хотел попасть в регион, где население было бы дружелюбным. Как бы то ни было, поход закончился катастрофой. Два проводника, которых он привлек к себе на службу, исчезли во время ночного марша, и брод Метавра обнаружить не удалось. Армия медленно продвигалась вверх по правому берегу реки. Это был утомительный марш; многие люди выбыли из строя, и все были измотаны и удручены. В начале следующего дня подошла римская армия, и Гасдрубал понял, что ему придется сражаться. Он поставил своих слонов, как обычно, перед центром, а за ними лигурийцев. Справа стояли его испанские войска, бывалые солдаты его собственной армии, причем самого лучшего качества. Они находились под его личным командованием. Галлы находились слева, но, судя по всему, приняли незначительное участие в последовавшем сражении. Испанцы проявили себя достойно своей военной репутации и некоторое время вели борьбу на равных. Исход дня во многом решил смелый поступок Нерона. Он решил, что может спокойно пренебречь галлами, которые были его особыми антагонистами, и, стремительно развернувшись слева, обрушился на врага с сокрушительным ударом. Слоны вели себя как обычно. Сначала грозные, они привели в беспорядок ряды противника, а затем, став неуправляемыми, нанесли не меньший урон своим друзьям. Ливий говорит, что

их погонщики убили больше, чем враги. Битва была долгой и ожесточенной. Об этом убедительно свидетельствует количество потерь римлян. Было убито не менее восьми тысяч человек, что, несомненно, составляет значительную часть от общего числа сражавшихся. Карфагенская армия, конечно, пострадала больше. Вероятно, мало кто из испанских войск уцелел. Некоторые лигурийцы спаслись, и многие галлы. Они были недалеко от своей страны, и римляне, вероятно, были слишком измотаны, чтобы пуститься в энергичное преследование. "Пусть некоторые останутся в живых", - сказал консул Ливий, когда ему предложили преследовать галлов, - "чтобы доставить домой отчеты о потерях врага и о нашей доблести". Вряд ли это могли быть его истинные причины. Но общие потери убитыми и пленными оцениваются в шестьдесят тысяч человек. Гасдрубал пал в битве. Пока оставалась хоть какая-то надежда на победу, он делал все, что мог, снова и снова перестраивая строй, подбадривая усталых и вселяя свежий дух в удрученных. Когда все было потеряно, он пришпорил коня и атаковал вражескую линию. Через семь дней после этого его голова была брошена среди передовых гвардейцев лагеря Ганнибала.

ССЫЛКИ:

[24] Колония, напомним читателям, была практически военным форпостом. В ней жили старые солдаты, которым была предоставлена земля. Существовало два класса колоний, римские и латинские, как и два вида гражданства, римское и латинское. У Ливия есть интересный отрывок о поведении латинских колоний в 209 году. Всего их было тридцать. Двенадцать из них заявили, что не в состоянии выполнить предъявленные к ним требования в отношении людей и денег. Остальные восемнадцать выразили себя в противоположном смысле, как готовые сделать даже больше, чем от них требовали. Среди них мы находим Брундизий, Лукерию, Ветузию, Паэстум и Беневентум - все важные места в регионе, занятом Ганнибалом. Ливий утверждает, что именно их поддержка стала спасением для Рима. "После всех этих лет они не должны быть забыты или лишены похвалы, которую они так хорошо заслужили".

IX

ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА ГАННИБАЛА

Что предлагал себе Ганнибал, оставаясь в Италии после катастрофически решающего дня при Метауре, сказать нелегко. Возможно, он продолжал надеяться, что великая антиримская комбинация, ради которой он работал более десяти лет, еще может осуществиться. Нам, знающим, каким стал Рим в последующие дни, кажется странным, что царства, которым суждено было сокрушить его одно за другим, не объединились с Карфагеном в попытке уничтожить его. Если бы Македония, Сирия и Египет смогли объединиться, пока Ганнибал еще удерживал позиции в Италии, она вряд ли смогла бы выжить. Но они были слишком ревнивы друг к другу или слишком неадекватны. Возможно, они не хотели, чтобы Карфаген, который у греков не было причин любить, стал слишком сильным. А то, что не удалось сделать после Канн, вряд ли стали бы пытаться сделать после Метавра. Так или иначе, Ганнибал оставался в Италии еще четыре года после смерти Гасдрубала. Теперь он удерживал лишь крайний юг полуострова, и границы занимаемой им области постепенно сужались из-за потери города за городом. Он все еще держался за свое положение; он мог уйти в любой момент, но он не мог отказаться от главной надежды своей жизни, и он задерживался. Наконец, в конце 203 года, повинувшись срочному вызову из дома, он

отправился в путь. Не было сделано ни одной попытки помешать ему. Римляне были несказанно рады его отъезду. За пятнадцать лет его пребывания здесь они потеряли триста тысяч человек. Огромный дракон из его сна действительно опустошил Италию. Говорят, что, бросив последний взгляд на землю, где его ждали такие успехи и такие разочарования, он горько упрекнул своих соотечественников за ту неохотную поддержку, которую они ему оказывали. "Меня победил не римский народ, который так часто терпел поражение на поле боя, а Ганно", - лидер партии мира в Карфагене. Вряд ли это обвинение было правдой, но оно естественно для того, кто вынужден был в конце концов отказаться от одного из самых великолепных планов, когда-либо придуманных человеком. Ливий добавляет, что Ганнибал теперь горько сожалел о том, что не повел свои войска против Рима сразу после великой победы при Каннах.

Нет необходимости подробно останавливаться на событиях, последовавших за возвращением Ганнибала в Африку. Мы не располагаем средствами, чтобы составить о них вполне ясное и последовательное повествование. Романтическая история, в которой главные роли играют Сифакс, Масинисса и Софонисба (дочь Гасдрубала, сына Гиско), не относится к моей теме, и я сразу же перехожу к битве при Заме.

Ганнибал, как обычно, выстроил своих слонов перед строем. Сразу за ними шли наемники, смешанная толпа, к которой Полибий относит знаменитый стих, в котором Гомер описывает многоголосые боевые кличи троянцев и их союзников. За этими наемниками стояли коренные карфагеняне, которых вновь вывела на поле боя крайность их страны, а в тылу всех, как резерв, который в крайнем случае мог бы вернуть удачу, - ветераны, которых Ганнибал привел с собой из Италии. В одной особенности Сципион отступил от обычных правил римской тактики. Обычно интервалы в первой линии заполнялись второй, а интервалы во второй - третьей. В данном случае интервалы были непрерывными, обеспечивая свободный проход от фронта армии к тылу. Это было сделано для того, чтобы уменьшить опасность от слонов. По этой же причине расстояние между линиями было сделано больше обычного. Чем больше пространства будет для передвижения этих животных, тем меньше шансов, по мнению Сципиона, что они растопчут ряды его людей. Левое крыло занимал Лелий с римской кавалерией, а ему противостояли туземные карфагенские лошади; справа Масинисса держал корпус африканских лошадей, перед которыми стояли люди той же или родственной национальности, находящиеся на службе у Карфагена. Слоны были еще менее полезны и наносили своим друзьям еще больший урон, чем обычно. Запасы обученных животных были давно исчерпаны, а необученные существа, выведенные на поле боя, были неуправляемы. В данном случае они обернулись против карфагенской конницы и привели ее в такой беспорядок, что Лелий одержал над ней легкую победу. Справа от римлян Масинисса, один из лучших кавалерийских офицеров, которых когда-либо видел мир, разбил своих противников. Но в центре победа далась не так легко. Наемники были опытными солдатами, владеющими всеми военными искусствами, и они с лихвой справились с римской пехотой, состоящей в основном из новобранцев. Если бы их должным образом поддерживали стоявшие за ними карфагеняне, они могли бы изменить ход событий. Но солдаты-граждане упорно стояли на своих местах. Только когда на них самих напали - наемники, как нам говорят, разгневанные тем, что их бросили, выступили против них, - они выхватили мечи. Линия ветеранов под личным командованием Ганнибала оказала яростное и упорное сопротивление. Только когда на них с двух флангов набросилась победоносная конница, они сдались. После этого наступил всеобщий разгром. Двадцать тысяч человек остались на поле боя мертвыми, еще столько же было взято в плен. Из завоевателей пало пятнадцать сотен. Это была не слишком высокая цена за победу, которая, по словам

Полибия, "дала Риму суверенитет над миром". Ганнибал направился в Адруметум, а оттуда в Карфаген с шеститысячным войском.

Условия мира были неожиданно мягкими. Карфаген должен был сохранить свою независимость и африканские владения. Но он должен был выплачивать ежегодную дань в размере двухсот талантов и компенсацию в десять тысяч, а также сохранить только десять военных кораблей. Ганнибал был настолько убежден в необходимости принять эти условия, что насильно оттащил на свое место сенатора, который поднялся, чтобы выступить против них.

Несколько строк можно уделить последующей истории этого замечательного человека, самого грозного врага, который когда-либо был у Рима, одинаково великого как государственный деятель и как полководец.

Вскоре после заключения мира он покинул Карфаген, избежав своим добровольным уходом требования, которое Рим готовился выдвинуть для его выдачи. Его подозревали, и, вероятно, справедливо, в том, что он все еще лелеял враждебные замыслы. Он укрылся у Антиоха Сирийского, прозванного, но не по очень убедительным причинам, Великим. Антиох был польщен его присутствием, но проявил нелепую ревность к его гению. Он не стал нанимать его на работу или даже прислушиваться к его советам. Объединение восточных держав против Рима было еще возможно, и Ганнибал настоятельно просил его осуществить, но тщетно. В 192 году он действительно получил в командование сирийский флот, состоявший, как можно предположить, в основном из финикийских кораблей. На него напали превосходящие силы Родоса, который в то время был величайшей морской державой в мире, и он потерпел поражение. Через два года после этого состоялась великая битва при Магнезии. Присутствовал ли там Ганнибал, мы не знаем, но он точно не был командиром. Возможно, к этому времени относится анекдот, который рассказывают о нем. Царь Антиох показал ему свою армию, великолепно укомплектованную золотом и серебром. "Разве этого не достаточно для римлян?" - спросил царь. "Да, конечно, - ответил ветеран, - хотя они самые жадные люди на земле". Но он думал не об эффективности оружия, а о ценности добычи. Битва закончилась полным поражением Антиоха и его великолепной армии. Через два года он заключил мир с Римом, одним из условий которого было изгнание из своих владений всех врагов Рима. Ганнибал предвидел этот указ. Он побывал в разных местах и наконец нашел убежище у Прусия, царя Вифинии. Но Прусий поссорился с соседом, Евменом, царем Пергама, а Евмен был другом Рима. Рим послал к Прусию, чтобы тот потребовал выдать гостя, и ветеран - ему шел уже шестьдесят пятый год - принял яд. Он носил лекарство с собой в кольцо, как гласит история, чтобы использовать его в случае необходимости.

Х

ВЫЧЕРКИВАНИЕ КАРФАГЕНА

В течение пятидесяти лет после заключения Ганнибальского мира, как стали называть договор, описанный в моей последней главе, Карфаген и Рим продолжали жить в условиях взаимной подозрительности. Рим опасался быстрого восстановления могущества и богатства своего старого врага; Карфаген боялся, и, несомненно, с большим основанием, неистребимой ненависти государства, которое он когда-то так близко подвел к уничтожению. Условия, установленные после Замы, не помешали накоплению богатств в

побежденном городе. Ее торговля осталась нетронутой; торговля означала полную казну, а именно с ее казной Карфаген всегда вел войну. Было два человека, которые во многом способствовали разжиганию этой ссоры, хотя ни один из них не дожил до желаемого конца.

Об одном из них, Масиниссе, я уже имел случай рассказать. Он был сыном нумидийского царя и в ранней жизни был энергичным союзником Карфагена. Он участвовал в испанских походах Гасдрубала (брата Ганнибала) с сильным отрядом нумидийских всадников. Даже поражение при Метауре не поколебало его верности. Однако в следующем году он начал подумывать о смене стороны и в конце концов договорился со Сципионом, что сделает все возможное, чтобы помочь римскому делу, когда война должна была быть перенесена в Африку. У него были сильные личные мотивы для этой перемены. Он лишился наследства отцовского царства из-за действий Сифакса, соседнего властителя, находившегося в тесном союзе с Карфагеном, и видел, как его обещанная жена, Софонисба (дочь Гасдрубала Гиско), была отдана тому же сопернику. Таковы были причины, сделавшие его видным участником битвы при Заме. После заключения Ганнибалова мира Масинисса остался в неоспоримом владении своих наследственных владений, увеличенных царством Сифакс. В течение последующих пятидесяти лет он постоянно следил за тем, чтобы возвеличить себя за счет Карфагена. Снова и снова он захватывал какую-нибудь желанную область, принадлежащую этому государству, получал протесты, которые неизменно игнорировал, и поддерживался в своей узурпации Римом, чьи уполномоченные, как нам говорят, были тайно проинструктированы, чтобы благоприятствовать столь полезному союзнику. В 150 году до н.э. эти постоянные распри закончились открытой войной. Масинисса, который был все еще бодр и активен, хотя ему шел восемьдесят восьмой год, победил карфагенян в битве на поле боя. Через два года после этого он умер.

Другим упорным врагом Карфагена был М. Порций Катон, широко известный как Катон Цензор или Катон Старший. Катон родился в 234 году до н. э. и был как раз в том возрасте, чтобы служить в армии, когда Ганнибал вторгся в Италию. Мы не знаем, присутствовал ли он на каком-либо из великих сражений, но он точно был помощником Фабия при осаде Тарентума в 209 году. Он никогда не забывал сцены, свидетелем которых он был, когда Ганнибал опустошал Италию; и когда он занял высокое положение в государстве, он посвятил себя получению того, что он считал удовлетворительной местью. Он не упускал случая внушить своим соотечественникам убеждение, что Карфагену нельзя позволить существовать. О нем рассказывают, что какой бы вопрос ни стоял перед сенатом, он добавлял к своему мнению:[\[25\]](#) "И я также считаю, что Карфаген должен быть уничтожен". Он умер в 149 году до н. э., на восемьдесят пятом году жизни.

Именно в этом году началась Третья Пуническая война. Катон, похоже, преуспел в достижении великой цели своей жизни. Рим твердо решил, что Карфаген должен быть уничтожен. Вероятно, кроме национальных и политических мотивов, действовали и другие. Торговые интересы Рима были очень сильны, и для них уничтожение успешного соперника, который долгое время владел большинством рынков Средиземноморского побережья, казалось наиболее желательным.[\[26\]](#) Так или иначе, условия, предложенные карфагенскими посланниками в сенате в Риме, были таковы, что было очевидно, что война предreshена. Когда первые условия, и без того обременительные, были приняты, к ним добавились новые строгости. Ультиматум гласил, что карфагеняне должны отдать свой город на уничтожение. Сами они будут пощажены и смогут сохранить часть своего имущества, но их новое жилище не должно находиться ближе десяти миль от моря. Это было сделано для того, чтобы сделать невозможное, и оно возымело желаемый эффект. Когда посланники вернулись и рассказали

об условиях, которые были окончательно выдвинуты, народ разразился яростью. Те, кто принимал активное участие в переговорах о мире, были убиты, а сами посланники разделили их участь. Сенат перед лицом такой демонстрации мог прийти только к одному решению. Он объявил войну Карфагену.

Нет необходимости подробно рассказывать о событиях двух первых кампаний. Римляне, возглавляемые, судя по всему, некомпетентными генералами, не были столь успешны, как ожидалось, и к концу лета 147 года практически не продвинулись вперед. На самом деле римляне оказались в худшем положении, чем когда начинали. Их африканские союзники начали сомневаться, правильную ли сторону они выбрали. Особенно колебались сыновья Масиниссы. Они не знали, чего желать. Если Карфаген попадет в руки Рима, то скоро придет и их черед. Возможно, лучшим вариантом было бы существование слабого Карфагена, не способного угнетать своих соседей, но сохраняющего независимое существование в качестве "буферного государства" между собой и Римом.

С назначением младшего Сципиона[27] верховным главнокомандующим армиями в Африке на сцене произошли большие перемены. До этого он служил военным трибуном (по званию примерно равным бригадному генералу) и отличался храбростью и умом. Когда в Риме начались выборы, он отправился домой, номинально для того, чтобы выставить свою кандидатуру на пост эдила, но, вероятно, имея более высокие взгляды. Ему было тридцать семь лет, и он на пять лет не достиг возраста, установленного законом для консульства. Но на пост консула он был избран. Председательствующий напрасно протестовал. Народ так решил, и президент уступил. А когда прошло голосование по провинциям, коллега Сципиона снова уступил, и Африка, на которую он, казалось, имел наследственное право, досталась ему.

Он сразу же отплыл в Карфаген и начал с того, что вызволил одного из генералов, которого собирались сместить, из опасного положения, в которое его завела неосторожность. Затем он привел в порядок дела армии. Лагерь был очищен от толпы бездельников, солдатских слуг, сутлеров и торговцев. Затем начались активные действия. Был взят пригород города под названием Мегара, где жили зажиточные горожане. Правда, вскоре от него пришлось отказаться, так как его содержание обошлось слишком дорого, но этот успех привел к тому, что лагерь, укрепленный за стенами и являвшийся первой линией обороны, был оставлен. Теперь город был практически захвачен. С сухопутной стороны блокада была полной, и припасы больше не могли быть доставлены; теперь Сципион начал блокировать устье гавани. Но осажденные помешали ему. Они построили флот из пятидесяти кораблей и прорыли новый канал из внутренней гавани в открытое море. Римляне были застигнуты врасплох. Они не знали, что строится флот, и впервые увидели его, когда он вышел из гавани, которая также была создана заново. Если бы карфагеняне действовали сразу, так как обнаружили, что римский флот совершенно не готов к бою, они могли бы, по крайней мере, отсрочить конец. Но они довольствовались демонстрацией. Через день или два между двумя флотами произошел затяжной бой, но когда на следующий день конфликт возобновился, преимущество было на стороне Рима. Но ресурсы осажденных не были исчерпаны. На город была предпринята атака с суши, и к стенам подвели тараны. Но осажденные предприняли решительную вылазку, отбросили нападавших и сожгли их орудия. В течение зимы Сципион занимался тем, что пресекал поставки, которые город все еще получал из внутренних районов. Он также разгромил армию туземных союзников, собранную для помощи городу.

В 146 году осада возобновилась с новой силой. Гавань для военных кораблей и Нижний город были взяты после слабого сопротивления. Затем был атакован Верхний город. Борьба здесь была долгой и ожесточенной; дома приходилось брать один за другим. Каждый из них упорно оборонялся, в каждом погибло много некомбатантов. Так продолжалось семь дней и ночей. Римляне сражались с отрядами помощи, но Сципион не отдыхал. Он ухватывал еду и сон, которые подбрасывала ему случайность, и никогда не отлучался с поста предводителя. Наконец, кроме цитадели ничего не осталось. К Сципиону отправилась депутация с предложением сдаться при единственном условии - сохранить жизнь пленным. Сципион удовлетворил эту просьбу, но исключил дезертиров. Пятьдесят тысяч мужчин, женщин и детей воспользовались милостью завоевателя и сдались. Остались только Гасдрубал с семьей, его главные офицеры и дезертиры. Цитадель была неприступна, но ее можно было ослабить голодом. Тогда Гасдрубалу удалось сбежать от своих товарищей и, пробравшись к Сципиону, вымолить у него жизнь. Она была дарована, но не потому, что податель заслуживал пощады, а потому, что он мог быть полезен завоевателю. Далее последовала трагическая сцена. Жена Гасдрубала с отвращением наблюдала за бессердечием своего мужа. Взяв за руки двух детей, она вышла на передний край стены. Сципиона она не упрекала, но на мужа обрушила все проклятия, какие только были в ее распоряжении. Затем она заколола своих детей, бросила их в огонь, так как дезертиры, решив не попасть в руки римлян, подожгли цитадель, и сама последовала за ними. По прямому приказу сената, но вопреки желанию Сципиона, весь город был сожжен. Говорят, что, глядя на пожар, он разрыдался, повторив известные строки из "Илиады" (vi. 417-8), в которых великий чемпион Трои предрекает гибель города.

"День, когда погибнет Илиум священный, наступит; он близок
И Приам с ним, и народ царя пепельного копья".

ССЫЛКИ:

[25] Председательствующий магистрат задавал вопрос каждому сенатору по очереди.

[26] Влияние торговой партии можно увидеть в разрушении Коринфа в том же году, когда пал Карфаген; для политики, проводимой в случае с Карфагеном, можно привести много причин, но разрушение Коринфа было, безусловно, неоправданным. Никто не мог утверждать, что он когда-либо был опасен для Рима. Это был акт чистой и простой торговой ревности.

[Младший Сципион был внуком по усыновлению и племянником по браку старшего Сципиона. Он был сыном Л. Эмилия Полла и был усыновлен сыном старшего Сципиона Публием, слабое здоровье которого не позволяло ему принимать участие в общественной жизни. Мать Публия была сестрой Эмилия Павла, а значит, теткой младшего Сципиона по крови и бабушкой по усыновлению.

КНИГА V

РИМ И ВАРВАРЫ. ВОСХОД

I. ДЕНЬ АЛЛИИ

Один римский историк рассказывает, что его соотечественники считали, что, хотя их доблесть может легко преодолеть все другие опасности, состязание с галлами должно быть ради существования, а не ради славы; другой отмечает, что сенат никогда не пренебрегал любыми вестями, которые могли дойти до него о движении среди этого народа. Для таких движений было придумано особое название[28], а в Капитолии хранился особый запас сокровищ, который можно было использовать, когда государству угрожала эта конкретная опасность. Галлы, как гласит классический атлас, жили по обе стороны Альп. Племена, обитавшие к югу от Альп, были беспокойными соседями латинских народов, но настоящая опасность возникала, когда стая захватчиков из-за гор, движимая любовью к приключениям или гонимая голодом, опускалась на плодородные равнины Северной Италии. Первое вторжение, о котором мы имеем сколько-нибудь подробные сведения, произошло в начале четвертого века до нашей эры.

Подлинная история этого события, как обычно, немного обросла легендами. Говорят, что галлов под предводительством их царя Бренна побудил напасть на этрусский город Клузиум один из его граждан, который надеялся таким образом отомстить за частную обиду, нанесенную могущественным вельможей, до которого не мог добраться закон.[29] Жители, встревоженные грозным видом вторгшегося войска, отправили посланцев в Рим с мольбой о помощи. Ливий рассказывает, что между двумя городами не было никакого союза. Все, на что могли сослаться Клузины, - это на то, что они сохраняли нейтралитет в длительной войне между Римом и Вейями, этрусским городом, которому было бы естественно помочь. Римляне отправили к галлам посланников, трех братьев из дома Фабиев (что, надо полагать, не очень вероятно), с посланием следующего содержания: "Клузиум - дружественное государство; мы должны помочь ему даже силой оружия, если это будет необходимо, когда на него нападут по злому умыслу. Но мы хотим избежать войны, если это возможно. Пусть галлы объяснят, чего они хотят". Галльские вожди ответили, что они тоже предпочитают быть в хороших отношениях с римлянами, которые, судя по тому, что их попросили о помощи, явно храбрые люди. От Клузинов они хотели получить участок земли. У них было больше, чем они могли использовать, в то время как у галлов не было ни одной. Римские посланники возмущенно ответили. "По какому праву вы требуете землю у ее законных владельцев; какое отношение вы, галлы, имеете к этрийскому городу?" "Наши права, - ответили галлы, - на острие меча; что же касается имущества, то все принадлежит храбрецам". Конференция распалась, и обе стороны приготовились к битве. В последовавшем конфликте братья Фабии приняли самое активное участие. Их доблесть была столь заметна, что ее не могли не заметить ни друзья, ни враги; одного из них, в частности, узнали, когда он снимал оружие с галльского вождя, которого он убил в одиночном бою. Теперь галлы приостановили все военные действия против Клузиума. Они намеревались потребовать от Рима удовлетворения за это грубое преступление против закона народов. Самые буйные духом выступали за поход на город-нарушитель, но старшие и более благоразумные советники взяли верх, предложив отправить посланников, чтобы они рассказали о своих обидах и потребовали возмещения. Посланники прибыли и были выслушаны сенатом, который признал проступок Фабиев, но не решался подчиниться требованию выдать виновных. Не в силах или не желая прийти к решению, они передали дело на рассмотрение общего собрания народа. Здесь шансов на торжество справедливости было немного. Предложение выдать этих храбрых вельмож было сразу же развеяно. Фабиев не только не наказали, но и фактически избрали военными трибунами[30] на следующий год. Никто не подумал о шаге, который обычно предпринимается в чрезвычайных ситуациях, - назначении диктатором самого способного солдата. Даже обычные приготовления к встрече с грозным врагом были проигнорированы.

Тем временем галлы наступали на Рим, не думая ни о чем, кроме мести этому дерзкому городу. Появление их войска наводило ужас на жителей страны, через которую они проходили, но они не сворачивали с пути, чтобы напасть или разграбить какой-нибудь город на своем пути. Они давали понять, что вся их распря связана с Римом.

Пробудив в себе чувство опасности частыми гонцами, спешившими с севера, римляне поспешно собрали все войска, какие только смогли найти, и вышли навстречу врагу, который продвинулся до реки Аллии, чуть более чем в одиннадцать милях от города. Ливий рассказывает, что генералы не разбили лагерь, не построили вал для защиты в случае поражения и не принесли никаких жертв. Для защиты от флангового движения необходимо было широко растянуть боевую линию, но это невозможно было сделать без опасного ослабления центра. Впрочем, не имело значения, какие меры были приняты или не приняты. Не было ничего похожего на битву; только слепая паника и стремительное бегство. "Ни один человек, - говорит Ливий, - не погиб в битве". Но тысячи людей были перебиты во время преследования, а беглецы, так плотно сгрудившиеся в толпе, мешали друг другу бежать; многие погибли на берегу Тибра, где они стояли беспомощные, враг позади, непроходимый поток впереди; не мало утонувших, некоторые, не умея плавать, все же бросились в поток, в дикой надежде как-нибудь пробиться, или, будучи пловцами, были утяжелены своими тяжелыми доспехами. Из тех, кто спасся, большая часть добралась до Вейи. Они не стали посылать в Рим никаких вестей о своей безопасности. Те же, кто добрался до Рима, даже не остановились, чтобы закрыть ворота города, а поспешили завладеть Капитолием.

Все это звучит очень романтично, чтобы не сказать неправдоподобно. Странно, что эти варварские галлы так строго требовали соблюдения международных законов. А потом битва - в ней, действительно, не было ничего римского. Где были три Фабия, все в высшем командовании, чья доблесть была так заметна в Клузиуме, но на Аллии они не смогли ни сплотить своих солдат, ни нанести удар сами? А жертвоприношения - разве можно поверить, что столь регулярный обычай, соблюдаемый почти механически, был пропущен по этому единственному случаю? А поведение беглецов - что может быть более неправдоподобным? Если они слишком торопились закрыть городские ворота, неужели для этого не нашлось стариков или мальчиков? Ливий явно нагромождает все возможные небрежности и проступки, чтобы усилить драматический контраст между безрассудной гордыней и унижительным поражением. Но в том, что при Аллии произошла великая катастрофа, сомневаться не приходится. Аллий был, по выражению Вергилия, *infaustum nomen*, злополучным именем. В течение многих веков после этого ее годовщина, 15 июля, *Dies Alliensis*, отмечалась как день, в который нельзя было заниматься никакими общественными делами. Когда Тацит хочет описать верх безрассудной нечестивости Вителлия, одного из недолговечных императоров, сменявших друг друга после падения Юлиев, он говорит, что тот настолько пренебрегал всеми законами, человеческими или божественными, что фактически издал эдикт в роковой день Аллии.

История продолжается в том же романтическом стиле. Но внезапно меняется весь нрав нации, от высших до низших слоев. Беспринципность, безрассудство и трусость сменяются благоговением, благоразумием и постоянством. Капитолий, последняя надежда Рима, должен удерживаться его отборными воинами. Никто не должен расходовать его скудные запасы, если не может внести свою лепту в его защиту. Население повинует без ропота и бежит из города, ища убежища, где только можно, или остается ждать своей гибели. Старые вельможи, занимавшие высокие должности, консулы, преторы и сенаторы, не покидают город, а остаются в своих одеждах и государственных креслах до прихода врага; святыни из

храмов и святилищ либо хоронят, либо переносят в безопасное место. Теперь все - достоинство, как прежде - бесчестье.

История продолжается в том же романтическом стиле: почтенные старики, к которым поначалу относились с благоговением, убиты, когда один из них ударом скипетра из слоновой кости возмутил слишком привычное прикосновение варвара. Капитолий тесно обложен, решительно защищается, но почти потерян из-за беспечности дозорных. Осаждающие либо заметили след одного из гонцов, которые несли сообщение из гарнизона во внешний мир, либо обнаружили место, откуда несложно совершить восхождение. В одну из лунных ночей они решаются на эту авантюру - можно подумать, что лунный свет скорее помеха, чем помощь, - и почти добиваются успеха. Дозор пренебрег своим долгом, собаки спят. Но римская набожность спасает последнее убежище Рима. В храме Юноны была стая священных гусей, и их не только пощадили, но и накормили, как ни старался гарнизон. И вот теперь они предупреждают о приближении врага. Манлий, один из самых выдающихся ветеранов гарнизона, ведь он был консулом, разбужен их криками, спешит на край высоты, сбивает одного человека, ударив его щитом в лицо, убивает других и дает гарнизону время собраться.

Но хотя Капитолий нельзя взять силой, он не может противостоять голоду. Начинаются переговоры, ведь галлы как-то дали понять, что готовы уйти, если за это будет заплачена достаточная цена. В качестве выкупа было решено заплатить тысячу фунтов золота. Во время взвешивания один из римлян жалуется, что весы несправедливы. Тогда наглый галл бросает свой меч на весы, произнося немыслимые для римского уха слова: "Горе побежденным!".

Но боги не позволяют самому благочестивому из народов испытать это последнее унижение. Прежде чем цена была передана этим оскорбительным варварам, на сцене появляется величайший из римских воинов, приказывает убрать весы и золото, приказывает галлам приготовиться к конфликту и побеждает их сначала на самом Форуме, а затем на восьмой вехе от Рима, так же окончательно, как они сами разгромили римлян при Аллии.

Нам не нужно пытаться отделить истинное от ложного в этой истории. То, что римская гордость прикрывала унижительное падение, достаточно очевидно, и мы вполне можем сомневаться в слишком своевременном прибытии победоносного Камилла. Но, безусловно, верно и то, что Рим с поразительной быстротой оправился от того, что вполне могло бы стать ошеломляющим ударом. За первые три с половиной века своего существования Рим добился столь незначительного прогресса, что до сих пор имеет город-соперник не более чем в десяти милях от своих ворот. Она сократилась до своего последнего оплота и вынуждена выкупать даже его. Тем не менее в течение еще полутора веков она бесспорно владеет всей Италией. Не без оснований высказывается предположение, что другие италийские народы пострадали от этого набега варваров еще больше, и что римское оружие, когда острый кризис миновал, встретило менее грозное сопротивление.

ССЫЛКИ:

[28] *Tumultus*.

[29] Очень похожая история рассказывается о приходе мавров в Испанию. Вполне возможно, что в обоих случаях захватчики могли получить помощь в виде указаний или информации от кого-то, кому нужно было отомстить за нанесенные обиды; но само национальное движение должно было иметь какую-то более глубокую и мощную причину.

[30] Эти офицеры, "военные трибуны с консульской властью", чтобы дать им полное название, иногда избирались вместо двух консулов. Согласно Ливию, это происходило почти пятьдесят раз в период с 445 по 367 год до н. э. Причиной такого решения стали разногласия между патрициями и плебеями. Первые не могли примириться с идеей плебейского консула. После примирения двух орденов компромиссом, известным как *Лициниево рогации*, это больше не повторялось.

II

АПОЛЛОН-ЗАЩИТНИК

Нам нет необходимости проследить историю Рима и галлов во всех подробностях. Раз за разом мы видим, как они вступали в союз с народами Италии, когда те воевали с великой державой, которая медленно принуждала их либо к подчинению, либо к союзу. Например, они сражаются бок о бок с самнитами при Сентинуме (295 г. до н. э.) и с этруриями у Вадимонова озера (283 г. до н. э.). Но в течение долгого времени после 390 года они не совершали по-настоящему грозных нападений на Рим. Начало третьего века до нашей эры было периодом сильных волнений среди племен по обе стороны Альп. В 279 году это вылилось во вторжение в Южную Европу, настолько грозное, что, хотя Рим не сразу принял в нем участие, о нем необходимо рассказать.

Согласно рассказу Павсания, который вводит эту историю в качестве отступления в своем описании Дельф, галлы вторглись в Грецию под предводительством некоего Бреннуса, того же имени, которое, как можно заметить, носил завоеватель Рима (слово *Brennus*, как говорят, означает "король"; но кельтские ученые не пришли к единому мнению по этому поводу). Его войска, как говорят, насчитывали 150 000 пехоты - цифра, по которой власти довольно единодушны, а конница, по разным оценкам, составляла от 60 000 до 10 000 человек.[31] Греки, хотя и находились в очень подавленном состоянии, воспрянули духом, чтобы оказать сопротивление. Это был не выбор, как два столетия назад, между свободой и рабством; это был вопрос жизни или смерти. Варвары не щадили никого, и если не остановить их продвижение, Греция превратится в пустыню. Выстоять предстояло, как в старые добрые времена, при Фермопилах. Интересно сравнение сил, которыми руководил Леонид, с теми, что собрались сейчас. Самый многочисленный контингент представлял народ, который едва ли упоминается в истории Греции в ее лучшие времена, - это эйтолийцы. "Они были очень многочисленны и имели все руки", - говорит Павсаний. Их тяжеловооруженная пехота насчитывала 9 000 человек. Другие цифры он не приводит, или они исчезли из его текста. Все войско могло насчитывать от тридцати до сорока тысяч человек.

Битва, разыгравшаяся на перевале, закончилась с большим преимуществом греков. Галлы с их длинными и громоздкими мечами и громоздкими щитами не могли сравниться со своими противниками, хотя и сражались с отчаянной храбростью. Их кавалерия, самая сильная сила, которой они обладали, не могла действовать из-за особенностей местности. В результате они были отброшены назад с большими потерями, а у греков было всего сорок убитых.

Бреннус, который, судя по всему, обладал некоторыми военными способностями, видимо, осознал, что эйтолийцы составляют самую многочисленную и эффективную часть греческой армии. Он задумал отвлечь их, отправив отряд под командованием своего второго

командира разорять Этолию. Уловка удалась. Этолийцы, узнав о движении, поспешили выступить на защиту своей страны. Они опоздали, чтобы спасти два своих пограничных города, которые были взяты штурмом и разграблены самым жестоким образом. Но они успели вовремя, чтобы жестоко отомстить варварам. Из пятидесяти тысяч человек, отправившихся в эту экспедицию, в лагерь в Фермопиле вернулось меньше половины.

Последовавшие за этим события имеют любопытное сходство с историей первой обороны Фермопил. Путь, по которому персы, благодаря вероломству Эфиальта, смогли обойти защитников перевала с тыла, был вновь использован для той же цели. Фокийские пикеты, как и прежде, были удивлены: туман мешал им разглядеть галлов, пока те не подошли к ним вплотную. Но у греков не было упрямой решимости умереть на земле. Их унес афинский флот, который с самого начала был наготове, держась как можно ближе к берегу.

Объектом, возбудившим коварство варваров, стало святилище в Дельфах с его сокровищницей, все еще богатой подношениями многих поколений поклонников и искателей, хотя и не полностью избежавшей руки разорителя. [32\]](#) Как и во время персидской войны, испуганные жители спрашивали бога, должны ли они убрать или спрятать священное сокровище. И снова, как и прежде, ответ был таков: бог позаботится о своем. "Я обеспечу, и со мной девы в белых одеждах", - таковы были слова оракула. Большая часть армии, собранной в Фермопиле, разошлась по домам, но несколько тысяч человек остались защищать Дельфы. Бог не преминул воспользоваться их услугами, хотя самая эффективная защита была, как гласит история, от его собственного вмешательства. В течение дня землю, на которой галлы разбили свой лагерь, сотрясали подземные толчки, а над головой гремел гром и непрерывно сверкали молнии. Сквозь потемневшую атмосферу можно было разглядеть мелькающие руки воинов, которые были более чем смертны - среди них, как говорили, был герой Пирр, сын Ахилла, который встретил свою смерть в Дельфах много веков назад, и с тех пор ему поклонялись как местному герою. Однако в тот день, галлы держались уверенно; в частности, было убито много фокийцев. Но последовавшая за этим ночь принесла страшные страдания. Наступили резкие морозы, а вслед за ними выпал обильный снег. Снег символизировал "девиц, облаченных в белое" - так, по крайней мере, рационалистически объясняли это в последующие годы. Но и это было еще не все: огромные каменные массы с Парнаса, скатившись в лагерь варваров, одним ударом сокрушили до двадцати-тридцати человек. На следующий день греческий гарнизон в Дельфах выступил против захватчиков: основная часть атаковала спереди, а фокийцы, хорошо знакомые с местностью, напали с тыла. Галлы не испытывали недостатка в мужестве и стойкости. Сильно страдая от холода, они стойко держались и не отступали до тех пор, пока их предводитель не был тяжело ранен и в обмороке унесен с поля боя. И снова ночь оказалась более роковой, чем день. С наступлением темноты на лагерь обрушился панический страх. Варварам казалось, что они видят и слышат врагов повсюду, и они обратили оружие друг на друга. После этого их гибель была несомненна. Для войска, лишённого дисциплины, отступление смертельно опасно. У галлов не было запасов, так как они рассчитывали на страны, через которые проходили. Но теперь победоносный враг нависал над их тылом и отсекал всех, кто осмеливался отступить от основной армии. Голод и непрекращающиеся атаки преследователей сокращали их численность, пока от огромного войска, которое за несколько недель до этого обрушилось на Северную Грецию, не остался лишь мизерный остаток. Бреннус, как говорят, отравился, не в силах предстать перед своим народом дома после столь катастрофической кампании.

Павсаний рассказывает, что ни один из вторгшихся галлов не ушел из Греции живым. Вряд ли это правда; другие авторы рассказывают об этом иначе. Несомненно то, что одно

большое подразделение этой стаи, спустившееся с севера в Южную Европу, встретило совсем другую судьбу, чем та, что настигла Бреннуса. Она пошла более восточным путем и, грабя и разрушая все на своем пути, достигла берегов Геллеспонта. (По-видимому, это произошло в 278 году до н. э., в год, следующий за тем, когда были атакованы Дельфы). Галлы бросали жадные взгляды на богатые территории Азии, теперь отделенные от них лишь узкой полосой воды, и так или иначе пытались добраться до них. Один отряд захватил несколько небольших судов и лодок и, не встречая сопротивления, переправился на них; другой переправил азиатского греческого принца, который боролся со своим братом за царство Вифиния. Они обеспечили ему победу, но Вифиния, да и вся западная часть Малой Азии, дорого заплатили за их помощь. Их история в течение следующих нескольких лет очень туманна, но мы можем предположить, что они кочевали из провинции в провинцию, опустошая все страны, по которым проходили. Недружелюбные жители Малой Азии были совершенно бессильны остановить их. Через двенадцать лет Антиох, царь Сирии, сын одного из великих полководцев, воспитанных Александром, взялся за дело и выполнил его с таким успехом, что получил прозвище *Сотер*, "Спаситель". Он не смог изгнать их; на самом деле, их власть была настолько далека от того, чтобы быть сломленной, что в 261 году Антиох погиб в битве с ними. Но общим результатом войны стало то, что захватчики с радостью обосновались в уступленной им области, известной под названием Галатия, или Галло-Пекия. Впоследствии галаты сыграли важную роль в истории. Но это нас сейчас не касается.

ССЫЛКИ:

[31] Павсаний говорит, что у каждого воина было два конных сопровождающих, которые сами были опытными воинами и готовы были предоставить ему свежую лошадь или даже занять его место в строю. Поэтому они должны были обладать большой мобильностью - фраза, с которой мы в последнее время очень хорошо знакомы.

[32] Сокровищница была ограблена фокийцами в 346 году в ходе так называемой Второй священной войны. Фокийцы были приговорены к возмещению ущерба путем уплаты штрафа в размере 10 000 талантов (2 500 000 фунтов стерлингов), но можно с уверенностью сказать, что они никогда не были в состоянии выплатить эту сумму. С другой стороны, мы можем быть уверены, что за прошедшее время было сделано множество подношений, а поскольку казна оставалась нетронутой в течение двадцати лет, в ней, вероятно, хранились значительные богатства.

III.

РОЙ С СЕВЕРА

В течение полутора столетий после событий, описанных в моей последней главе, не происходило никаких важных передвижений северных народов на юг. Уничтожение одного большого галльского войска и постоянное расселение другого в Западной Азии, должно быть, уменьшило население региона за Альпами и ослабило давление на средства к существованию. Рим не был призван встретить мощную армию захватчиков; удачное обстоятельство, если принять во внимание истощение, которое должно было последовать за ужасной борьбой Второй Пунической войны. После войн первой половины II века до н. э., которые практически свели преемников Александра на нет, Рим даже начал продвигать свои границы на север.

Любопытно, что эти успехи привели к тому, что на Республику обрушилось более грозное нападение, не считая вторжения под предводительством Бреннуса, чем то, с которым ей приходилось сталкиваться раньше. В течение нескольких лет до 113 года до н. э. в регионах к северу от Дуная бродил бездомный народ под названием кимвры - слово, которое друзья и враги по-разному переводили как "чемпионы" или "разбойники". Это слово наводит на мысль о хорошо известном названии *Cymri*, но сходство звучания обманчиво. На самом деле кимвры принадлежали к германскому племени. На самом деле остатки племени сохранили это название на долгие годы в том месте, которое, по-видимому, было их первоначальным местом обитания - на полуострове Дания. Какая причина побудила их двинуться на юг, точно сказать нельзя. Один древний писатель записал дошедший до его слуха рассказ о том, что большие участки земли, занимаемые племенем на берегах Балтики, были затоплены морем, а их жители были вынуждены мигрировать или голодать. Эта история казалась невероятной тому, кто ее сохранил. Нам же, легко находящим параллель в истории великих переселений человечества, она не кажется неправдоподобной. И это все, что мы можем сказать в отсутствие доказательств, которые вряд ли появятся. В течение времени кельтские племена, занимавшие берега Дуная, не пускали кимвров к этой реке. Но когда кельты были серьезно ослаблены римскими войсками, они больше не могли, а может быть, и не хотели продолжать это сопротивление. Вполне вероятно, что они приняли в качестве союзников людей, которых привыкли считать врагами. Одно можно сказать с уверенностью: либо тогда, либо во время своих предыдущих скитаний кимвры пополнили ряды своих хозяев многими кельтскими товарищами. Кельты были лучше вооружены, более продвинуты в военном искусстве и, что особенно важно, лучше знакомы с римскими методами ведения войны. Поэтому мы не удивляемся тому, что среди предводителей вторгшегося войска, которое в основном было германским, встречаются имена несомненно кельтских племен.

Движение имело новый для римлян масштаб и характер. Это была не экспедиция воинов. Пришел весь народ. У кимвров было огромное количество повозок, в которых находились их жены, дети и все, что им принадлежало. Между ними было любопытное сходство - нечто подобное можно увидеть сегодня на кораблях скандинавских эмигрантов, ибо все они были огромного роста, женщины немногим уступали мужчинам, и все были светловолосыми. Из оружия у них были копье и длинный меч; каждый мужчина носил длинный узкий щит, а вожди были защищены почтовыми плащами.

Первые отношения между римлянами и кимврами были не иначе как дружескими. Папирий Карбо, консул, командовавший римской армией, потребовал от них воздержаться от вмешательства в дела тавров, кельтского племени, обитавшего на северном берегу Дуная, на том основании, что они находятся в союзе с Римом. Кимвры не отказались повиноваться. Тогда Карбо совершил позорный акт вероломства, который, как мы увидим, был вознагражден по заслугам. Он предложил чужеземцам проводников, которые должны были привести их в регион, который они могли бы занять без помех. На самом деле эти проводники должны были привести кимвров в засаду, которая была тщательно подготовлена для них. Заговор в какой-то мере удался, но результат оказался совсем не таким, как ожидал Карбо. Кимвры повернули против своих предателей, нанесли им тяжелые потери и, если бы не своевременная сильная буря над полем боя, полностью уничтожили бы их.

Завоеватели не двинулись на юг, как можно было ожидать, а, пройдя на запад через Северную Швейцарию и Юго-Восточную Галлию, на некоторое время затихли. Однако им все еще нужна была земля, которую они могли бы назвать своей, и они попросили римского генерала, командовавшего на границе, помочь им ее получить. В ответ он напал на них, что не привело ни к чему лучшему, кроме ужасной резни в его войсках и потери его лагеря.

Кимвры отправили в Рим посольство, повторив просьбу, с которой они обратились к консулу, и в ожидании ответа занялись покорением своих кельтских соседей.

После поражения Карбо прошло уже восемь лет, и неожиданная передышка, которой пользовался Рим, подошла к концу. Кимвры, разочарованные тем, что не получили ответа на свои требования из Рима, и понимая, что вторжение в Италию выгоднее, чем борьба за менее желанные области в Галлии, под командованием своего короля Бойорикса двинулись к Роне. У римлян на месте было не менее трех армий. Первой была атакована самая слабая из трех, которой командовал бывший консул Эмилий Скавр. Она была разбита, а ее командующий взят в плен. Приведенный к королю Бойориксу, Скаурус предупредил захватчика, чтобы тот не смел вторгаться в Италию, и был предан смерти за самоуверенность. Две оставшиеся армии были сосредоточены в Араузио, на левом берегу Роны. К несчастью, два командующих офицера были врагами. Они не стали занимать общий лагерь и не обсудили план кампании, которой должны были следовать. Результатом стала ужасающая катастрофа. Возможно, конфликта вообще можно было избежать. Даже после поражения Скавра две консульские армии выглядели настолько грозно, что Бойорикс выразил готовность заключить договор. Переговоры уже шли, когда бывший консул Сепион, уступавший по рангу консулу Максиму, совершил удивительный по своей глупости поступок. Опасаясь, что в случае успеха переговоров с кимврами вся слава достанется его коллеге, он напал на врага с силами, находившимися под его непосредственным командованием. Битва при Араузио, состоявшаяся 6 октября 105 года, была не менее фатальной, чем при Аллии и Каннах, за ней последовало поражение другой армии. Восемьдесят тысяч солдат, как говорят, были убиты на поле боя или погибли при отступлении.

В Риме в результате произошло нечто похожее на революцию. Политическая история того времени не входит в мою компетенцию. Поэтому достаточно будет сказать, что верховное командование было возложено на самого известного полководца того времени К. Мариуса. Его сделали консулом, несмотря на закон, запрещающий специально избираться на этот пост, и он оставался на этом посту пять лет подряд.

Кимвры так и не осуществили своего намерения вторгнуться в Италию. Они отклонились в сторону, чтобы разграбить юго-западную Галлию и даже перейти Пиренеи в Испанию. Марий воспользовался этой задержкой, которая, надо сказать, стала спасением для Рима, чтобы укрепить оборону Северной Италии, вернуть к верности колеблющиеся племена Цизальпинской Галлии и найти себе помощников среди народов, у которых было не меньше причин, чем у самого Рима, опасаться успеха цимбрийцев.

Теперь этот народ получил значительное подкрепление. К ним присоединились некоторые племена гельветов, а также тевтоны, старые соседи в Северной Европе, которые теперь, по любопытной случайности, оказались связаны с ними в их вторжении на юг. Первым намерением союзников было пробиться в Италию одной огромной армией. От этой затеи отказались, вероятно, из-за механических трудностей, связанных с транспортировкой. В итоге было решено, что тевтоны с гельветским племенем амбуронов и кимврийским контингентом должны были вторгнуться в Италию через западные перевалы Альп, а кимвры, также усиленные некоторыми гельветами, должны были попытаться пройти через перевалы на востоке. Именно о первом из этих двух подразделений я и хочу рассказать в первую очередь.

Марий занял позицию в сильно укрепленном лагере у слияния Роны и Изера. Здесь он решительно отказался рисковать в сражении. Речь шла не о победах и триумфах, как он представлял нетерпеливым духам своей армии, а о безопасности Рима, которая была бы утрачена, если бы последняя армия потерпела поражение. Для солдат, которые были не менее нетерпеливы, он использовал различные аргументы, взывая, например, к их суеверию. Он утверждал, что владеет оракулами, обещающими Риму решительную победу, которая, однако, должна быть одержана в определенном месте и в определенное время. В его лагере была пророчица, сирийка, очень возможно, иудейка по происхождению, с которой он советовался и которая, как мы можем предположить, подстраивала свои ответы под его представления о военных нуждах того времени. Бездействие римлян подтолкнуло варваров к нападению на лагерь. Они были легко отбиты и быстро отказались от этой попытки, продвигаясь вперед, как будто римскими силами можно было спокойно пренебречь. В течение шести дней они с огромным количеством воинов и багажа проходили мимо лагеря, издавая на ходу оскорбительные крики. Когда они прошли, Марий разбил свой лагерь и последовал за ними. Однако он не ослаблял своих мер предосторожности. Каждую ночь он выбирал сильную позицию для своего лагеря и укреплял ее, чтобы противостоять нападению. При Акве Секстие (Экс)[33] он решил вызвать противника на бой.

Рассказывали, что он специально выбрал для своего лагеря место, где не хватало воды, а когда солдаты пожаловались, он указал на реку, протекавшую недалеко от позиции варваров, сказав: "Там есть питье, но вы должны купить его кровью". "Тогда уходим, - кричали солдаты, - пока в наших жилах еще течет кровь". Марий настоял на том, чтобы они сначала укрепили лагерь. Легион был слишком дисциплинирован, чтобы не послушаться его, но нашлись и менее дисциплинированные, и столкновение с врагом произошло еще до конца дня. Последователи лагеря, у которых не было воды ни для своих животных, ни даже для самих себя, , вооружившись, как могли, спустились к реке. Здесь они столкнулись с амбурусами, которые, застигнутые врасплох, вскоре вернули себе мужество и, подняв боевой клич, который описывается как ужасающий звук, двинулись в путь, чтобы отразить новоприбывших. Легковооруженные лигурийцы с римской стороны пришли на помощь своим товарищам, и их снова поддержали некоторые регулярные войска. Это была скорее крупномасштабная стычка, чем сражение. Римляне одержали верх, но они далеко не чувствовали себя уверенными завоевателями. Ночь они провели под оружием, ожидая с минуты на минуту нападения на свой лагерь.

Варвары, однако, были менее уверены в себе, чем предполагал Марий. Два дня они бездействовали, и даже после этого не они бросили вызов. Марий, обладавший большими полководческими способностями, присмотрел в тылу врага удобное место, где можно было бы устроить засаду. Здесь он разместил три тысячи человек под командованием Марцелла. В последовавшем затем сражении неожиданный натиск этого войска на тылы варваров во многом решил исход дня. Атакованные как с фронта, так и с тыла, тевтоны сдались. Сдаться в таких обстоятельствах означало полное уничтожение. Каково было число убитых и пленных, сказать невозможно. Леви говорит, что 200 000 было убито, 180 000 взято в плен. Другие авторитеты уменьшают число убитых вдвое. Однако одно можно сказать точно: тевтоны прекратили свое существование. Те, кто не пал на поле боя или в бою, покончили с жизнью сами. Женщины также покончили с собой, чтобы не попасть в руки врага. Любопытно, что название племени сохранилось у остатков, оставшихся на прежнем месте, когда великое воинство ушло на юг, и что теперь оно используется для обозначения одной из великих семей человеческой расы. Марий как раз собирался поджечь огромную кучу трофеев убитых, когда на поле прибыли гонцы из Рима, сообщившие, что он в пятый раз избран в консулы.

Но Рим еще не избавился от опасности, ведь с кимврами еще предстояло разобраться. Они прорвались в Италию, и Лутаций Катул, коллега Мария по консульству, оказался не в силах их остановить. Первоначально он намеревался защищать перевалы в Тироле, но отказался от этой идеи и занял сильную позицию на Атезисе (Адидже). Но даже здесь он не чувствовал себя в безопасности. Его войска действительно были так напуганы сообщением о наступлении варваров, что отказались оставаться, и Катул, воспользовавшись необходимостью, поставив себя во главе их, отступил на южную сторону По, оставив богатейшие равнины Северной Италии на милость врага.

Когда известие об угрожающем положении дел достигло Рима, Марий был вызван в столицу, чтобы посоветоваться о том, какой курс следует выбрать. Как только он прибыл, народ, у которого он был в самом высоком расположении, предложил ему триумф за победу над тевтонами. Он отказался принять эту честь до тех пор, пока кимвры оставались на римской земле. Он сразу же отправился на север и, призвав к себе *эли*ту своих легионов, отправился на подмогу Катулу. Он соединился с этим полководцем у Верцелл (Верчелли). Кимвры, по-видимому, не слышали о катастрофе, постигшей тевтонов, и отложили сражение в надежде на то, что они присоединятся к ним. Они даже отправили посланников к римским генералам, требуя выделения земли для себя и своих сородичей. "Мы дали твоим сородичам их удел, и вряд ли их в нем потревожат", - с мрачным юмором ответил Марий. "Вы дорого заплатите за свою шутку", - ответили они и приготовились уходить. "Нет, - сказал римлянин, - вы не должны уходить, не поприветствовав своих родственников", и приказал привести пленных королей тевтонов, которые были захвачены при попытке перейти Альпы. После этого оставалось только сражаться с минимальной задержкой.

Поражение кимвров в битве при Ваггонах.

Объединенные силы римлян насчитывали от 50 000 до 60 000 человек. У нас нет достоверного рассказа о последовавшей за этой битве: повествование Плутарха заимствовано, похоже, у писателей, не благоволивших к Марию, у самого Катула, который оставил историю своей кампании, и из записной книжки Силлы, служившего вместе с Катулом. Он рассказывает, что Марий сбился с пути в пыльной буре, внезапно пронесшейся

над равниной, и тщетно блуждал в поисках врага, пока битва не была практически решена мужеством войск под командованием Катула и его лейтенанта Суллы. Однако несомненно, что в Риме заслуга победы в основном принадлежала Мариусу. Однако в отношении одной части битвы сомнений нет. Никогда еще не было более трагического зрелища. Сцена, завершившая день у *Акве Секстии*, повторилась в большем масштабе и с новыми ужасами у *Кампи Раудии*.^[34] Кимврийские женщины стояли на повозках, одетые в черное. Они резали беглецов, когда те пытались найти временное убежище за баррикадой, не щадя ни отца, ни брата, ни мужа. Затем они резали их детей и, наконец, покончили с собственной жизнью. Однако в плен было взято до шестидесяти тысяч человек, а число павших на поле боя, как говорят, было вдвое больше. Кимвры погибли так же безвозвратно, как и тевтоны.

Триумф, который праздновали Марий и его соратники по возвращении в Рим, был действительно заслуженным, если учесть последствия победы, в награду за которую он был дан. Более двух столетий Риму не приходилось вновь бороться за свою жизнь с варварскими врагами. Ее армии, правда, не раз терпели серьезные поражения, но эти поражения были нанесены в ходе агрессивных кампаний. А если, как это легко могло случиться, ее границы иногда пересекались, то речь шла лишь о полчищах случайных грабителей, чьи передвижения не влияли на общий ход событий.

ССЫЛКИ:

^[33] Примерно в 15 милях к северу от Марселя. Разумеется, его следует отличать от Экс-ле-Бена.

^[34] Место определить невозможно, но оно должно было находиться недалеко от Верселле.

IV

ЗА ПИРЕНЕЯМИ

Мы видели, как Карфаген, изгнанный с островов, принадлежавших Италии, нашел компенсацию в Испании. Когда вопрос о Второй Пунической войне был решен не в ее пользу, а ее владения ограничились Африкой, Испания перешла в руки римлян. Большая часть страны, однако, никогда не признавала власть ни одной из держав, и потребовалось два столетия усилий, чтобы она стала тем, чем была в течение первых трех веков нашей эры, - самой полностью латинизированной из всех римских провинций.

Карфагеняне были окончательно изгнаны из Испании в 206 году. Мы можем быстро пробежаться по следующим пятидесяти годам. Постепенно римская власть продвигалась вперед, пока весь полуостров, за исключением некоторых горных районов на севере и в центре, не оказался под ее властью. Восстания случались часто, ведь римская система заключалась в том, что губернаторы провинций менялись почти из года в год, а некоторые из этих чиновников были жестоки и склонны к вымогательству. Поскольку я не собираюсь писать историю ни Рима, ни Испании, я должен ограничиться самыми важными и показательными личностями и событиями.

Вириатус был уроженцем Лузитании, области, почти соответствующей той, что сейчас называется Португалией. Его ненависть к римлянам проистекала из позорного акта предательства, от которого его соотечественники пострадали от рук одного из римских

генералов. Этот человек выразил свою жалость к бедности их страны, которая заставляла их, по его словам, грабить своих соседей. Он дал бы им, если бы они доверились ему, земли, которые стоило бы возделывать. Он истреблял их отрядами, причем один отряд оставался в неведении о судьбе тех, кто ушел раньше. Вириатус был одним из немногих, кому удалось спастись.

Только через некоторое время он добился полного доверия своих соотечественников и смог собрать армию, с которой мог встретиться с противниками в поле. Первый большой успех был одержан в 147 году до н. э., когда пропретора Ветилия заманили в засаду и разбили. Ветилий был взят в плен и убит своими похитителями, которые, увидев лишь "очень толстого старика", не признали его ценности. Одновременно погибло две пятых десяти тысячной армии. Еще одна катастрофа произошла в следующем году. Римский полководец Плауций был обманут притворным отступлением и понес большие потери в людях. Положение дел казалось настолько серьезным, что власти в Риме решили послать к месту военных действий большой отряд и такого способного полководца, какого только смогли найти. Выбор пал на Фабия, брата младшего Сципиона и, следовательно, сына знаменитого завоевателя Македонии.^[35] Прежде чем Фабий смог добраться до места военных действий, другая римская армия была почти уничтожена. Сам Фабий некоторое время мало что мог сделать. Ему приходилось довольствоваться тем, что приводить в порядок свои войска, набранные недавно. Однако на второй год своего командования он нанес Вириату тяжелое поражение и вынудил его покинуть римскую территорию.

Война продолжалась с переменным успехом в течение четырех лет. В 141 году до н. э. она, казалось, завершилась в пользу лузитанцев и их доблестных лидеров. Вириат застал врасплох римскую армию, которая осаждала один из лузитанских городов, и нанес ей такие большие потери, что она была вынуждена снять осаду. При отступлении римляне запутались в узком проходе и были вынуждены сдаться. Вириат был умерен в своих требованиях. Лузитания должна была стать независимой, а ее жители - признанными союзниками и друзьями Рима. Этот договор был ратифицирован в Риме. Но честолюбие одного из римских полководцев и недобросовестность сената положили конец этому соглашению. Сервилий Цепион был разочарован тем, что война закончилась, и получил разрешение от сената, который не посмел отменить договор, начать частную войну с Вириатом. Вскоре случилось нечто, что дало нужный предлог, и Вириафа объявили врагом народа. Он отправил посланников в римский лагерь, чтобы договориться, если это возможно, об условиях мира. Обещаниями большого вознаграждения Цепион убедил их убить своего вождя. Они так и сделали, ударив его ножом в шею, когда он спал в своей палатке, полностью вооруженный. Удар был нанесен так искусно, что он умер без стога, а убийцы смогли скрыться в римском лагере. Однако от Цепиона они не получили ничего, кроме замечания, что римляне не одобряют и не могут наградить солдат, убивших собственного генерала. Радостно констатировать разочарование таких злодеев, но нелегко понять ту безудержную уверенность, с которой римские историки восхваляют *"пуническую веру"* Ганнибала, как они ее с удовольствием называют. Война продолжалась еще некоторое время, но лузитаны не смогли найти компетентного преемника Вириату и были вынуждены покориться.

Но Испания еще не была покорена. Место военных действий было перенесено в Нумантию (ныне Гарай в верховьях реки Дору). Хотя город не был обнесен стеной, это было очень сильное место, окруженное лесом, расположенное на крутых скалах и защищенное двумя реками. С одной стороны он был сильно укреплен. Боевая сила, которую он мог собрать, была невелика - не более восьми тысяч человек, но лучших бойцов не было во всей Испании. Генерал сменял генерала в римском лагере, но продвижения не было. Наконец жители Рима

стали проявлять нетерпение. По их словам, в Карфагене были те же разочарования и бесхозяйственность, и они должны нанять того же человека, чтобы положить им конец. Сципион Африканский был избран. Он отказался брать людей из списка. В Испании, по его мнению, было достаточно солдат. Не было недостатка и в добровольцах, привлеченных его замечательным престижем, среди которых была рота из пятисот человек, которой он дал название "Рота друзей"[36]. Даже их он оставил следовать за собой, пока спешил сделать для осаждающей армии в Нумантии то, что десять лет назад он сделал в Карфагене. Он очистил ее от праздной и беспутной толпы, среди которой особо упоминаются прорицатели, к которым, по словам историка, вечно обращались деморализованные страхом солдаты. Вертел, медный горшок и одна чашка для питья - вот и все, что полагалось для столовой; рацион был сокращен до вареной или жареной плоти (хлеб, надо полагать, хотя о нем не упоминается). Короче говоря, все роскоши были изгнаны, и некоторые из них, конечно, казались немного странными, например, банщики. "Твоих мулов, - сказал он, - нужно растереть, потому что у них нет рук, а у тебя есть". Очистившись, он принялся закалять своих людей упражнениями, избегая сражений, пока не посчитал их пригодными для этого. Интересно, что зимой этого года к нему присоединился контингент африканских войск под командованием Югурты, внука старого царя Масиниссы.

Римляне имели подавляющее превосходство в численности, и для такого терпеливого и умелого полководца, каким был Сципион, это был лишь вопрос времени, чтобы сделать сопротивление невозможным. Река, которую осажденные считали очень полезной для связи с внешним миром и пополнения своих запасов, была закрыта от них хитроумными приспособлениями. Весь город, имевший в окружности пятнадцать миль, был плотно укреплен, а для защиты осадных сооружений от внезапного нападения была организована система сигналов. Тридцать тысяч человек постоянно охраняли башни и валы; еще двадцать тысяч были готовы к нападению в любой момент, когда Сципион сочтет нужным; кроме того, имелся резерв в десять тысяч человек. Каждый человек из всего этого числа имел свое место, которое ему разрешалось покидать только по прямому приказу. Осажденные не теряли надежды повредить осадные сооружения и часто предпринимали атаки, но они были тщетны против столь тщательно продуманной системы, которая, к тому же, пользовалась неустанным вниманием того, кто ее создал. Не проходило ни дня, ни ночи, чтобы Сципион не посетил весь круг инвеституры. В конце концов, Нумантия пала не благодаря превосходящей силе, а под давлением голода. Было отправлено посольство с просьбой об условиях. Сципион, знавший от дезертиров, в каком отчаянном положении находится город, потребовал безоговорочной капитуляции. Несчастные люди, которые принесли этот нежелательный ответ, были убиты своими разъяренными соотечественниками. Но другой альтернативы, кроме смерти, не было. Так решило подавляющее большинство; несколько сотен вышли к завоевателю, представляя собой жалкое зрелище, такое убогое, истощенное и при этом такое дикое, какого никто никогда не видел. Сципион выбрал пятьдесят несчастных для украшения своего триумфа; остальных он продал в рабство. Надо признать, что римляне не были великодушными врагами, ведь Сципион отличался среди своих соотечественников гуманностью и культурой. И все же это было лучшее обращение, которое он мог себе позволить по отношению к врагам, настолько храбрым, что он так и не решился напасть на их город.

Серторий - замечательная, можно сказать, восхитительная фигура, но история долгой борьбы между ним и римскими генералами едва ли относится к моей теме. Однако она не совсем не связана с ней. Политическая жизнь в Риме не впадала в привычные эксцессы, которые были так прискорбно распространены в греческих государствах. Когда аристократ

Кориолан повел войска вольсков против собственной страны, этот поступок был исключительным. Серторий был демократическим Кориоланом.

Серторий добился значительных успехов как солдат в кампаниях против кимвров и тевтонов. Когда консул Цепион потерпел поражение, он едва спас свою жизнь, переплыв Рону в полном вооружении; он сражался при Акве Секстие, оказав хорошую услугу, проникнув в лагерь тевтонов в качестве шпиона. Когда началась Гражданская война, он выступил за демократическую партию. После различных перемен в судьбе аристократы одержали победу, и тогда Серторий оказался в самом сложном положении. Демократические лидеры дали ему командование в Испании не только для того, чтобы избавиться от него, поскольку он был слишком благороден для них, но и по какой-либо другой причине. Постепенно он оказался в положении врага. Он противостоял походу консульской армии, отправленной римским правительством через Пиренеи, переправился в Африку, когда уже не мог оставаться в Испании, и снова вернулся, чтобы принять командование над лузитанами, когда это племя восстало против Рима. Здесь к нему присоединились другие приверженцы демократической партии, самым важным из которых был некий Перпенна, который привел с собой значительные силы и стал его вторым командиром. Все это время, ведя войну с римскими консулами и проконсулами, он претендовал на роль римского правителя Испании, учредив, например, сенат, в который не принимали никого, кроме римских граждан. В 77 году до н. э. Помпей, который уже прославился как солдат - в возрасте двадцати пяти лет он удостоился чести триумфа, - был отправлен в Испанию. Но Помпей считал свою задачу более чем посильной. Он одержал, правда, победы над лейтенантами Сертория, но не мог претендовать на решающий успех над самим великим человеком. В большой битве на берегу Сукро он был разбит, потеряв шесть тысяч человек. В течение трех последующих лет он также не смог добиться значительных успехов. Что произошло за это время на самом деле, сказать нелегко. По одним данным, Серторий стал самодуром и произволом; по другим - его римские коллеги по командованию, многие из которых были лучшего происхождения, чем их начальник, завидовали ему. Несомненно то, что он пал от руки римлян. В 72 году до нашей эры он был убит по приказу Перпенны. Перпенна оказался совершенно не готов к тому положению, которое он надеялся занять благодаря смерти своего вождя. Он потерпел поражение в первой же битве, которую провел с римскими войсками, и был взят в плен. Чтобы спасти свою жизнь, он предложил передать в руки Помпея личные письма Сертория. Многие из них были отправлены из Рима и, вероятно, могли скомпрометировать различных знатных особ. Помпей приказал сжечь письма и казнить Перпенну.

Один испанский народ, кантабры, представленный современными басками, все еще сохранял свою независимость. Они были окончательно покорены лишь через пятьдесят лет после смерти Сертория, и даже тогда за ними приходилось следить и поддерживать порядок. Однако Испания в целом стала наиболее итальянской по манерам и речи из всех провинций Рима.

ССЫЛКИ:

[35] [Æmilius Paullus](#). Этот сын был усыновлен в семье Фабиев.

[36] Возможно, в память о королевских спутниках в армии Александра Македонского, см. с. 130.

ЧЕРЕЗ ЕВФРАТ

Нельзя обойти вниманием одного из самых грозных врагов, с которыми когда-либо сталкивался Рим, - Митрадата, царя Понтийского. Митрадата, действительно, трудно было назвать варваром. У него был вкус к искусству и литературе, он держал музей греческих и персидских древностей и играл роль щедрого покровителя поэтов и философов. Но в душе он был варваром, диким и жестоким в обращении со своими сородичами и слугами, не имевшим ни малейшего представления о просвещенном правлении. Рим, какими бы деспотичными и недальновидными ни были его отдельные граждане, был проводником цивилизации, и его окончательный триумф над Понтийским царем, самым способным, можно сказать, из восточных правителей, с которыми он вступил в связь, был направлен на общее благо человечества.

Митрадат вступил на понтийский престол в ранней юности. С самого начала он вынашивал честолюбивые планы по расширению своих владений. Сначала его усилия были направлены против соседей на севере и востоке; когда он попытался расширить свои границы на запад, то, естественно, столкнулся с римлянами. Нет необходимости вдаваться в подробности, достаточно сказать, что война была объявлена в 89 году до нашей эры. Это время очень хорошо подходило Митрадату, так как Рим оказался в очень беспомощном состоянии. Так называемая Социальная война, *то* есть восстание италийских союзников против Рима, все еще продолжалась, и не было практически никакой армии, чтобы встретить огромное войско, почти 300 000 человек, которое царь вывел на поле боя. Все, что могли сделать римские офицеры в Малой Азии, - это запереться в укрепленных городах, которые они надеялись удержать против царя. Теперь Митрадат отдал приказ о действии, которое было столь же глупым, сколь и нечестивым. Он находился в Эфесе - этот факт показывает, как мало осталось до Рима, - когда приказал предать смерти всех италийцев, проживающих в Малой Азии. Если бы он сказал "римляне", а не "италийцы", то, возможно, добился бы объединения с собой италийских противников Рима. Как бы то ни было, он безнадежно оттолкнул их от себя.

Он также не стал более симпатичен своим новым подданным в Азии. Они обнаружили, что, сменив хозяина, потеряли гораздо больше, чем приобрели. Римляне часто были деспотичны, но у них была хоть какая-то система, и они, по крайней мере теоретически, подчинялись закону; царь же был капризным тираном, чьи прихоти, часто столь же жестокие, сколь и странные, должны были мгновенно исполняться под страхом смерти или пыток. В итоге Митрадат был побежден повсюду. Армия, которую он направил в Грецию, была уничтожена. В Азии его оружие было столь же безуспешным. Попытка найти общий язык с политическими противниками Суллы - некоторые из демократических лидеров были фактически в оружии - ни к чему не привела. Наконец, в 84 году был заключен мир. Царь должен был отказаться от всех своих завоеваний, выдать для наказания людей, принимавших участие в резне, и выплатить военную компенсацию в размере 20 000 талантов[37].

После несколько неспокойного десятилетнего мира война вспыхнула вновь. Каждая сторона с подозрением относилась к другой. Митрадат неустанно занимался увеличением своих владений во всех направлениях, где он не вступал в фактическое столкновение с Римом. Рим, с другой стороны, умел получать в наследство царства, очень досадуя на тех, кто считал

себя обладателем лучшего права на наследство. Например, в 75 году до н. э. она получила во владение Вифинию, которую всегда жаждал Митрадат, в соответствии с завещанием Никомеда III. Царь, естественно, обиделся на такие действия и, видя в этом перспективу поставить своего великого врага в невыгодное положение, объявил войну. Он надеялся, что Серторий в Испании отвлечет внимание в свою пользу, а также рассчитывал на помощь пиратов, кишящих в Средиземном море.

Эти надежды оправдались лишь частично. Серторий был уже близок к концу своей карьеры, и его можно было практически игнорировать. Митрадат добился нескольких успехов то тут, то там, но ему противостоял очень способный солдат Лукулл. После нескольких месяцев боев ему пришлось бежать из своего царства и укрыться у своего зятя, Тиграна, царя Армении.

Теперь Лукулл решился на очень смелый поступок. Он отправил к Тиграну посланников с требованием выдать Митрадата. Разумеется, ему было отказано, как и ожидал и даже предполагал Лукулл. Тогда римский полководец перешел Евфрат и двинулся на Тигранокерту. Это был новый город, созданный Тиграном и носивший его имя. Он заселил его жителями, взятыми, по примеру восточных царей, из покоренных или просто подвластных племен, и снабдил его всеми удобствами и украшениями греческой цивилизации. Высота его стен, по словам историка, составляла семьдесят футов, и они должны были быть огромными, если в них были парки и озера. Лукулл осадил город, хотя вряд ли у него было достаточно сил, чтобы вложить в него деньги. Вскоре Тигран выступил на помощь. Сначала он просто отказался поверить в то, что римляне могли совершить столь дерзкое наступление, и с дикостью, удивительно контрастирующей с его цивилизованностью, приказал распять гонца, принесшего нежелательные новости. Узнав правду, он собрал огромную армию - 250 000 пехоты и 50 000 кавалерии, как сообщают нам историки, - и двинулся в поход на Лукулла.

Митрадат был рядом со своим зятем и настоятельно советовал ему не рисковать в битве. "Используй свою кавалерию, чтобы отрезать его от припасов", - советовал он, ибо старый царь знал, какими бывают римские солдаты, когда ими руководит такой полководец, как Лукулл. Тигран посмеялся над этим благоразумным советом. Он не мог представить себе, что горстка людей, которая была всем, что римляне могли ему противопоставить, сможет противостоять армии, которая была почти в двадцать раз многочисленнее. Лукулл разделил свои небольшие силы, оставив часть для осады города, а сам с остальными отправился на встречу с Тиграном[38].

Последовавшее за этим сражение было одним из самых выдающихся в истории, его можно поставить в один ряд с Марафоном, ведь шансы на победу были по меньшей мере столь же велики, как и у всех, о которых мы имеем сведения. К сожалению, для славы Лукулла не нашлось никого, кто мог бы рассказать эту историю так, как ее следовало бы рассказать. Стратегия Лукулла заключалась в том, что лидер регулярной армии, действующий против недисциплинированного войска, несколько раз с успехом применял - он обходил своих противников с фланга. Что мы можем понять из рассказов, которые нелегко примирить, так это то, что римская кавалерия предприняла фронтальную атаку или, скорее, угрожала ей. Она продвигалась вперед, и затем отступала, казалось, в панике, а азиаты преследовали в стремительной спешке. Тем временем пехота незаметно совершила фланговое движение. Напав на тыл армии, они обратили в бегство лагерников; те прорвали ряды пехоты; пехота, в свою очередь, повергла в смятение всадников. Паника, поднятая огромной, неуправляемой численностью азиатского войска, только усугубила ее. Преследование было яростным и беспощадным. Лукулл пригрозил самыми суровыми наказаниями любому солдату, который хоть на мгновение отступит в сторону, чтобы набить себя добычей. На протяжении

пятнадцати миль дорога была усеяна дорогими цепями и браслетами, которые никто не подбирали. Когда погоня закончилась, солдатам разрешили присвоить все сокровища, которые они смогли найти. *Пять* римлян, и только пять, как говорят, были убиты. Счет убитых врагов шел на десятки тысяч.

Эта великая победа не имела, правда, того постоянного результата, которого можно было ожидать. Эта неудача была вызвана слабостью правительства внутри страны и ревностью партий. Лукулл был стеснен в средствах и вынужден был делить свою власть с некомпетентными коллегами. Вскоре Тигран и Митрадат вернули себе все, что потеряли.

Но это было лишь временное ослабление римской власти. Народ, глубоко недовольный политикой, сделавшей столь блестящие победы непродуктивными, передал верховную власть в руки человека, которому он мог доверять. В 67 году до н. э. Помпей очистил Средиземное море от пиратов, а два года спустя положил конец долгой борьбе с Митрадатом. Тигран подчинился Риму и, сдав все свои завоевания, получил возможность сохранить свое наследственное царство Армению. Митрадат был вынужден укрыться в отдаленном районе на востоке Черного моря. Говорят, что он задумал смелый план - поднять племена к северу от этого моря и обрушиться на Италию, как обрушились на нее галлы и Ганнибал. Но у него не было средств для осуществления столь масштабного проекта. Его подданные, уставшие от постоянных поборов, восстали под предводительством одного из его сыновей, и он увидел, что ничего не остается, кроме смерти. Его жен и дочерей заставили или, возможно, предложили выпить яд. Он выпил его сам, но, как гласит история, так укрепил себя противоядиями, что лекарство не подействовало на него. Затем он приказал кельтскому наемнику оказать ему последнюю услугу ударом меча. После его смерти римское владычество было практически установлено до Евфрата. То, что оно не должно было распространяться дальше, практически доказали события, о которых я сейчас расскажу.

Через пять лет после падения Митрадата в Риме образовался так называемый Первый триумвират[39].

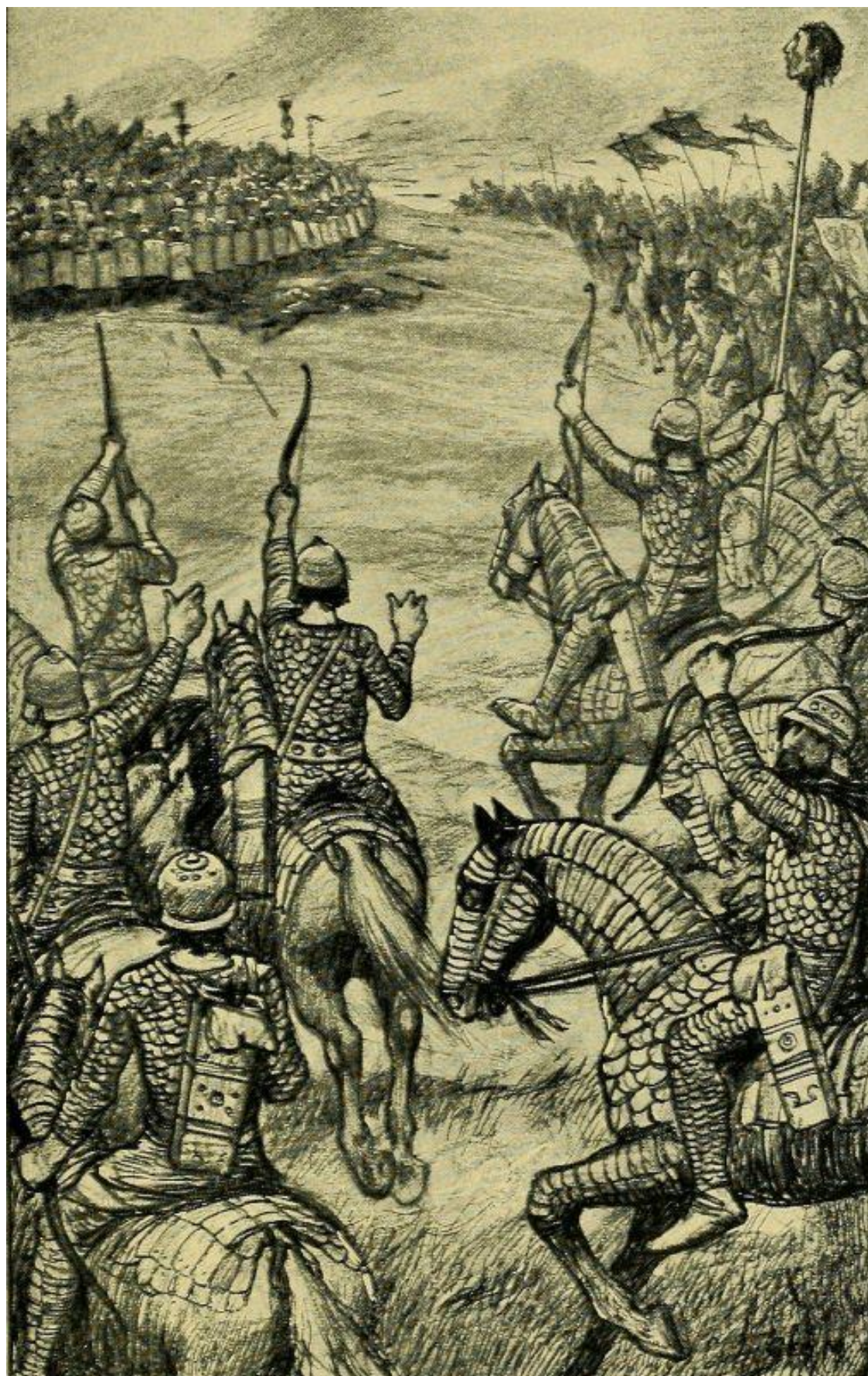
Из трех человек, входивших в него, Помпей завоевал большую репутацию как солдат, Сезар почти так же отличился благодаря победе в Галлии, а Красс, хотя и служил с честью не один раз, явно уступал в этом отношении своим коллегам. Он чувствовал, что такая неполноценность может сыграть против него, когда придет время делить трофеи. Именно на Востоке он искал желанную возможность. В регионе за Евфратом уже некоторое время царили беспорядки, и Рим, обвиненный в том, что он не соблюдал договор, был, конечно же, в них замешан. В 55 году до н. э., когда командование Цезаря в Галлии было продлено на второй пятилетний срок, Красс был избран консулом, а его коллегой стал Помпей. Провинцией, выделенной ему после года пребывания в должности, стала Сирия, и он покинул Рим еще до окончания года, чтобы принять командование. Он не встретил ничего похожего на всеобщее одобрение. В декрете, по которому он получил провинцию Сирия, ничего не говорилось о Парфии, но все знали, что на Парфию собираются напасть, и была сильная партия, которая то ли из благоразумия, то ли из чувства правоты решительно выступала против того, что явно было агрессивной войной. Один из народных трибунов попытался остановить его отъезд из Рима, фактически приказав своему сопровождающему задержать его силой. Попытка не удалась, он встал у ворот, через которые Красс должен был выехать, и на наспех сооруженном алтаре совершил какой-то таинственный обряд, посвятив голову Красса в жертву, произнося странные и ужасные проклятия. Но Красс упорствовал; прибыв в Брундизий, он не стал дожидаться благоприятной погоды, а сразу же переправился через море, не без значительных потерь в кораблях. Остаток пути он проделал по суше.

Когда он проходил через Галатию, его принимал князь этой страны Дейотар, тогда уже очень старый человек. Дейотар был занят строительством города, и Красс в шутку удивился, что в таком возрасте он должен заниматься подобным делом. "А ты, - ответил старик, - направляющийся в Парфию, еще не совсем в юности". Крассу было шестьдесят, а выглядел он, как нам говорят, значительно старше.

Его первые операции после прибытия были довольно успешными, но благоприятного впечатления он не произвел. Евфрат он перешел без сопротивления и получил в подчинение несколько важных городов в Месопотамии. С другой стороны, его сочли недостаточно достойным, когда он позволил своим солдатам приветствовать его на поле как императора после взятия третьесортной крепости - ведь такой комплимент подобает делать только за реальные достижения. Да и в целом в своих действиях он, казалось, стремился скорее к накоплению богатства, чем к воинской славе. Предвестники грядущего несчастья, разумеется, не заставили себя ждать. К Крассу присоединился его сын, служивший одним из лейтенантов Цезаря в Галлии, и оба посетили знаменитый храм в Иераполисе. Когда они выходили из него, сын зацепился ногой и упал, а старший мужчина споткнулся о него. Враги не были в покорном настроении. Посланники парфянского царя заявили, что если Красс исполняет волю римского народа, то парфяне отомстят за оскорбление по всей строгости, а если он преследует только свои личные цели, то они простят глупость старика и вернут невредимыми гарнизоны, которые фактически были их пленниками. Красс ответил, что даст им ответ в Селевкии, их столице. "Селевкия!" - воскликнул глава посольства, подняв ладонь. "Волосы на ней вырастут раньше, чем вы увидите Селевкию". Вскоре армия серьезно приуныла. Парфяне, очевидно, были более грозным врагом, чем те, с которыми им еще приходилось сталкиваться, и сильно отличались от невоинственных рас Западной Азии. Сообщения прорицателей были самыми мрачными, а предзнаменования грядущих бедствий - частыми. В место, выбранное для лагеря, дважды ударила молния; при раздаче пайков первыми были выданы чечевица и соль - два главных продукта в блюдах, предназначенных для духов умерших. Хуже всего то, что орлиный штандарт легиона, который первым пошел в наступление, был замечен отвернувшимся от вражеской страны.

Под командованием Красса находилось не самое скромное войско - семь легионов, четыре тысячи конницы и столько же легковооруженных солдат. Первые донесения, дошедшие до него, показывали, что враг уклоняется от поединка. Это мнение подтвердил один из арабских вождей, Абгар из Эдессы, который, как считалось, был настроен дружественно по отношению к Риму. Он, конечно, оказал хорошую услугу Помпею, но теперь действовал в интересах парфянского царя. Он призывал Красса к немедленному наступлению; враги, по его словам, уже вывезли свое самое ценное имущество в безопасное место. Все это было ложью. Парфянский царь с половиной своей армии опустошал Армению; его главнокомандующий был откомандирован с другой половиной, чтобы разобраться с Крассом. Римляне продвигались вперед со всей поспешностью, на которую были способны. День за днем они продвигались вперед, но врага не было видно. Наконец вдали показались всадники, и Абгарус был послан вперед на разведку. Он не вернулся, и армия снова двинулась вперед. Марш привел их к реке Балиссен. Штаб посоветовал Крассу остановиться и разбить лагерь. Он был слишком нетерпелив, чтобы прислушаться к этому совету, и продолжал идти вперед. Прошло совсем немного времени, и он увидел врага. На первый взгляд парфянское войско не выглядело очень грозным. На нем не было никакой воинской пышности, а его численность была тщательно скрыта. Затем внезапным движением были показаны знамена из блестящего шелка, расшитого золотом, шлемы и почтовые плащи сверкали на солнце, а барабаны все время издавали потрясающий звук. Никогда прежде римляне не сталкивались с подобным противником. Это была конница, с которой им

пришлось встретиться, в большинстве своем лучники, причем и человек, и лошадь были защищены доспехами, сделанными то из железа, то из кожи. Римляне оказались в крайне невыгодном положении. Вся их тактика, особенно тесный порядок, в котором они привыкли сражаться, говорила против них, а легковооруженные войска безнадежно уступали в численности. Младший Красс был послан отцом вперед с отборным отрядом в надежде, что он сможет избавить легионы от основной тяжести атаки. Враги отступили перед ним, но когда они выманили его за пределы видимости или досягаемости основной армии, то повернули на него. У него не было выбора, так подавляющее их число, как отступить перед ними. Он уперся в холм, на склоне которого расположились оставшиеся у него войска. Но шеренги, возвышавшиеся одна над другой, представляли собой более широкую мишень для парфянских лучников. Почти все войско погибло, Красс и его офицеры - от собственных рук. Пятьсот человек были взяты в плен; ни один не спасся. Первым, что узнал старший Красс о судьбе своего сына, был вид его головы на столбе. Атака на легионы возобновлялась снова и снова, пока темнота не принесла временное облегчение. Ночью римляне отступили и благополучно добрались до Каррхэ. Но и на этом их беды не закончились. Красс то ли не захотел, то ли не смог остаться в Каррахе и отправился в путь, надеясь достичь дружественной страны Армении. Его догнали, и он согласился провести совещание с парфянским полководцем, чтобы обсудить условия перемирия. Неясно, намеревались ли парфяне на вероломство; во всяком случае, римляне его заподозрили. Завязалась ожесточенная ссора, римские офицеры были убиты, а Красс покончил с собственной жизнью. Многие из армии были взяты в плен, а нескольким удалось спастись. Но как сила она перестала существовать.

Красс терпит поражение от парфян.

Битва при Каррахе, как ее можно назвать, хотя она произошла на некотором расстоянии от этого города, была одной из самых страшных катастроф в римской истории. Что особенно задело гордость империи, так это покорность многочисленных пленников своей судьбе. Гораций негодует по поводу трусости людей, которые были готовы забыть все славные ассоциации Рима и стать подданными варварского царя. Он пытается утешить себя рассказом о том, как штандарты, захваченные в армии Красса, были сорваны с парфянских храмов победоносным Августом. На самом деле эти трофеи были отданы по условиям мира, заключенного между Парфией и Римом. Между двумя державами не раз происходила борьба, и не раз доказывалось превосходство римского оружия. Парфия также имела свои триумфы. Один из римских императоров, Валериан, закончил свои дни в парфянском плену. Когда империя пала в третьем веке нашей эры, ее причиной стало восстание собственных подданных.

ССЫЛКИ:

[37] Почти 5 000 000 фунтов стерлингов, если принять талант за 240 фунтов стерлингов.

[38] "Если эти люди пришли как послы, - сказал Тигран, - то их слишком много; если как армия, то их, конечно, слишком мало". Но он был не первым, кто использовал это остроумие.

[39] Моммзен говорит о нем как о *втором*, а первый был коалицией тех же лиц за десять лет до этого. Следует также отметить, что коалиция не имела юридического существования. Это было неформальное соглашение между тремя наиболее влиятельными гражданами о совместных действиях. *Второй* триумвират, созданный в 43 году до н. э., был регулярным органом.

VI

ЗАВОЕВАНИЯ ЦЕЗАРЯ

Вторым великим европейским завоеванием, осуществленным Римом за пределами Италии, стала Галлия. Начало этого завоевания, растянувшегося примерно на столетие, причем последние десять лет оказались наиболее плодотворными, относится к 152 году до н. э. Жители Массилии (Марселя) обратились к римлянам с просьбой о помощи против двух галльских племен, нападавших на их владения. Примерно то же самое повторилось и двадцать лет спустя. Итогом этого и других дел, которые нет необходимости описывать подробно, стало создание в 121 году до н. э. так называемой *Провинции* (это название до сих пор сохранилось в современном Провансе). В этом регионе были основаны две колонии, одна в Акве Секстие (Экс), другая в Нарбо Марции (*Нарбонна*). *Провинция* занимала долину Роны и простиралась на запад до Гаронны.

Сразу же перейду к рассказу о том, как вся страна от Средиземного до Северного моря и от Атлантики до Рейна была включена в состав Римской империи.

В 59 году до н. э. Юлий Цезарь был назначен правителем Галлии (по обе стороны Альп) и Иллирии. В апреле следующего года он приступил к исполнению своих обязанностей. Первая важная операция, которую он предпринял, достаточно ясно показывает, насколько изменились отношения между Римом и его северными соседями-варварами. Гельветы, о которых мы уже слышали в связи с историей кимбров и тевтонов, находились в беспокойном

состоянии. Их земля (которую можно условно назвать негорной частью Швейцарии и прилегающих районов Франции) была слишком тесной для них, и они решили искать другую, более плодородную и просторную. За сто или даже пятьдесят лет до этого они наверняка двинулись бы на юг, как это делали родственные племена при Первом и Втором Бреннах. Но Италия больше не прельщала их. Она была столь же привлекательна, как и прежде, но путь туда был слишком опасен. Соответственно, миграция гельветов была на север. Сезар увидел свою возможность. Гельвеции должны были пройти через один из уголков Провинции, и они отправили посланников с просьбой о разрешении. Сезар не стал прямо отказывать им в просьбе, поскольку у него не было достаточно войск, чтобы остановить их, если бы они вздумали форсировать проход. Он отложил их. Он собирался дать ответ в ближайшее время. Когда они пришли снова, его солдаты были готовы, а значит, и ответ тоже. Они не должны идти. Тогда гельветы выбрали другой путь, но Цезарь решил, что они не должны идти. Они действительно пошли, сжигая все, что не могли унести с собой, но Цезарь преследовал и догнал их. Последовавшая за этим битва была долгой и ожесточенной. Она продолжалась с часу дня до вечера, и все эти часы ни один римлянин не видел спины врага. Из повозок была сделана баррикада, которую упорно защищали. В конце концов лагерь был взят, но 130 000 человек бежали. У них было три дня пути, так как Сезар вынужден был оставаться на месте, чтобы обеспечить лечение раненых и погребение мертвых. Но хотя беглецы шли, не отдыхая ни днем, ни ночью, они не могли выбраться из-под удара врага. Были посланы курьеры, предупреждавшие племена, через территории которых им предстояло пройти, чтобы они не снабжали гельветов продовольствием. Это означало бы навлечь на себя такое же наказание. Эти быстрые и суровые меры сразу же возымели действие. Беглецы остановились и отправили назад посланцев с просьбой о мире. Сезар удовлетворил их просьбу, но они должны были дать заложников, сдать оружие и всех беглецов и дезертиров. Жители одного кантона попытались бежать на восток, надеясь, что их бегство не заметят, пока не станет слишком поздно их догонять. Но Сезар все заметил; несчастных - их было шесть тысяч - вернули и зарубили. Остальные были допущены к четвертованию. Однако они были вынуждены вернуться в свою покинутую страну. Их соседям, аллоброгам, было велено кормить их до тех пор, пока они не смогут сами выращивать пищу, и они должны были заново построить разрушенные дома. Сезар рассказывает эту историю с бесстрастной точностью. Он не проявляет ни гнева, ни жалости. Но цифры, которые он приводит, достаточно красноречивы. Эмигрантов было 368 000, вернулось 110 000. Более двух третей - мужчины, женщины и дети - погибли. Как бы то ни было, они больше не могли жаловаться на то, что земля слишком узка для них. Но дух волнения охватил и другие племена, помимо гельветов. Германцы с восточного берега Рейна пробились в Галлию под командованием своего короля Ариовиста. Они были приглашены одним племенем галлов на помощь против другого, но вскоре стали одиозными как для друзей, так и для врагов. То племя, которое их позвало, отдало им треть своей земли, а теперь требовало отдать еще одну. Сезар был призван на помощь. Приглашение было как раз то, что он хотел. Быть защитником Галлии - первый шаг к тому, чтобы стать ее хозяином. Поэтому он сообщил германскому королю, что тот должен оставить друзей римского народа в покое. Ответ Ариовиста был вызовом, а ответная реакция Сезара - быстрым маршем на восток. Времени терять было нельзя. Поговаривали, что другие племена из-за Рейна уже в пути. Если бы они присоединились к первым, получилось бы очень грозное соединение. Через семь дней марша римляне оказались на расстоянии двадцати четырех миль от врага. Были проведены переговоры, которые ни к чему не привели, различные стратегические перемещения, время от времени происходили кавалерийские стычки. Наконец Сезар предпринял атаку на германскую армию и погнал ее до Рейна. Он сильно пострадал во время бегства. Ариовисту удалось спастись, но он увел с собой очень мало германцев.

В следующем году (57 г. до н. э.) Цезарь воевал с белгами в северо-восточной Галлии. (Под Галлией всегда следует понимать всю страну к западу от Рейна). Он сразился и выиграл великое сражение на Эсне, обрушившись на врагов, когда они пытались переправиться через реку, и нанеся им тяжелые потери. "Они пытались, - говорит Сезар, - самым дерзким образом пройти по мертвым телам своих товарищей". Поскольку он никогда ничего не вставляет ради эффекта, мы можем рассчитывать на абсолютную правдивость этой жуткой картины. Эта победа далась нелегко; более трудной работой стал последовавший вскоре конфликт с Нервией. Нервийцы занимали страну, известную сейчас как Бельгия, и имели высокую репутацию за доблесть и простоту, не говоря уже о дикости, жизни. Они не разрешали ввозить вино и другие иностранные предметы роскоши и твердо решили не иметь никаких дел с Сезаром. Их родственники и соседи, согласившиеся на сотрудничество с римлянами, вели себя, по их мнению, очень подло и трусливо. Великая битва произошла на Самбре и, похоже, в свое время стала самым важным делом, в котором когда-либо участвовал Сезар.

Сезар шел со своими легионами - их было восемь - каждый из которых сопровождался своим багажом и пока что был отделен друг от друга. Нервии узнали об этом от доброжелателей в обозе Цезаря и посоветовали атаковать передовой легион, как только появится багаж. Но римский полководец, который, вероятно, знал об этом, так как великие полководцы имеют свойство все знать, изменил свой приказ по дороге. Сначала шла конница, затем шесть легионов, все в легком походном порядке, потом багаж, а сзади два недавно набранных легиона. Когда багаж появился в поле зрения, Нервии увидели, как им казалось, свою возможность. На самом деле они ждали слишком долго. Им пришлось иметь дело с шестью легионами, а не с одним, как они ожидали. Но даже тогда их натиск был очень близок к успеху. Неожиданно появившись из леса, в котором они прятались, они пронеслись перед римской кавалерией и вступили в рукопашную схватку с легионами почти прежде, чем те поняли, что произошло. Это было почти неожиданно. "Сезар, - так он пишет о себе, - должен был сразу же сделать все: поднять красный флаг, который был сигналом к бою, дать трубный клич, призвать на свои места людей, которые собирали материалы для вала, выстроить линию и обратиться к войскам". Враг оказался неожиданно быстрым в своей атаке. С другой стороны, армия была в полном порядке; каждый человек знал, что ему делать. Но времени было очень мало. Люди не успевали даже надеть шлемы и достать щиты из чехлов, как враг настигал их. Племена, вступившие в союз с Нервиями, не смогли противостоять римлянам, но сами Нервии на какое-то время разнесли все, прорвавшись сквозь два противостоящих им легиона, и фактически овладели римским лагерем. Лагерники в ужасе бежали, а за ними последовали и некоторые легковооруженные отряды. Даже конница, посланная Треверами, усакала с поля боя, унеся с собой весть о том, что день проигран. Поскольку Треверы имели высокую репутацию храбрецов, их бегство было самым худшим предзнаменованием.

В этот критический момент Сезар лично вмешался и восстановил удачу. Он схватил щит, обратился к центурионам, чьи имена, опять же по примеру великого полководца, он знал, и переломил ход битвы. Сезар не так часто выходил вперед, как это было принято у Александра, но при случае мог сделать это с наибольшим эффектом. В то же время офицер, командовавший десятым легионом (так можно назвать *элитный корпус* Сезара), который совершил успешную атаку на позиции противника, вернул эти силы на помощь своему вождю. Нервии по-прежнему сопротивлялись с величайшим мужеством. Но день был упущен, и в живых остались лишь немногие из племени, по крайней мере, из тех, кто принимал участие в битве. Стоит рассказать об одном эпизоде этой кампании, хотя он

практически не повлиял на общий результат. Отряд, оставленный кимврами и тевтонами для охраны добычи, после различных скитаний оказался в этих краях. Они просили и добивались условий от Сезара, пытались перехитрить его и в наказание были проданы в рабство.

Третья кампания проходила в Западной Галлии, среди венетов, представленных современными бретонцами. Сезар потребовал у них кукурузы, которой, поскольку они были мореходным народом, у них, вероятно, было мало. Они отказались от этого требования, которое, конечно, он не имел права выдвигать, кроме как с помощью превосходящей силы, и даже задержали его посланников, которых они, вероятно, не без оснований, считали шпионами. Сезар понял, что для успешной борьбы с венетами ему нужны корабли. Поэтому он приказал построить флот на Луаре и укомплектовать его за счет собранного в окрестностях сбора. Это была снова Первая Пуническая война. Племена западного побережья были побеждены в своей собственной стихии. Поскольку они были виновны в том, что Сезар решил считать большим преступлением - оскорблении послов, он решил наказать их с необычайной суровостью. Их вожди были преданы смерти, остальные жители проданы в рабство. Произошла всеобщая капитуляция западных племен. Тем временем один из лейтенантов великого человека покорил область между Пиренеями и Гаронной (к западу, следовательно, от *Провинции*), а сам Сезар потратил оставшийся год на усмирение некоторых племен на северо-востоке.

В следующем году (55 г. до н.э.) Северная Галлия была взбодоражена еще одним большим перемещением населения. Два германских племени, оттесненные силой суэби, большой конфедерации родственных племен из Восточной Германии, переправились через Рейн и устремились на менапиев, народ, населявший левый берег нижнего Рейна. Цезарь прекрасно понимал, что недовольные галлы вскоре объединятся с новоприбывшими, и решил заранее подготовиться к встрече с врагами обеих рас. Он с большой поспешностью выступил против них, не позволяя себе откладывать переговоры, которые они хотели или делали вид, что хотят начать с ним. Вскоре вероломное нападение германских всадников на конницу Сезара, состоявшую, судя по всему, в основном из туземных левитов, дало ему прекрасное оправдание для действий. Он атаковал врага и обратил его в бегство к реке. Многие были убиты в бою и во время преследования, еще больше утонули в реке; результатом стало почти полное уничтожение вторгшегося войска. Но и это его не удовлетворило. Он решил продемонстрировать свою силу в самой Германии. Для этого ему нужно было переправить свою армию через Рейн. Переправлять их на лодках, по его словам, не соответствовало достоинству римского народа. Возможно, он считал это небезопасным. Поэтому он построил мост - чудо инженерного мастерства, если учесть ширину, глубину и силу реки, которую нужно было перекинуть, а также нехватку инструментов и материалов под рукой. Работа была завершена за десять дней; еще восемнадцать дней он провел в Германии. После этого Сезар вернулся обратно, несомненно, поразив племена за Рейном своим великолепием. В конце этого года Цезарь совершил свою первую экспедицию в Британию. Об этом и о более серьезном вторжении в следующем году мне придется рассказать в другом месте.

54 год до н. э. был очень критическим временем. Очевидно, что Сезар переоценил результаты своих успехов, что было простительной ошибкой, настолько быстрыми и полными они были. Чувство ложной безопасности навело его на мысль о несколько романтической экспедиции в Британию, которую он, конечно, не предпринял бы, если бы знал реальное положение дел в Галлии. Он полагал, что страна была окончательно покорена - "умиротворена" или "успокоена" - таков был римский эвфемизм, - но его грубо обманули. К счастью для него, он находился в Галлии, когда произошло грозное восстание, которое ему

вскоре пришлось подавить. Если бы он все еще находился в Британии или, как он намеревался, отправился на юг, последствия могли бы быть более серьезными, чем они были.

Урожай в Галлии в тот год (54 г. до н. э.) был скудным. Поэтому пришлось рассредоточить легионы, устраивая их на зимние стоянки. Всего было восемь легионов и половина еще одного, и они расположились в восьми лагерях. Два из них находились в Нормандии (Сиез и Шартр), два в Пикардии (Амьен и Мондидье), один в Артуа (Сен-Поль) и три в Бельгии (Шарлеруа, Тонгр и Лавашери на реке Орт). На один из трех последних, Тонгрез, которым командовали два легата, Сабин и Котта, напал отряд одного из окрестных племен. Если сила не помогла, пришлось прибегнуть к вероломству. Один из местных вождей, по имени Амбиорикс, предложил провести конференцию. По его словам, он дружелюбно относился к римлянам, поскольку Сезар оказал ему любезность, хотя он был вынужден выдавать себя за врага. Он посоветовал генералам покинуть лагерь, который невозможно будет удержать. Множество германцев переправились через Рейн и собирались напасть на лагерь. Если бы войска были выведены в один из других лагерей в Восточной Галлии, он гарантировал бы им безопасную доставку. Мнения двух командующих офицеров разделились. В конце концов Сабин, выступавший за эвакуацию лагеря, добился своего. На рассвете следующего дня они выступили в путь; пройдя две мили, они попали в засаду. Сформировавшись в круг, они сопротивлялись, пока тяжесть потерь не заставила их просить об условиях. Они были даны, но тут же нарушены. Сабин и некоторые офицеры сложили оружие и были убиты; Котта погиб в бою; оставшиеся в живых после дневного сражения вернулись в лагерь. Видя, что им не удастся удержать его против врага, они покончили с собой ночью. Несколько человек бежали в лагерь в Лавашери, где командовал Лабиен.

Следующим был атакован лагерь в Шарлеруа, в стране Нервиев, где командовал К. Цицерон, младший брат великого оратора. Галлы, численность которых теперь значительно возросла, атаковали его с величайшей яростью, но были отбиты. Сезар был проинформирован о положении дел и действовал со свойственной ему оперативностью. Ему удалось собрать два легиона, и с ними он быстро освободил Цицерона, нанеся тяжелое поражение отряду галлов, напавшему на него по дороге.

Следующий год (53 г. до н. э.) был полностью посвящен отмщению за расправу над Сабинном и Коттой с их людьми. Нет необходимости следить за действиями Сезара. Достаточно сказать, что, несмотря на одно серьезное поражение, в целом они были успешными. Но многое еще предстояло сделать, прежде чем можно было бы сказать, что Галлия полностью "умиротворена". Сезару еще предстояло оказаться в более тяжелом положении, чем то, в котором он до сих пор находился.

52 год до нашей эры был годом яростных партийных разборок в Риме, и Сезар дает нам понять, что такое положение вещей не могло не отразиться на галлах. Страдая под вновь навязанным игмом, они, естественно, преувеличивали беды своих хозяев. В частности, в одном вопросе их "желание было отцом их мысли". Они боялись, и не без оснований, властной личности Сезара. За семь лет он сделал больше, чем его предшественники смогли сделать за семьдесят. Каким неоценимым преимуществом было бы, если бы он оказался вдали от места военных действий из-за этих партийных распрей! Сообщение об этом было распространено и ему охотно поверили. За очень короткое время вся Галлия была охвачена восстанием, а новости распространялись с необычайной быстротой. О том, что произошло в

Геннабуме (Орлеане) на восходе солнца, в стране овернцев, находящейся на расстоянии почти 150 миль, узнали еще до 9 часов вечера.

Верцингеторикс, овернец, стал героем нового движения. К нему сразу же присоединились все племена Западной Галлии. Он начал свои операции на юго-западе, на границах старой *Провинции*. Пока он занимался ими, на сцене неожиданно появился Цезарь, приведший с собой новые войска с другой стороны Альп. Его появление сразу же изменило ход событий. Двигаясь со своей обычной скоростью, он сосредоточил свою армию у Сенса (80 миль к юго-востоку от Парижа). Затем он начал атаковать одно за другим восставшие племена. Его успехи были столь многочисленны и стремительны, что Верцингеторикс почувствовал, что должен изменить свой план кампании. Не имея возможности встретиться с Цезарем в поле, он должен был уморить его голодом. Для этого необходимо было опустошить всю страну. Пришлось бы сжечь даже города. Только политика, чтобы быть полезной, должна быть тщательной. Этого Верцингеторикс добиться не мог. Когда речь зашла об уничтожении Аварикума (*Буржа*), он вынужден был уступить. Его жители слишком настойчиво просили об этом, ведь это был лучший город в Галлии. Если бы он был сожжен вместе со всеми запасами, которые в нем находились, римская кампания закончилась бы катастрофой. Как бы то ни было, город был осажден Цезарем. Галльский вождь, разбивший свой лагерь в шестнадцати милях от города, делал все возможное, чтобы досадить осаждающим и навредить им. Но остановить их он не мог. Он бросил в город 10 000 человек, но, хотя оборона затянулась, мастерство и решимость римлян не были опровергнуты. Когда ситуация стала казаться безвыходной, гарнизон решил покинуть город, но крики женщин выдали осаждающим их намерения. В конце концов Аварикум был взят штурмом, а все его жители перебиты.

Как ни велико было это бедствие, Верцингеторикс почувствовал, что его положение укрепилось благодаря ему. Теперь он мог сказать своим соотечественникам: "Аварикум, в конце концов, погиб, но римляне получили магазины". Следующим шагом Цезаря была осада Герговии, города, который невозможно идентифицировать. Здесь он потерпел решительное поражение. Одна из частей его армии продолжала атаковать стены после того, как прозвучал сигнал отбоя, и была отбита с большими потерями: 700 человек, из которых около пятидесяти были офицерами, пали во время боя. Самому Цезарю, похоже, удалось спастись. Сам он об этом не упоминает, возможно, не считая, что это достаточно важно, чтобы быть записанным. Но Сервий, древний комментатор Вергилия, рассказывает об этом на основании дневника (*Ephemeris*), сохранившегося в его время. У Вергилия Тархон, этрусский вождь и союзник Энея, стаскивает с коня некоего Венула в полном вооружении. То же самое, по его словам, произошло с Цезарем в Герговии. Один из галлов узнал его, когда его уносили, и закричал *Cæsar!* Это имя было очень похоже на галльские слова, означающие "Отпустите его!". И похититель Сесара ослабил хватку, и великий человек вырвался на свободу. Плутарх рассказывает еще одну историю о том, как у овернцев в одном из храмов висел меч, который они объявили мечом Цезаря, и когда ему его показали, он улыбнулся. Поражение при Герговии не стало последней бедой. Эдуи, которые с самого начала были верны Риму, теперь присоединились к восстанию. Они захватили *дело* Цезаря в Новиодунуме (местоположение неизвестно), вырезали гарнизон и завладели складами, а вместе с ними и заложниками, которые были залогом верности других племен. Затем они попытались помешать ему переправиться через Луару. Как обычно, он был слишком быстр для них. Его легионы перешли реку вброд, хотя она, разбухшая от талых снегов, была высотой по грудь.

Лабием, действовавший в окрестностях Парижа, столкнулся с трудностями, но преодолел их со свойственным ему мастерством. Он был самым умелым лейтенантом Цезаря, столь же полезным для своего вождя, как лорд Хилл для Веллингтона на полуострове. Теперь ему удалось присоединиться к основной армии. Несмотря на такое пополнение сил, римский полководец был вынужден отступить. Он был уже недалеко от *Провинции*, когда повернул на Верцингеторикса и разбил его, во многом благодаря помощи германской кавалерии. Римляне, помимо прочих достоинств правящей расы, обладали даром наилучшим образом использовать качества других. За восемь или девять лет до этого в римской армии не было ни одного солдата германской расы, теперь же эта нация снабдила ее эффективным оружием.

Верцингеторикс бросился в Алезию, сильное место на холмах, вероятно, отождествляемое с Ализе-Сенте-Рен в Бургундии. Он отправил гонцов в различные государства, заключившие союз, с просьбой о *леве-ан-массе*. Этого не произошло, но была собрана огромная армия, 250 000 пехотинцев и 8 000 конных. Это была последняя великая попытка Галлии обрести свободу, и она потерпела неудачу. Галлы наступали, уверенные в своей победе, но римляне выстояли в борьбе, длившейся с полудня до заката, и враг был отброшен в свой лагерь. Еще одна атака, предпринятая после короткого отдыха, также не увенчалась успехом. Затем последовала последняя отчаянная схватка. Один из вождей освободительной армии, родственник Верцингеторикса, бросился на слабое место в линии инвеституры, где римский лагерь был построен на земле, склонявшейся к городу. С ним было 60 000 человек; римские войска состояли из двух легионов. Осажденные одновременно предприняли попытку вырваться. Борьба была долгой и ожесточенной. Цезарь руководил сражением с выгодной для римлян позиции. Когда пришло время, он сам, одетый в алый командирский плащ, принял личное участие в борьбе. Его доверенный лейтенант Лабием собрал сорок когорт со всех частей линии инвеституры, и Цезарь поставил себя во главе их. Галльское войско было полностью разбито. Резня на поле была велика, а оставшиеся в живых рассеялись в течение последующей ночи, каждый в поисках своего родного государства. На следующий день Верцингеторикс сдался завоевателю. Его держали в тюрьме семь лет, вели на триумф, который праздновал Цезарь в 45 году до н. э., и после этого предали смерти. Война в Галлии продолжалась еще два года. Одно за другим покорялись мятежные государства, с которыми поступали милостиво или сурово, в зависимости от политики. Цезарь, признававший долг или, во всяком случае, политику прощения, когда речь шла о его соотечественниках, был полностью лишен каких-либо эмоций, когда ему приходилось иметь дело с варварами. Он не испытывал никакого удовольствия от резни, но, с другой стороны, она не вызвала у него ни сожаления, ни даже боли. Эти восемь лет войны стоили Галлии, должно быть, около двух миллионов жизней. Это была ужасная цена, но она завершила великое дело, к которому готовились три с половиной века. В 390 году до н. э. Бреннус захватил Рим, а в 50 году до н. э. галлы превратились в латинский народ, которым они являются и по сей день.

VII

САМАЯ ДАЛЕКАЯ БРИТАНИЯ.

Я не могу опустить упоминание о нашем собственном острове, хотя вряд ли можно сказать, что в его истории был хоть один случай, имевший действительно решающее значение в долгой борьбе между Римом и варварскими племенами.

О визитах Цезаря в Британию, хотя они и были весьма интересными, можно рассказать вкратце. В первый раз он приехал незадолго до окончания сезона кампаний в 55 году до н. э. Главной причиной, как он сам говорит, было то, что он обнаружил, что бритты имеют привычку помогать своим соседям из Галлии. (Жители юго-восточной Англии принадлежали к той же расе, что и белги). На самом деле мы не находим никаких упоминаний о британских вспомогательных войсках в галльских армиях или о том, что в последующие годы Галлия была склонна к восстанию, зная, что Британия была свободной. Сезар принадлежал к типу Александра, им двигало честолюбие завоевателя. Первый визит длился в общей сложности около трех недель, и армия практически осталась там, где высадилась.

Второй визит состоялся в следующем году (54 г. до н. э.) и был гораздо более важным делом. Цезарь намеревался, мы можем быть уверены, завоевать остров. Вероятно, он не был знаком с его реальными размерами, и произошли обстоятельства, которые заставили его изменить свои планы. Однако изначально в его планах было нечто большее, чем просто *рекогносцировка*. Он взял с собой шесть легионов и 2000 кавалерии, более половины всех имеющихся сил, прибыв в конце июля и уйдя примерно в середине сентября. Он продвинулся примерно на шестьдесят или семьдесят миль вглубь страны, пересек Темзу, возможно, около Вейбриджа, возможно, немного ниже Итона. Бритты, конечно, не могли противостоять ему в поле, но они показали себя грозными врагами. Сезар не говорит прямо, что недооценил трудности задачи, но он действовал так, как будто это было так. Он занимался Галлией еще пять лет, и в течение двух последних из этих пяти лет был практически хозяином страны, но, похоже, полностью отказался от идеи покорить Британию.

В течение 89 лет остров был практически предоставлен самому себе. Август в свитке своих достижений, который он начертал на плите в храме в Анцире (столице римской провинции Галатия), упоминает о дани, которую платили некоторые британские короли; надпись в этом месте несовершенна, и мы не знаем никаких подробностей. Однако точно известно, что в период с 54 г. до н. э. по 43 г. н. э. на Британию не было предпринято никаких серьезных попыток. В литературе того времени встречаются различные упоминания об этом народе, но о нем всегда говорят как о диких врагах, о которых было известно очень мало.

Однако в 43 году нашей эры Рим по приглашению местного князя, который считал себя пострадавшим от несправедливости, всерьез взялся за завоевание острова. Командовать им был назначен Аулус Плаутий, который взял с собой четыре легиона, а в течение года сам император (Клавдий) привел дополнительные силы. Под Камалодунумом (Колчестером) произошло большое сражение, в котором бритты, как обычно, потерпели поражение. Веспасиан, ставший впоследствии императором, активно действовал на западе острова. Мы знаем очень мало подробностей о последующих кампаниях. Однако одна героическая фигура выделяется на общем фоне. Это Карактак (Карадок). В течение семи лет этот принц (старший сын Кунобелина, шекспировского *Кимбелина*) противостоял римским войскам. Мы не можем определить место финальной битвы,^[40] но сохранилось достаточно четкое ее описание. Бритты занимали холм, перед которым протекала непроходимая река, а сам холм был укреплен, где только позволяла или требовала земля, каменными валами. Столь грозная позиция, заполненная воинами, показалась римскому полководцу грозной, что он склонился к маневру, возможно, к попытке флангового движения. Но солдаты требовали, чтобы их вели в лобовую атаку, и их генерал уступил. Река была перейдена, но как именно - неизвестно. Пространство между рекой и британскими валами было пройдено не без потерь. Многие были ранены, а некоторые убиты шквалом снарядов с британских линий. Но когда под валом, грубо сложенным из неотесанных камней, образовался *тестудо*, битва была практически закончена. Вскоре вал был снесен, и британцы отступили на высоту. Здесь они оказались

сильнее. Артиллерия обстреливала их с расстояния, а ответить ей было нечем. В ближнем бою доспехи и оружие легионов давали им огромное преимущество. В конце концов бритты были вытеснены со своих позиций. Жена и дочь Карактака были взяты в плен, а его братья сдались в плен. Сам король был передан врагам благодаря вероломству соседней властительницы, королевы Картисмандуа. Нет необходимости повторять рассказ о его достойном поведении перед Клавдием и о том, с каким великодушием оно было воспринято. Римские нравы несколько смягчились с тех времен, когда был предан смерти храбрый Верцингеторикс. Дело не в том, что Карактак перестал быть грозным; ему так и не позволили вернуться в Британию.

Нет нужды подробно рассказывать историю восстания Боадицеи, королевы иценов, племени Восточной Британии. Оно было спровоцировано наглостью римских чиновников и жадностью римских финансистов^[41] и на некоторое время потрясло римскую власть в Британии до основания. Лондиниум, уже самый большой и богатый город Британии, хотя и не считавшийся колонией, был разграблен, как и Веруламиум (Сент-Альбанс) и другие места. Считается, что погибло до семидесяти тысяч человек. Большинство, должно быть, составляли бритты, "дружественные туземцы", как мы их сейчас называем; но среди них было много итальянцев. "Граждане и союзники" - таков термин историка. Поскольку с начала завоевания Британии прошло всего семнадцать лет, примечательно, насколько далеко зашла романизация страны. Торговцы и поселенцы, должно быть, хлынули в нее, как это происходит в Соединенных Штатах, когда открывается индейская резервация. Помимо этих ужасающих массовых убийств, были и военные катастрофы. Один легион был разрезан на части. Командир другого был настолько подавлен, что не решился выйти из своего лагеря. Но главнокомандующий Пауллин вел себя с безупречным благоразумием. Он отказался рисковать в сражении с недостаточными силами, хотя его промедление означало разрушение Лондона. Но когда он нанес удар, то ударил с потрясающей силой. Британская армия была практически уничтожена. По крайней мере, в Южной Британии господство Рима никогда не подвергалось серьезной угрозе в течение многих лет после великой победы, одержанной Пауллином.

Когда в 78 году н. э. Агрикола принял командование Британией, свою первую кампанию он провел именно в Северном Уэльсе. Последующие кампании не нуждаются в подробном описании. Последняя из них завершилась великой победой над каледонцами у Грампианов, вероятно, в Аберфойле, в Пертшире. Однако на самом деле римское владычество не простиралось так далеко. Его высшая точка, вероятно, была достигнута около 200 г. н.э., когда император Септимий Северус совершил поход на крайний север острова и по возвращении добавил вторую стену к большому валу, построенному Антонином Пием между устьями Форты и Клайда. Но этот передовой пост продержался недолго. Самым постоянным и наиболее продуманным барьером против северных племен стала Великая стена, построенная Адрианом около 120 г. н. э. между Солуэйским лиманом и Ньюкасл-на-Тайне. Британия к югу от нее была полностью латинизирована. Но существование стен и тот факт, что остров имел репутацию для Империи того, чем для нас является Индия - питомником капитанов, доказывают, что Север был практически независим. Именно здесь - и именно это делает Британию действительно важной в римской истории - находился самый дальний предел римского продвижения. И именно здесь пришлось сделать первое открытое признание слабости. В 408 году н. э. один из многочисленных солдат удачи, пытавшихся захватить императорский трон, переправился в Галлию вместе с британскими легионами. Легионы так и не вернулись, а Британия, хотя номинально и входила в состав провинций империи, фактически была оставлена.

СНОСКИ:

[40] Вероятно, это было где-то в Шропшире или Херефордшире.

[41] Согласно Диону, философ Сенека был как-то связан с беспорядками, внезапно потребовав деньги, которые он ссудил под ростовщический процент. Можно надеяться, что это клевета, но римляне с хорошей репутацией были не против такого поведения. Патриот Брут ссудил деньги одному из городов на Кипре под 40 процентов и был сильно раздосадован Цицероном за то, что тот отказался от помощи военных при взыскании долга.

VIII

ЗА РЕЙНОМ

В германских племенах Рим наконец-то нашел противника, который должен был ее победить. Победы Мариуса и Сезара были полными, но они не сокрушили эту расу. Их численность и твердость характера, сформированного упорством и силой сопротивления, которые не проявляли ни испанцы, ни галлы, делали их практически непобедимыми. Ранняя империя не была лишена амбиций в этом направлении. Друз, пасынок Августа, провел несколько кампаний в Нижней Германии, а также выполнил ряд важных инженерных работ, построив каналы и насыпи, которые должны были сделать страну более доступной. Но, по крайней мере, однажды он был близок к ужасной катастрофе. В 11 году до н. э. он добрался до Везера, отчасти благодаря отсутствию своих самых грозных врагов, сикамбров, которые были заняты войной с чатти. У Везера он считал благоразумным остановиться и проследить за ходом своих действий. Он поступил правильно, так как сикамбры уладили свою ссору с соседями и теперь находились в противоположных рядах. В местечке под названием Арбало, которое мы не можем определить, он был почти окружен. Союзные племена по своей опрометчивости упустили победу, которая была почти в их руках. Они разделили, так сказать, римскую волчью шкуру еще до того, как захватили волка. Каждое племя выбрало свою долю добычи, бросилось в погоню за ней и было отброшено назад с большими потерями. Друз построил две крепости, которые могли бы стать удобными центрами для будущих операций, и вернулся в Рим, где ему было оказано столько почестей в честь триумфа, сколько ревность императора позволяла подданному. В следующем году (10 г. до н. э.) он вернулся в ту же страну, а в 9 г. до н. э. сделал то же самое снова. Именно в этом походе он достиг своего самого дальнего рубежа, дойдя до самой Эльбы. Именно здесь, как казалось тогдашним людям, находился назначенный судьбой предел римского оружия. Когда он готовился переправиться через Эльбу, перед ним возникла женская фигура более чем человеческих пропорций. "Куда ты идешь, ненасытный Друз?" - вскричало странное видение. "Судьба запрещает тебе идти дальше. Здесь конец твоим подвигам и твоей жизни". Он воздвиг на берегу реки трофеи, чтобы отметить место, которого достиг, и повернул назад. Но до Рейна он так и не дошел. Он был сброшен с лошади и получил ранения, от которых скончался. Его младший брат Тиберий прибыл как раз вовремя, чтобы увидеть его живым. Выполнив последние обязанности по отношению к мертвому - говорят, что Тиберий шел перед его телом всю дорогу от берегов Рейна до Рима, - он вернулся к продолжению кампании. В течение нескольких лет римское оружие не встречало серьезного отпора, а к 9 г. н. э. было сделано так много для подчинения страны, что Август задумал превратить ее в римскую провинцию. С этой целью он отправил туда офицера высокого ранга, который несколько лет управлял провинцией Сирия - Квинтилия Вара. Новоприбывший офицер совершенно заблуждался относительно реального состояния страны, которая находилась на грани восстания. Туземные вожди, во главе

которых стоял знаменитый Арминий (латинская форма имени *Герман*), притворялись дружелюбными и покорными, помогали ему в судах, которые он устраивал по образцу индийской *дурбы*, и быстро исполняли его приказы. В это время до него дошли сведения о восстании в Южной Германии, и он отправился на юг, чтобы подавить его. Арминий и его соотечественники покинули его под обещанием вернуться, но на самом деле с намерением подготовить нападение. Его путь лежал через долины того, что сейчас называется Тевтобургервальд, между Оснабруком и Падерборном в Вестфалии. Он шел, не подозревая об опасности, его армия располагалась в беспорядочном строю, обремененная багажом и множеством некомбатантов. На полпути через перевал на них напали. Там было три легиона и значительное количество кавалерии, и некоторое время они успешно сопротивлялись врагу. Лагерь, который они разбили в конце первого дня битвы, был такого размера, когда его обнаружили через несколько лет после этого, чтобы показать, что три легиона тогда были практически целы. На следующий день, уничтожив свой багаж, поскольку он понимал, что его положение крайне опасно и что единственной надеждой было придать своей армии всю возможную мобильность, он направился к крепости Алисо на Липпе. Весь день его атаковали, и ему приходилось бороться за каждый ярд дороги. К вечеру его силы сильно уменьшились, так как второй лагерь был значительно меньше первого. На третий день марша они вышли из леса, но столкнулись со свежими толпами врагов. Их силы были на исходе, и они больше не могли держать строй. Вар покончил с собой; его армия, за исключением немногих, кто сумел добраться до Алисо, была уничтожена. В результате в Германии граница Рима была отброшена до Рейна; в Риме новость вызвала нечто похожее на панику. Катастрофа омрачила оставшиеся годы жизни Августа. Известно, что он снова и снова просыпался ото сна и кричал в тоне агонии: "Квинтилий Вар, верни мне мои легионы!"

Рим, конечно, не мог смириться с таким поражением, не оправдав свою честь. Это было нелегкой задачей. В 14 г. н. э. Германик, сын Друза, вошел в страну с мощным войском. Он едва избежал катастрофы. Если бы разногласия между германскими вождями не помешали им развить успех - и Германик, и его лейтенант Цецина потерпели серьезные поражения, - могла бы постигнуть судьба Вара. В кампании 16 года он был более удачлив и, если римские рассказы не преувеличены, восстановил старые границы. Сам Арминий был почти взят, и Северная Германия, между Рейном и Эльбой, снова стала римской. Но Тиберию не нравилась "передовая" политика. Тацит, который ненавидел этого человека, говорит нам, что его мотивом была подлая зависть к Германику, но вполне вероятно, что он видел, что ресурсы империи можно было бы потратить лучше. Так или иначе, Германика отозвали, и Германия вернула себе свободу; в северной части страны больше не предпринималось серьезных попыток восстановить власть Рима. Рим ограничил свои усилия по установлению господства на юге.

IX

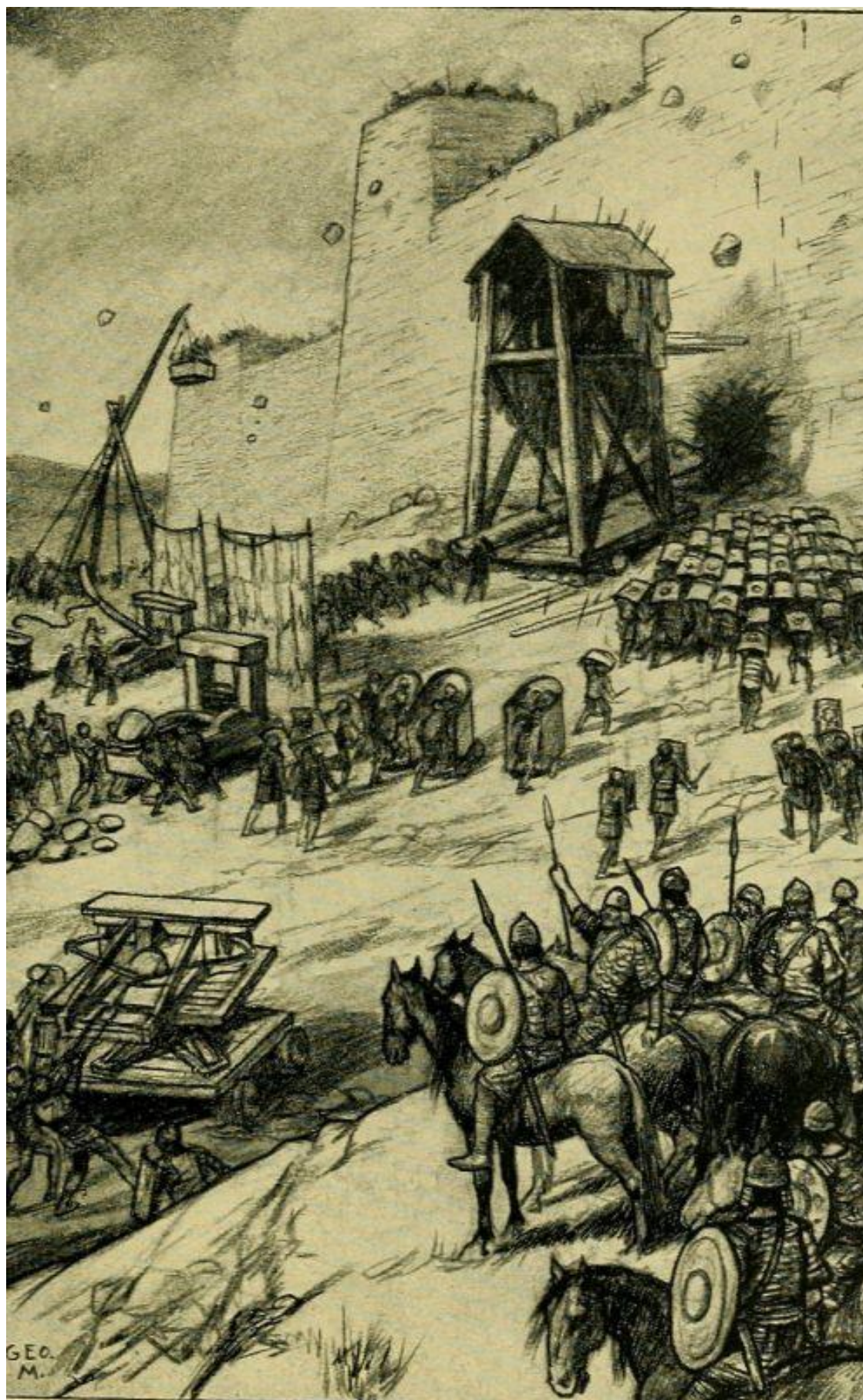
ПОСЛЕДНЕЕ ПРОДВИЖЕНИЕ

Когда Тацит говорит о *urgentia imperii fata*, непреодолимой судьбе империи, он использует фразу, понятную каждому англичанину. Великая империя не может стоять на месте. Ее авантюрные подданные постоянно рвутся вперед, и их необходимо защищать. Ее соседи постоянно чувствуют и возмущаются тем давлением, которое она на них оказывает. Ей приходится защищать границы, которые для тех, кто находится за их пределами,

представляют собой ряд агрессий, и удовлетворять воинственные вкусы огромной силы, которую она должна держать под оружием. Август сделал все возможное, чтобы ограничить рост империи. Его завещанием преемникам был запрет, а лучше, пожалуй, сказать совет, не стремиться к новым владениям. Тибериус неукоснительно следовал этому совету. Но последовавшие за Тибериусом цезари сочли, что обстоятельства сложившейся ситуации слишком тяжелы для них. Калигула предпринял экспедицию против народов, еще не покоренных за северной границей, которая могла бы быть серьезной, если бы не его безумная глупость. Клавдий начал покорение Британии, которое было доведено до конца блестящим полководцем Агриколой в правление Домициана. Домициан не был столь удачлив в другом своем великом предприятии. Это было вторжение в Дакию. Агрикола был еще жив, но Домициан слишком ревностно относился к его способностям и известности, чтобы доверить ему руководство кампанией. Он нашел ему замену в лице Корнелия Фуска, префекта пруссов, который, по крайней мере, был рекомендован как подобоострастный придворный. Ювенал включает Фуска в число советников, которые были созданы для обсуждения важного вопроса о том, как следует готовить гигантскую тюрбу, которую один рыбак преподнес императору. Похоже, он изучал военное искусство, так как его описывают как "планирующего битвы в своих мраморных залах". Возможно, он написал книгу на эту тему. В полевых условиях он, похоже, практически не проявлял способностей. Вождь даков, по имени Децебал, заманил римского полководца переправиться через Дунай, обратился к нему, когда представилась возможность, и разбил его, потеряв по меньшей мере один легион и изгнав его. У нас нет абсолютно никаких записей об этой битве. Она произошла в период, охватываемый историей Тацита, но книга, в которой содержалось повествование, утеряна. Даже если бы она была у нас, мы все равно не знали бы одной важной детали, так как Орозий, у которого была эта история, говорит нам, что Тацит считал, что добропорядочному гражданину подобает скрывать потери, понесенные армией Рима. Вся история окутана неясностью. Говорят, что поражение Фуска было восстановлено в следующей кампании его преемником Юлианом. Но подробностей опять же нет. Есть даже утверждение, обоснованное или необоснованное, но мы не можем сказать, что даки требовали от Рима ежегодную денежную сумму в качестве платы за свое терпение.

Именно к Дакии обратил свои мысли Траян, когда оказался на императорском троне. У Траяна было много причин, чтобы предпринять это предприятие. Оно пришлось ему по вкусу. Он был солдатом, который уже успел отличиться на поле боя. И ему нужно было оправдать свое возведение на трон. Империя действительно покоилась на мечях солдат, и ни один человек, который не мог рассчитывать на уважение армии, не мог чувствовать себя в безопасности. К тому же существовала веская причина, что нападать легче, чем защищаться, что варвары, если их предоставить самим себе, рано или поздно вторгнутся в пределы империи, и что самым мудрым планом будет перейти в наступление.

Траян был занят защитой германской границы империи, когда получил известие о том, что его усыновил престарелый Нерва. После получения известия он потратил год на завершение подготовки к обороне. Затем он отправился принимать свой новый сан. Уладив домашние дела, он отправился на Дунай. О последующих походах мы знаем мало в одном и много в другом смысле. Из скульптур на колонне Траяна мы знаем, какое именно оружие и доспехи, и какие боевые машины использовали солдаты Рима. Но что касается стратегии кампании и ее главных событий, то мы почти полностью остаемся в неведении.

Траян осаждает дакийский форт.

Траян без помех переправился через Дунай в двух местах. Сначала казалось, что даки сдадутся без боя. К ним прибыло посольство с мольбой о мире, предлагая сдаться без всяких условий. Но это было явное надувательство. Посланники были людьми невысокого ранга, о чем Траян догадался по обычаям страны - они были с обнаженными головами. Следующие посланники, несомненно, были знатными, но у них не было реальных полномочий для ведения переговоров. Дакийский царь, по имени Децебал, просто пытался выиграть время. Вскоре после этого он обрушился на легионы во время их марша. Последовала ожесточенная битва, в которой даки были разбиты, но ценой больших потерь. Римляне продолжали продвигаться вперед; когда они оказались рядом с его главной крепостью, Децебал снова дал бой. На этот раз он был разбит еще более решительно, чем прежде. На время его дух был сломлен. Посланники, которых он отправил, были вельможами самого высокого ранга, которые явились к Траяну со связанными за спиной руками в знак абсолютной покорности. Сам Децебал согласился лично выразить почтение Траяну и послать в Рим депутатов, чтобы договориться об условиях мира. Это произошло в 102 году нашей эры.

Едва Траян отвернулся - его присутствие было очень нужно в Риме, - как даки снова взяли за оружие. Наследственное королевство Децебала лежало далеко на востоке, в районе, который сейчас называется Трансильванией, но ничто не могло остановить поход римских легионов. Они пробирались через реки и горы, и штурмовали одну крепость за другой. В конце концов Децебал в отчаянии покончил с жизнью. Новая провинция Дакия была тщательно организована, ведь Траян был таким же великим администратором, как и солдатом. До сих пор сохранились остатки великих сооружений, возведенных по его приказу инженерами и архитекторами, свидетельствующие о завершенности работы. На протяжении более полутора веков он оставался одной из самых упорядоченных и цивилизованных римских провинций. Только в 275 году нашей эры Аврелиан вывел легионы на южный берег Дуная.

Во времена Доброго Императора[42] Рим сохранил свои владения в неприкосновенности. Даже при их более слабых преемниках, хотя внутри царил упадок, ее могущество на некоторое время заметно не пошатнулось. С появлением на сцене готов наступил конец.

СНОСКИ:

[42] Он начался с Нервы в 96 году н.э. и закончился со смертью Марка Аврелия в 180 году.

КНИГА VI

РИМ И ВАРВАРЫ, УПАДОК

I. ВЕК ПОЗОРА

Одним из самых странных фактов в истории является стремительный упадок римского могущества, который начался сразу после того, как империя насладились такой чередой хороших правителей, какой еще никогда не выпадало на ее долю. Период в восемьдесят четыре года, начавшийся с воцарения Нервы и закончившийся смертью Марка Аврелия, всегда считался, и по праву, золотым веком Рима. Траян, правда, был воинственным

императором по своей воле, а Марк Аврелий - по необходимости, но у Рима с момента его основания не было ни одного, кроме самых коротких промежутков мира. Война, короче говоря, была его естественным состоянием, и она редко велась с большим успехом, чем это делали Траян в Дакии и Аврелий против квади и маркоманнов. С другой стороны, правления Адриана и Антонина Пия (117-161 гг.) составили вместе сорок четыре года почти непрерывного мира, что значительно больше, чем обычно считается поколением. Однако благотворное влияние почти столетнего мудрого правления, казалось, исчезло почти сразу же, как только ушел из жизни последний из "добрых императоров". Правда, у Аврелия был прискорбно слабый и порочный преемник[43], но Коммод был не более презренным, чем Калигула, Нерон или Домициан, и Рим пережил их правление без особого видимого ущерба. Некоторые авторы находят причину в череде чумы, которая свирепствовала по всей империи с почти беспрецедентной жестокостью, и это правда, что век, последовавший за 165 годом[44], был ужасно отмечен этим посещением, но никаких внешних бедствий не достаточно, чтобы объяснить упадок нации. Эти причины следует искать в другом месте, внутри, а не вне, в жизни людей, а не в бедствиях, которые обрушиваются на них в годы голода или моровой язвы. И это явно выходит за рамки моей компетенции - сделать больше, чем указать на них в самом кратком виде. Мы видим признаки того, что происходило в те дни, когда империя, судя по всему, процветала, и, конечно же, продолжала свою завоевательную карьеру. Вергилий пишет великую поэму, чтобы прославить честный здоровый труд деревенской жизни перед поколением, которое перестало заботиться о нем. Города становились все более многолюдными, потому что роскошь, которую они делали доступной даже для самых бедных, была все более востребованной, но страна превращалась в пустыню или место для развлечений. Крестьяне, составлявшие костяк римских армий, перестали существовать; их поля, где они не перестали обрабатываться, обрабатывались огромными бандами рабов. Провинциальные города, которые в былые времена были достаточно сильны, чтобы заключать с Римом договоры на равных, теперь наполовину лежали в руинах, а их скудное население едва сводило концы с концами. С каждым годом ситуация становилась все хуже и хуже. Империя усугубляла те беды, которые поначалу старалась если не исправить, то хотя бы смягчить. Она вытеснила Республику, потому что та окончательно испортилась; но со временем она сама стала такой же испорченной, а от разложения деспотии нет лекарства. Череда способных правителей на время отсрочила конец, но он должен был наступить. И когда он наступил, вместе с ним пришли более энергичные расы, из которых постепенно, не без помощи старого порядка, который они считали, должна была сформироваться новая цивилизация.

Коммод, недостойный сын и преемник доброго Аврелия, царствовал недолго. Он был убит на тридцать втором году жизни. С его смертью началось, можно сказать, правление меча. Его преемник, Пертинакс по имени, был выбран сенатом и вполне заслужил свое избрание, но процарствовал он не более девяноста дней, после чего преторианцы, солдаты столицы, убили его и открыто продали трон тому, кто больше заплатит. Легионы в провинциях отказались подчиниться такому самоуправству. Главные армии выдвинули своих кандидатов. Нам нет необходимости следить за сменой этих недолговечных правителей. Достаточно сказать, что за сто пять лет, прошедших между смертью Аврелия и воцарением Диоклетиана (180-285), не менее двадцати императоров, не говоря уже о бесчисленных претендентах - говорили, что в одно время на трон претендовали тридцать[45].

Некоторое время зрелище римских армий, ведущих почти непрерывную борьбу друг с другом, похоже, не производило на племена за границами империи того эффекта, которого можно было ожидать. В течение пятидесяти лет, последовавших за убийством Пертинакса прусскими войсками, среди варваров не зафиксировано ни одного сколько-нибудь

значимого движения. В 209 году северные бритты напали на римскую провинцию и были наказаны Септимием Севером без каких-либо последствий. Но это событие не имело особого значения, поскольку северные бритты не были достаточно сильны, даже если бы им удалось добиться успеха, чтобы серьезно повлиять на ход событий. Причины, с которыми мы точно не знакомы, заставляли бездействовать гораздо более грозные племена Германии. Мы слышим о том, что в правление Аврелия среди них возникло объединение, которое вполне могло бы стать опасным, если бы, выражаясь языком Гиббона, включало все народы от устья Рейна до устья Дуная. Но это ни к чему не привело. Племена, которые первыми вышли на поле боя, были разбиты. Уныние и раздоры заставили остальных бездействовать. Раздоры, действительно, были самым сильным влиянием, которое действовало в пользу римлян. В своем замечательном трактате о Германии и ее племенах Тацит дает описание этого народа, подчеркивая его превосходство во многих важных отношениях над выродившимися сынами Рима. Но он с удовлетворением говорит о внутренних распрях, которые мешали им стать грозными, упоминает об одном большом конфликте, в котором одно племя было полностью уничтожено своими соседями, и добавляет: "Пока судьбы империи торопят нас, фортуна не может дать нам большего блага, чем раздор среди наших врагов".

Но такое положение вещей, естественно, не продлится долго. Оно прекращалось, когда на авансцену выходил какой-нибудь вождь, обладающий полководческими способностями и сильным личным влиянием, или когда какое-нибудь племя становилось настолько могущественным, что привлекало или заставляло своих соседей объединяться с ним. Такое племя появилось на сцене в первой половине третьего века нашей эры. *Готы*, если использовать наиболее распространенную из различных форм их названия, впервые упоминаются за много веков до того времени, о котором я сейчас говорю. Пифей Марсельский, путешествовавший по Северной Европе во времена Александра Великого, говорит о них как о жителях побережья Балтики, а Тацит, писавший около 90 года н.э., помещает их практически в том же районе. Однако через сто лет после этой даты о них говорят как о жителях Черного моря. Однако нам не стоит беспокоиться о месте их обитания, как и о расе. Некоторые авторы считают, что они принадлежали к славянскому, а не тевтонскому роду. То, что в огромном множестве, которое римляне знали под общим названием готы, было несколько славян, более чем вероятно. Точно так же кельтский элемент присутствовал в великой тевтонской стае, которая так почти захватила Италию в конце второго века до н.э. Но все, что мы знаем о них, будь то их привычки или внешний вид, заставляет нас думать, что они были германцами.

Поэтому примерно в 247 году нашей эры готы вторглись в провинцию Дакия и захватили ее. Перейдя через Дунай в Мёзию^[46] (Болгарию), они осадили ее столицу, ныне известную под названием Правади (двадцать пять миль к западу от Варны). Город был плохо защищен, поскольку, имея между собой и границей империи всю провинцию Дакию, он не ожидал никакой опасности. Жители не видели ничего лучшего, как выкупить врага, заплатив большой выкуп. Такая политика редко бывает успешной, как мы знаем из истории нашего острова, где план выкупа датчан пытались осуществить снова и снова без особого успеха. Готы ушли и вскоре вернулись.

Деций, который к тому времени сместил Филиппа Аравийского на императорском троне, получив известие о втором вторжении, отправился на помощь провинциям, подвергшимся нападению. Он застал варваров осаждающими Никополь (на южном берегу Дуная). При его приближении они быстро сняли осаду, прошли через Мизию и направились через Балканы с намерением напасть на Филиппополь. Деций последовал за ними, не приняв, видимо, должных мер предосторожности от неожиданности, так как готы повернули на него и

разгромили его армию. Его силы были настолько разбиты, что он не смог попытаться помочь Филиппополю, который вскоре после этого был взят штурмом и разграблен.

Деций, хотя и совершил катастрофическую ошибку, был храбрым и умелым воином. Он быстро принял меры, чтобы исправить свое поражение, охраняя места переправы через Дунай и балканские перевалы, чтобы не допустить подкрепления к готам. Те, в свою очередь, сильно пострадали. Осада и штурмы стоили им многих жизней; их запасы были на исходе, так как они не имели с собой никаких запасов и могли черпать пропитание только из страны, которую они опустошили. К тому же их сильно тревожила перспектива того, что их отступление будет отрезано. В этих условиях они предложили отдать всю добычу и всех пленных, если им позволят вернуться невредимыми в свою страну. Деций отказался принять это предложение. Вероятно, он считал, и у него были на то основания, что с варварами нельзя заключить выгодное соглашение. Единственный способ справиться с готами - поступить с ними так же, как Марий поступил с кимврами и тевтонами. Захватчики приготовились к бою. Последовавшее за этим сражение было упорным. Готы выстроились в три линии - по первым признакам мы можем судить об определенном военном мастерстве и подготовке племени, - третья из которых была защищена мором. Первая и вторая линии были разбиты, третья же выстояла и отразила все атаки легионов. Сын императора пал в начале дня; о судьбе самого Деция ничего не известно. Достоверно известно лишь то, что армия была практически уничтожена. Готы смогли вернуться домой, не потеряв ни добычи, ни пленных. Они даже получили большую сумму за обещание не приставать больше к провинциям Рима, пока, конечно, - поскольку обе стороны, должно быть, понимали эту оговорку - они не сочтут нужным сделать это. Эта битва не имеет названия, так как место, где она произошла, невозможно определить, но это было событие величайшей важности. Рим и раньше терпел бедствия похуже, но никогда еще не было такого, что повлекло бы за собой столь значительные потери. Армия варваров разрушает столицу провинции, разбивает две армии, убивает самого императора и возвращается домой не только со всей добычей, но и с тяжелой взяткой, которой было куплено ее терпение. Очевидно, что это было началом конца.

В течение нескольких лет после своих походов в районе Дуная готы занимались экспедициями, которые имели любопытное сходство с теми, что совершали их родственники в более поздние времена, викинги и северяне. Похоже, они не обладали собственным мореходством, но заманивали или заставляли морское население черноморского побережья помогать им. Их первое путешествие было на восток. Они проплыли вдоль северного побережья Черного моря, захватив по пути Пицунду, обогнули его восточную часть и, наконец, захватили Трапезунд, самый богатый город на севере Малой Азии, где им досталось огромное количество добычи и множество пленных. Следующий их поход имел западное направление. Они захватили провинцию Вифиния. Знаменитые города Никла и Никомидия, среди прочих, попали в их руки почти без всякой попытки сопротивления. Более трех столетий эти регионы не знали присутствия чужеземного врага. У них не было собственных войск, за исключением, возможно, некоторых местных сборов, которые, конечно, не имели опыта ведения войны, а легионы, которые должны были их защищать, сильно выродились как в храбрости, так и в дисциплине. Третья экспедиция готов привела их за пределы Черного моря в Эгейское. Их флот вошел в Пирей. Афины, которые не пытались, а может быть, им и не разрешили восстановить свои стены, разрушенные более чем за триста лет до этого Суллой, были взяты и разграблены. Греция не могла оказать никакого сопротивления. У нее не было ни средств, ни людей. Захватчики по-прежнему продвигались на запад и угрожали самой Италии. Здесь, однако, их продвижение было остановлено. Но и из этой экспедиции, сколь дерзкой она ни была, они вернулись целыми и невредимыми. Это

послужило еще одним доказательством, не менее значимым, чем смерть Деция, того, насколько низко пала империя.

Пока готы ускользали из юго-восточных провинций империи, другие враги были заняты на севере и западе. Франки впервые появляются в истории. Это название, часто встречающееся нам в современном мире, в частности во Франции, в таких названиях, как Франкония, Франкфорт, Франкенталь, означает "свободные" и, вероятно, возникло в результате объединения племен, населявших восточный берег Рейна и принявших этот титул, чтобы отличить себя от подданных Рима на противоположном берегу реки. Франки опустошили провинцию Галлия, перешли Пиренеи и опустошили Испанию. О подробностях их вторжения мы знаем очень мало. Считается, что один из так называемых "тридцати тиранов", Постум, остановил их продвижение и сделал кое-что для защиты римских провинций на Западе. Постум был убит в 267 году нашей эры.

Эта дата относится к периоду крайней депрессии, который совпадает с правлением Валериана и Галлиена. Валериан был любимым лейтенантом императора Деция и, судя по всему, был человеком с высоким характером и способностями. Но обстоятельства оказались слишком сильны для него. Как ни велики были опасности, угрожавшие европейским провинциям империи, именно на азиатской границе его присутствие было более настоятельно необходимым. Революция в Парфии восстановила древнюю династию персидских царей или, по крайней мере, род, претендовавший на это звание. Новую линию царей теперь представлял некий Шапар, или, как писали римляне, Сапор. Армения, долгое время являвшаяся костью раздора между Римом и Парфией, была захвачена; гарнизоны на Евфрате были вынуждены сдаться. Валериан поспешил навстречу новому врагу, столкнулся с ним у Эдессы и потерпел сокрушительное поражение. Мы почти ничего не знаем о том, что произошло, кроме того, что легионы по глупости их вождя или предательству тех, кому он доверял, попали в безвыходное положение; что их попытка пробить себе путь через вражеские войска была отбита с большими потерями; и что в конце концов Валериан был вынужден сдаться Сапору, а легионы сложили оружие. Теперь ничто не могло остановить парфянского царя. Великолепный город Антиохия был взят и разграблен или сожжен. Он даже пересек хребет Тавра и захватил богатый город Тарс. Невозможно сказать, на чем бы он остановился, если бы не мужество и способности Одената, правителя Пальмиры, и его жены Зенобии. Именно они, а не римское оружие, заставили парфян вернуться в свою страну.

Валериан так и не был освобожден из плена. Рассказы - правда это или нет, сказать невозможно - повествуют об унижениях, которым он подвергался со стороны персидского царя. Всякий раз, садясь на коня, Сапор ставил ногу на шею своего пленника. А когда несчастный был освобожден смертью, его шкуру набили соломой, а фигуру сохранили в одном из персидских храмов, "более реальном памятнике триумфа", отмечает Гиббон, "чем надуманные трофеи из меди и мрамора, так часто воздвигаемые римским тщеславием". Какой бы ни была правда о том или ином факте, несомненно, что этот период стал свидетелем двух беспрецедентных унижений достоинства Рима: один император был убит в битве, другой находился в бесчестном плену.

ФУТБОЛ:

[43] Примечательно, что самый философский из "добрых императоров" отступил от правила усыновления, которое, очевидно, было столь благотворным для Рима, и оставил престол своему сыну, о реальном характере которого он вряд ли мог не знать. Гиббон, однако, считает, что отсутствие наследственного принципа было одной из главных причин бедствий империи.

[44] В 165 году легионы, возвращавшиеся с Востока, как говорят, принесли в Европу восточную чуму.

[45] Гиббон сокращает это число до *девятнадцати*.

[46] Восточная часть провинции.

II

ВЕК ВОЗРОЖДЕНИЯ

Наблюдая за бедствиями и позором, которые постигли империю в то время, которое я назвал "Веком позора", можно было бы предположить, что конец близок. Но древний институт так просто не погибает. Империя по-прежнему обладала огромным престижем, организацией управления, выработанной чередой способных государственных деятелей и правителей, и армией с бесчисленными победными традициями. При наличии умелого лидера непременно произошло бы возрождение бодрости или, по крайней мере, сдерживание прогресса упадка. Лучшие времена начались со смертью Галлиена, сына Валериана, в 268 году нашей эры. Он погиб, неясно, в результате предательства или несчастного случая, в одном из многочисленных конфликтов, происходивших в этот период между обладателем императорского трона и многочисленными претендентами, которые на него претендовали. Его преемником стал солдат скромного происхождения, хотя и носивший старое патрицианское имя Клавдий. Вскоре ему представилась возможность проявить свои солдатские качества. В год после его вступления на престол огромная армия готов и других племен, привыкших сражаться под их знаменами, вторглась в провинции к югу от Дуная. Клавдий поспешил встретить их и провел великую битву при Ниссе в Сервии, в которой, как говорят, погибло 50 000 варваров. О подробностях этого или любого другого конфликта того времени известно немного; хроники той эпохи лишены силы описания и вообще литературного дара, но мы знаем, что легионы уже начали сдавать позиции, когда Клавдий привел им на помощь подкрепление. Эти свежие войска обрушились на тылы варваров и полностью изменили ход событий. Но победа Ниссы не положила конец войне. Да и Клавдий не дождался ее окончания. Правда, он сделал достаточно, чтобы получить титул Готика и заслужить его лучше, чем это иногда случалось с императорами, удостоенными подобной чести.[47] Но он умер - жертва, как утверждали, чумы, которая зародилась в лагере варваров, - процарствовав чуть больше двух лет, и оставил завершение войны своему преемнику Аврелиану.

Правление Аврелиана было немногим дольше, чем правление Клавдия. Оно началось в августе 270 года и закончилось в марте 275 года убийством; но этот короткий период был наполнен великими достижениями. В борьбе с готами он показал, что был не только воином, но и государственным деятелем. Убедительно доказав им, что он может победить их в поле, он превратил их из врагов в друзей с помощью своевременной щедрости. Стало очевидно, что провинцию, которую Траян присоединил к империи, больше нельзя удерживать с выгодой; Дакия, соответственно, была отдана готам и связанному с ними племени, о котором мы еще услышим, - вандалам. Готы оставались верны Риму, пока, как мы увидим, их не вынудили к вражде. Они даже предоставили вспомогательную кавалерию для императорской армии.

Но пока Аврелиан был занят этим, Италия и даже Рим оказались под угрозой нападения другого народа той же германской расы. Алеманны, народ, о котором мы почти ничего не знаем, кроме того, к какому роду они принадлежали,^[48] внезапно пересекли римскую границу и пробились до севера Италии. Армии империи были заняты в других местах, и захватчики беспрепятственно грабили страну. Они даже успели вернуться к Дунаю, когда их встретил Аврелиан. Понять последующую историю непросто. Император одерживает верх над варварами и доводит их до такого состояния, что они просят о мире. Когда их посланники предстают перед Аврелианом, обстоятельства внезапно меняются. Алеманны, вместо того чтобы просить о помиловании, диктуют условия. Они должны получить субсидию, если Рим хочет иметь их в качестве союзников. Император с негодованием отказывает им, и мы ожидаем услышать о самом суровом наказании. Ничего подобного не происходит. Аврелиан, вызванный в другое место каким-то требованием, от которого он не может отказаться, исчезает со сцены и оставляет завершение дела своим помощникам. Они пренебрегают своим долгом или не выполняют его; алеманны пользуются случаем, прорываются через *кордон* войск, который был сформирован вокруг них, и пробираются назад в Италию. Далее мы слышим о том, что они опустошают территорию Милана. Аврелиан приказывает легионам следовать за ними со всей скоростью, на которую они способны, а сам спешит на защиту Италии с быстро движущимися силами, частично состоящими, что интересно, из вспомогательной кавалерии, набранной из новых поселенцев в Дакии. Последовавшая за этим борьба - совсем не то, чего мы ожидали, узнав о том, в какое положение были поставлены алеманны на Дунае. Под Пьяченцей римская армия оказалась на волосок от гибели. Варвары неожиданно настигают легионы, когда те беспечно маршируют по лесистой дефиле. Только благодаря величайшим усилиям Аврелиану удается собрать их. Но хотя армия спасена от гибели, она не может остановить продвижение врага. Когда мы в следующий раз слышим о них, варвары продвинулись более чем на сто миль ближе к Риму. У Метавра, недалеко от места гибели Гасдрубала, император настиг их. На этот раз они, видимо, потерпели серьезное поражение, так как в третий и последний раз появились в Северной Италии, возле Павии (древний *Тицидум*). Историки утверждают, что они были истреблены, и, вероятно, это правда, поскольку такая судьба, естественно, постигла неудачливых захватчиков Италии.

Я могу вкратце упомянуть, что Аврелиан восстановил римскую власть на Востоке, свергнув Зенобию, которая после смерти своего мужа Одената сохраняла независимость в Пальмире, и на Западе, положив конец узурпации Тетрика, который несколько лет сохранял независимость в Галлии и Британии. Судя по всему, империя была восстановлена в том виде, в каком она была после смерти Марка Аврелия.

ФУТБОЛЬНЫЕ ССЫЛКИ:

^[47] Домициан, например, назывался *Германиком*, хотя его кампании против германцев были отмечены скорее катастрофами, чем победами.

^[48] Историки того времени не называют их одинаково.

ТРИ СМЕРТЕЛЬНЫХ УДАРА

Рассказать историю последнего столетия Римской империи во всех подробностях было бы невозможно на любом доступном мне пространстве. Я должен ограничиться рассказом о том, что можно назвать тремя самыми значительными событиями этого периода.

Первый из смертельных ударов, которые, можно сказать, привели к концу Римской империи, был нанесен почти против воли тех, от кого он исходил. Политика Аврелиана по передаче Дакии готам в целом была успешной. Они были довольны и даже дружелюбны, находили достаточное занятие для своего оружия, распространяя свою власть среди варварских соседей, и поставляли немало новобранцев в императорские армии. В 375 году они были потревожены сообщениями о вторжении войск, которые наступали с севера и востока. В этих сообщениях новоприбывшие изображались отвратительными по внешнему виду и жестокими по характеру. Сейчас мы привыкли к облику татар, но для Европы IV века широкое, почти безбородое лицо, плоский нос, широко расставленные глаза и приземистая фигура были столь же страшны, сколь и странны. Что касается дикости гуннов - так называли новоприбывших - то слухи об этом были сильно преувеличены. Сами готы в прежние времена отличались не менее свирепым нравом, но вот уже несколько поколений они находились в контакте с цивилизацией, и христианская вера начала проникать в их среду. Обе части народа, известные под именами остготов и вестготов, были последовательно разбиты вторгшимся войском, которое проявило не только храбрость, но и военное мастерство. Остроготы покорились захватчикам всем телом, хотя значительной части удалось спастись, прихватив с собой своего малолетнего короля. Вестготы решили броситься под защиту Рима. Они отправили посланников к императору (Валенсу) и умоляли разрешить им пересечь границу. После некоторой задержки Валенс дал свое согласие, и весь народ - за исключением нескольких разрозненных компаний - был переправлен через Дунай. Численность беженцев можно оценить в миллион человек, поскольку среди них было не менее двухсот тысяч мужчин военного возраста. Было оговорено, что все оружие должно быть сдано. Но это условие, как правило, уклонялось. Коррумпированные чиновники империи были готовы за определенную плату разрешить готским воинам сохранить оружие. Позволив им таким образом оставаться грозными, они с почти невероятной глупостью принялись оскорблять и притеснять их всеми возможными способами. Они отнимали у них жен и детей, продавали по завышенным ценам продовольствие, которое императорское правительство обязано было поставлять безвозмездно. Тем временем полководцы Валенсы пренебрегали обороной Дуная, и большая часть остготов, которым было отказано в переправе через реку, взяла дело в свои руки и переправилась в провинцию. Две ветви народа не сразу пришли к взаимопониманию и выступили единым фронтом против своих угнетателей. Прошло совсем немного времени, и тлеющий огонь разгорелся. Первая битва произошла неподалеку от Правади,^[49] где Клавдий за много лет до этого разгромил готов. Мы мало что знаем об этом конфликте, кроме его результата, который, по словам историка готов (или, как он их называет, гетов), должен был привести к тому, что готы перестали быть чужаками и иностранцами, а стали членами государства и владыками страны, которую они занимали. Последовало нерешительное сражение в местечке под названием *Салис* ("Ивы") в низине у устья Дуная, но великая битва войны произошла в Адрианополе. Валенс, который провел значительное время, без особой пользы для империи, в Антиохии, вернулся в начале лета 378 года в Константинополь. После короткого отдыха в этом городе, где он произвел некоторые изменения в главных командах своей армии, он отправился на север и укрепил лагерь под стенами Адрианополя. Император и его главные советники обсуждали, стоит ли

им сразу вступать в бой. Причин для промедления было много. Валенса занимал сильную позицию и имел в своем распоряжении неограниченные запасы. С другой стороны, варвары были плохо обеспечены во всех отношениях и наверняка становились слабее, чем дольше они были вынуждены оставаться на поле боя. Еще одним весомым соображением было или должно было быть приближение Грациана, императора Запада, к которому Валенса обратился за помощью и который сейчас форсированными маршами продвигался на восток. Грациан действительно отправил специального гонца, умоляя Валенсу не рисковать сражением до его прибытия. К сожалению, эта просьба возымела эффект, прямо противоположный задуманному. Валенсу не терпелось обеспечить себе всю славу, которую принесет победа, на которую он так рассчитывал, и когда Грациан попросил отсрочки, он сразу же решил сражаться.

Был разгар лета, и Валенса едва ли можно было назвать благоразумным, когда он снялся со своей позиции под стенами Адрианополя и начал марш, который, как можно было ожидать, не займет и четырех часов - расстояние, которое предстояло преодолеть, составляло десять миль - с намерением атаковать врага. В любом случае люди были бы немного утомлены или измотаны; так и случилось, одно крыло армии значительно опередило другое, и то, которое отстало, было вынуждено спешить, чтобы занять свое место в строю. Но и после этого время было потеряно, так как Валенса забавляли предложениями о перемирии или прекращении огня, которые противник не собирался выполнять. Один из имперских генералов, возможно, нетерпеливый к задержке, предпринял атаку, которая была легко отбита. В ответ готская кавалерия атаковала со смертельным исходом. Римские всадники бежали перед ними, а легионы, оставшись одни на открытой равнине перед лицом превосходящего по силе противника, были практически уничтожены. Судьба Валенса точно не известна, но более распространено мнение, что, будучи тяжело раненным, он был унесен с поля боя в соседний коттедж. Прежде чем удалось найти способ бегства, даже перевязать рану, коттедж был окружен врагом. Обитатели делали все возможное, чтобы отстоять его, но готы, не терпящие промедления, подожгли его и сожгли дотла. Валенса, так или иначе, больше никогда не видели. Армия Рима была сметена с лица земли при Адрианополе так же полностью, как при Каннах, но за пять веков, разделявших эти две великие катастрофы, Рим утратил способность к восстановлению.

Следующий большой удар, полученный Римом, также исходил от готских рук. Первое упоминание об Аларихе свидетельствует о значительных изменениях в римской политике. Готский вождь получил высокое командование в войсках империи и был нанят правителем в борьбе с претендентом. Когда он обратился против своего работодателя, это произошло потому, что он был разочарован в своих амбициях занять еще более высокий пост. Нет необходимости подробно описывать его карьеру. Краткое изложение достаточно ясно показывает не только его гений, поскольку он, безусловно, был государственным деятелем и солдатом больших способностей, но и прискорбную слабость империи. Поначалу, правда, у него был антагонист, который был ему более чем ровней. В 396 году он открыто восстал и отправился в Грецию, которую разграбил, не встретив никакого сопротивления, так как страна уже давно перешла в состояние беспомощного рабства. Но его преследовал Стилихон, сам варвар по происхождению - солдат, не уступавший ни одному из великих полководцев прошлого. Готы оказались заперты в Пелопоннесе. Однако их предводитель сумел выпутаться из затруднительного положения, переправил свою армию через западную часть Коринфского залива и занял Эпир. Следующим событием в его необычной карьере стало то, что он был назначен императором Востока - Восточная и Западная империи были окончательно разорваны четыре года назад^[50] - губернатором провинции Иллирик. Здесь он мог планировать и готовить свои планы по окончательному завоеванию Рима. То, что

возможность для этого предоставила держава, которая должна была стать ближайшим союзником Рима, было верным признаком приближающейся гибели.

Через несколько лет после основания Иллирикума Аларих, которого его соотечественники тем временем приветствовали как короля, почувствовал себя готовым к вторжению в Италию. Однако Стилихон все еще командовал римскими войсками, которые теперь почти полностью были набраны из варварских племен, и он оказался более чем достойным противником готского короля. Великая битва при Поллентии (в Северной Италии) проходила с более чем обычным упорством. Фортуна не раз меняла свои стороны. Однако в конце концов гений Стилихона одержал верх: готы были вытеснены с поля боя, их лагерь взят, а жена Алариха попала в руки завоевателей. Но великий полководец еще не был побежден. Его кавалерия, главная сила его войска, не была разбита, и он разработал смелый план похода на Рим. Однако от этой затеи он отказался; он принял предложение Стилихона, который предложил ему уйти невредимым из Италии при условии, что он станет на будущее союзником Рима. Однако он не собирался выполнять свою часть сделки. Напротив, он разработал план, как завладеть Галлией. Но его планы были преданы Стилихону, и в окрестностях Вероны он потерпел еще одно поражение, не менее катастрофическое, чем при Поллентии. Однако и тогда он был грозным противником, и Стилихон скорее позволил ему удалиться из Италии, чем довел его до крайности.

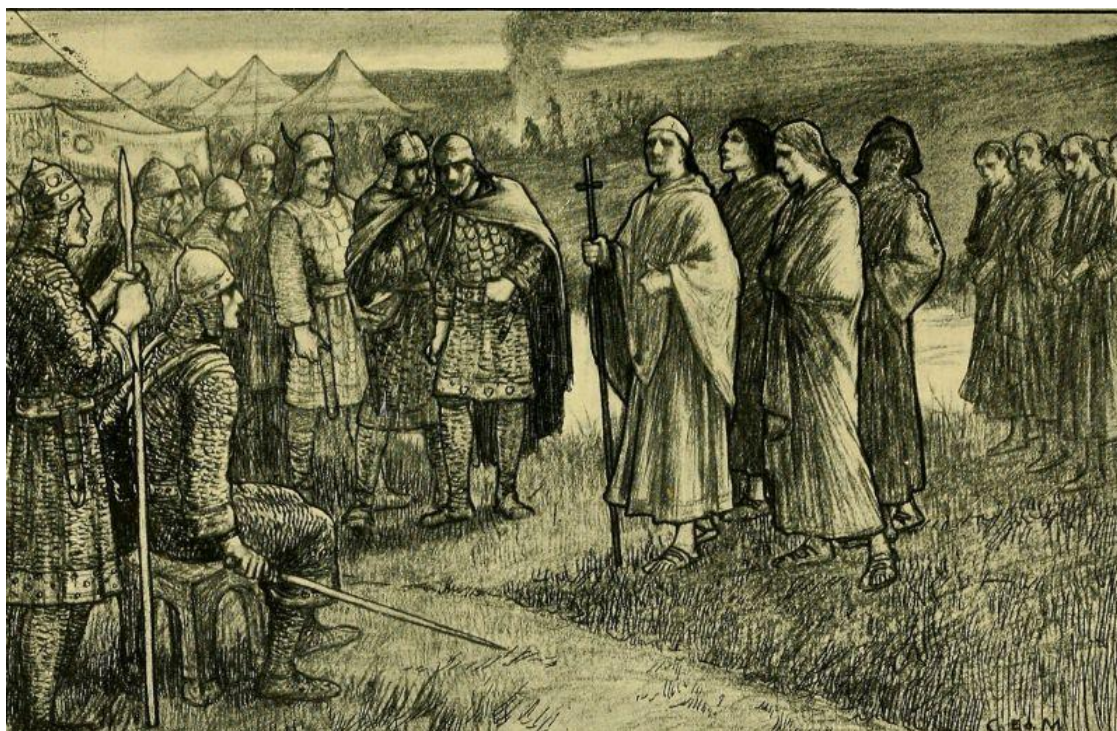
Спустя четыре года, года непрерывного истощения ресурсов империи, Аларих приготовился возобновить свое покушение на Рим. Стилихон был мертв. Возможно, он заслужил свою участь, поскольку, несомненно, лелеял амбиции, которые не позволили ему стать верным подданным. Но занять его место во главе легионов было некому. Разумеется, Аларих не встретил сопротивления, пройдя по Италии, и в конце концов разбил свой лагерь под стенами Рима. Сопротивление было невозможно, оставалось только узнать, какой наименьшей ценой врага можно откупиться. К царю подошли два посланника от сената. Они начали с того, что посоветовали благоразумие. По их словам, было бы хорошо, если бы Аларих не доводил до отчаяния храбрый и многочисленный народ. "Чем толще сено, тем легче его косить", - ответил король. Когда его попросили назвать выкуп, который он готов принять, он заявил, что должен получить все золото и серебро, которым они владеют, все их ценности и всех рабов варварского происхождения. "Что же ты нам оставляешь?" - спросили его посланники в смятении. "Ваши жизни", - ответил он. Однако в конце концов он согласился на компромисс, по которому должен был получить пять тысяч фунтов золота, тридцать тысяч фунтов серебра, а также множество драгоценных изделий, шелка, тканей и пряностей.

Полученная таким образом передышка была недолгой. Министры императора, укрывшись в крепости Равенна, вели себя со странной смесью слабости и вероломства. Венцом их безрассудства стало разрешение вождю варваров, находившемуся на их службе, совершить неспровоцированное нападение на отряд готов. Он был уничтожен, но победа досталась дорогой ценой. Аларих, справедливо возмущенный таким поведением, прервал все переговоры и двинулся на Рим. Сенат приготовился оказать все возможное сопротивление. Но ничего толком сделать не удалось. Какие-то предатели в городе открыли одни из ворот, и готы прорвались в город, который в течение шести дней был отдан на растерзание и разграбление. Можно сказать, что таким образом Рим навсегда потерял право на владычество над миром. Но чаша унижения была еще не полна.

Аларих недолго пережил завоевание Рима. Он умер в том же году и был похоронен, как гласит история, в русле ручья, воды которого на время были отведены, а рабочие,

выполнявшие эту работу, были зарезаны, чтобы тайна места его упокоения никогда не была разглашена.

Но Риму суждено было попасть во власть завоевателя еще более могущественного и свирепого. Атила был гунном и, как говорят, даже преувеличивал в своей внешности все характерные уродства своей расы. Границы империи вряд ли можно определить, но несомненно, что она имела огромные размеры. Вряд ли будет преувеличением сказать, что она простиралась от Китая до Рейна. Последовавшие за ним войска были почти неисчислимы. Невероятные цифры, которыми восторгаются историки древности, не были преувеличением. Вероятно, будет скромной оценкой его войска сказать, что оно состояло из полумиллиона бойцов.

Атила и Лев.

Каким бы могущественным он ни был, король гуннов не мог проводить свой курс без сопротивления. Рим все еще мог производить или, скорее, перенимать великих воинов - Аэций, великий антагонист Аттилы, был скифом по происхождению, как Стилихон - вандалом, - и великие воины всегда могли найти людей, чтобы следовать за ними. В начале правления Аттилы^[51] его операции велись в пределах Восточной империи. В 450 году он напал на Запад, одним из предлогов стал отказ императора Валентиниана III от его предложений руки принцессы Онории. С огромной армией он переправился через Рейн у Страсбурга и двинулся на Орлеан. Но Аэций был готов к нему. При Шалон-сюр-Марне состоялась великая битва, ставшая последним успешным усилием римского оружия. Одной из примечательных особенностей битвы является разделение готов: остготы, следуя за штандартом Аттилы, в то время как вестготы сражались за Рим. Потери в людях составили от двух до трехсот тысяч, но разделены они были неравномерно. Аэций не смог предотвратить отступление Аттилы, который удалился в Восточную Европу, где провел несколько месяцев, набирая армию.

В начале следующего года он перешел Альпы, спустился в Италию и, захватив и полностью разрушив город Аквилею, двинулся на Рим. До города он, правда, так и не дошел. Недалеко

от Мантуи его встретили три посла, один из которых был епископом Рима, известным как Лев Великий. Они принесли предложение о полной покорности. Император больше не отказывался от условий, которые прежде императивно отвергал. Гуннский король должен был получить руку принцессы Онории, а вместе с ней, как эпиграмматически выразился Гиббон, "огромный выкуп или приданое". Брак так и не состоялся, потому что Атила умер в следующем году, но он нанес Риму унижение, еще большее, чем то, которое она испытала от руки Алариха.

Еще об одном событии я должен рассказать, потому что оно в некотором смысле завершает этот великий период истории. В 475 году юноша, носивший имя Ромул и прозвище Августул, был возведен на трон своим отцом Орестом, который на некоторое время получил контроль над теми армиями, которые еще подчинялись империи. В следующем году Орест потерпел поражение и был убит, а его сыну разрешили отречься от престола. Италия перешла в руки Одоакра, царя герулов. Старый мир канул в Лету, и начался Новый.

ССЫЛКИ:

[49] См. с. 349.

[50] После смерти императора Феодосия (394 г. н. э.) два его сына - Гонорий и Аркадий - стали императорами Запада и Востока соответственно.

[51] Он вступил на престол в 434 году в партнерстве со своим братом, а после смерти или убийства этого брата, как утверждают некоторые, стал правителем страны в 445 году.

ЭПИЛОГ

Я считаю само собой разумеющимся, что никто из моих читателей не сомневается в существовании определенной цели - кто-то может предпочесть назвать ее тенденцией - в истории человечества. Писателей, пишущих на эту тему, часто обвиняют в том, что они слишком много внимания уделяют войне. Но война - это высшее проявление человеческой воли, и война, со всеми ее ужасами и потерями, работает, как мы рады верить, на общее благо. Выжили сильнейшие среди народов. Мы не можем оценить потерю, которую понесло бы человечество, если бы великие военные монархии Востока уничтожили незначительное племя, которое должно было стать мировым учителем праведности. Нечто подобное можно увидеть и в так называемой светской истории.

Греция мужественно боролась за сохранение себя от персидского господства, несмотря на то, что, должно быть, казалось почти безнадежным. Если бы одиннадцать тысяч "марафонцев" были растоптаны ногами персидских войск, Афин пятого века, с их свободной политической жизнью и непревзойденным интеллектуальным развитием, не существовало бы. На ее место пришла бы бесплодная деспотия, лишенная литературы и искусства, и мир был бы неизмеримо беднее от такого обмена.

То, что верно в отношении борьбы между Грецией и Персией, верно и в отношении великого конфликта, длившегося более двух столетий, в котором сицилийские греки, время от времени получая небольшую помощь с родины, противостояли Карфагену. Персия и Карфаген, хотя и сильно отличались друг от друга, были одинаково враждебны основным принципам западной цивилизации.

Нет необходимости говорить о том, чем закончились войны между Римом и Карфагеном. Рим, действительно, взял на себя дело, за которое боролась Греция. Невозможно представить себе карфагенскую империю, осуществляющую всемирное господство с чем-то похожим на те благотворные результаты, за которые мир должен благодарить господство Рима. Карфагенская политика и мораль, насколько мы можем судить о них, были узкими и бесчеловечными.

Когда мы переходим к завоеваниям Александра, мы, надо признаться, не можем так ясно видеть наш путь. Однако мы можем увидеть в них распространение греческого влияния на Западную Азию. Это влияние уже действовало. Греческие колонии были основаны далеко на востоке; на восточные народы оказали большое влияние греческие мысли и нравы. Недолгая карьера Александра - она длилась всего одиннадцать лет - во многом способствовала этому процессу эллинизации. Империя великого завоевателя после его смерти развалилась на куски, но из руин были созданы два греческих царства, если говорить только о его восточных владениях. Именно в этих царствах были одержаны одни из самых ранних побед христианства. Принесенная в мир семитским племенем, наша вера в значительной степени использовала для своего распространения греческие средства, из которых наиболее очевидным является общий греческий язык.

Нам не нужно доказывать, что Рим не был сокрушен кельтскими захватчиками 390 года до н. э. или тевтонцами 112 года до н. э. Не менее очевидно, что развитию человеческой расы во многом способствовало последующее распространение империи, пока она не охватила всю Европу к западу от Рейна и к югу от Дуная, всю Северную Африку и Азию к западу от Евфрата. Достаточно сказать, что римское право является доминирующей силой в большинстве кодексов современной Европы и важным элементом во всех.

Наконец, мы имеем дело со свержением Римской империи варварами с севера и востока. Поначалу может показаться, что это свержение - "хаос, пришедший снова". Так, несомненно, думали многие в то время. Однако из суматохи четвертого и пятого веков пришел новый порядок, тот самый, который мы видим в современной Европе. Эта тема лежит за пределами моей компетенции. Я могу лишь констатировать факт.

БРАТЯ УНУИН, ГРЕШЕМ ПРЕСС, УОКИНГ И ЛОНДОН